

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ
КИЕВСКОГО ИНСТИТУТА
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
Т. IX.

SCHRIFTEN DES
KIEWER INSTITUTS
FÜR VOLKSWIRTSCHAFT
Bd. IX.

НАУКОВІ ЗАПИСКИ
КИЇВСЬКОГО
ІНСТИТУТУ НАРОДНОГО ГОСПОДАРСТВА

Т. IX.

КИЇВ — 1928

Київський Інститут Народнього Господарства

з року 1923 видає

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

(раніш під назвою „ТЕХНІКА, ЕКОНОМІКА й ПРАВО“).

ЖУРНАЛ СТАВИТЬ СОБІ ЗА МЕТУ:

1. Ознайомлювати широкі кола наукових робітників та робітників народнього господарства з поточною науковою працею за тими галузями наукового знання, що на користь їм працює Інститут.

2. Запобігати студентству КІНГ'у та інших ВУЗ'ів в їх навчальній роботі через друкування праць викладачів КІНГ'у, що мають крім свого наукового значіння ще й навчально допомічне при виучуванні тої чи іншої дисципліни.

3. Обмірковувати нові методи навчання, що переводяться в ВУЗ'ах як в площині загально-теоретичній, так і з боку обліку конкретного досвіду, що його утворило вживання цих нових методів в біжучому академічному житті КІНГ'у.

До складу Редакційної Колегії входять:

Голова—Ректор Н. М. Миколенко.

Члени: { проф. Є. І. Кельман
проф. А. Е. Кристер (ред. Відд. Права).
проф. М. І. Мітіліно.
проф. С. Д. Сидоряк (ред. Відд. Економіки).

Секретар О. С. Добров.

До Редакції та видавництва Записок звертатися на адресу:

Бульвар Шевченка 24. Тел. 13-31.

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ
КИЕВСКОГО ИНСТИТУТА
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Т. IX.

SCHRIFTEN DES
KIEWER INSTITUTS
FÜR VOLKSWIRTSCHAFT

Bd. IX.

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

КИЇВСЬКОГО

ІНСТИТУТУ НАРОДНОГО ГОСПОДАРСТВА

Т. IX.

27-3730

27-562

29-514

КИЇВ — 1928

Бібліографічний опис та шифри
для бібліотечних каталогів на цю
книгу вміщено в „Літописі Україн-
ського Друку“ та „Картковому ре-
пертуарі“ Української Книжкової
Палати.

Держтрест „Київ-Друк“, 4-та
друк. вул. Воровського, 42.
Зам. Ч. 4685—750.
Київськ. Окрліт № 1373.

Микола Іванович Зібер.

(До сорокаліття смерті).

I.

10 травня 1928 року минуло 40 років, як помер Микола Іванович Зібер, видатний представник Марксової економічної науки, перший популяризатор ідей наукового соціалізму на Україні й в Росії, глибокий теоретик, запальний публіцист і визначний український громадський діяч 60-их і 70-их років.

Теоретичне обґрунтування практичної революційної діяльності з'являється тільки в першій половині дев'яностих років минулого століття. Марксизм, як теорія й практика пролетарської боротьби, широкі кола робітничої класи захопив тільки тоді, коли капіталізм опанував не тільки промисловість, а й сільське господарство. З появленням праць П. Струве, „Критические заметки“ (1894), Г. Плеханова „Монистический взгляд на историю“ (1895 р.), В. Леніна „Экономическое содержание народничества и критика его в книге П. Струве“ (1895 р.), а також праць теоретиків української соціал-демократичної партії, зв'язується початок марксизму в Росії і на Україні.

Але так вищезазначені праці, як і публіцистичні твори „Группы освобождения труда“, не були першими літературними творами, що виявляли вплив науки Маркса — Енгельса на українське й російське громадянство. Перше місце належить М. Й. Зіберові, що під його впливом склався світогляд найвизначніших представників наукового соціалізму—С. Подолинського на Україні²⁾, Г. Плеханова—в Росії¹⁾. Великий знавець класичної англійської економічної літератури й найновішої німецької М. Зібер знайомив передове громадянство Східньої Європи з найновішими науковими досягненнями Заходу. Свою працю „Теория ценности и капитала Д. Рикардо“ Зібер випустив 1871 року, т.-б. через чотири роки після виходу „Капіталу“ К. Маркса, за рік перед тим, як перекладено було його на російську мову. Ця праця одразу притягла до себе увагу, та й не тільки українського, а й західньо-європейського

¹⁾ „Автобіографія“ М. Драгоманова (Київ, 1917 р.), ст. 21. М. Грушевський. „Мих. Драгоманов і женеvський соціалістичний гурток“, Wien, 1922, ст. 14—15.

²⁾ В. Ваганян. „Г. В. Плеханов“, Москва, 1924, ст. 35—36. Див. передмову Д. Рязанова до творів Г. Плеханова, т. I, ст. 12.

читача. Маркс у передмові до другого видання першого тому „Капіталу“ так оцінює працю молодого українського економіста, що обіймав катедру політичної економії та статистики в Київському університеті: „Ще року 1871 М. Зібер, професор політичної економії в Київському університеті, в своєму творі „Теория ценности и капитала Д. Рикардо“, довів, що моя теорія вартости, грошей і капіталу в основних початках є конечний дальший розвиток науки Сміта та Рикардо. Що вражає західньо-європейського читача при читанню його цінної праці, так це послідовна витриманість суто теоретичної точки погляду“¹⁾. В зазначеній праці М. Зібер виявив велику ерудицію, марксівський метод у розв'язанню соціальних питань, силу абстрактної аналізи й уміння розбиратись в найтонших і найбільш заплутаних теоретичних проблемах,—це й вписало ім'я М. Зібера в реєстр найталановитіших економістів Марксової школи.

М. Зібер перший переніс Марксову теорію капіталізму на Україну, і, на хід революційного українського руху мав незмірний вплив. З його ім'ям зв'язується цілий період в розвою економічної думки на Україні, період наукового соціалізму Маркса—Енгельса.

Під впливом М. Зібера ідеї Маркса набірають чину на Україні, знаменуючи собою відхід значної частини революціонерів від народництва й перехід його на рейки наукового соціалізму²⁾. Через М. Зібера Марксова теорія розпочала проторювати шлях на Україну, шлях до урозуміння капіталістичного розвитку, що давало змогу пізнати реальний розвиток українського капіталізму і показувало на ті сили, що виздрівали в натрах капіталізму і мали знищити силу капітала³⁾.

Життя Миколи Йвановича Зібера було не довговічне й не багате фактами. Народився М. Й. року 1844 на Таврії. Середню освіту здобув у Симферопольській гімназії. 1864 року двадцятилітній юнак, М. Зібер переїхав до Києва й вступив на юридичний факультет Київського університету, який і закінчив в 1867 році.

В університеті Микола Йванович відразу звернув на себе увагу професури, а по-між студентами виділявся своєю талановитістю, серйозністю й начитаністю. Своїми інтересами в галузі теоретичної

¹⁾ К. Маркс. „Капітал“, передмова до другого видання I тому, Харків, 1928 ст. XII.

²⁾ Найвидатнішими представниками цього напрямку були Сергій Подолінський з Наддніпрянщини і Остап Терлецький з Наддністрянщини. Див. М. Яворський. „Нариси з історії революційної боротьби на Україні“, т. II, ч. I ст. 85, 86, 87, 88, 89.

³⁾ Див. С. Подолінський. „Ремесла й фабрики на Україні“, Женева, 1880 р.

Зазначена праця ідейного ученика й приятеля М. Зібера вперше ставить у всю широчінь проблему української економіки, відкриває капіталістичний характер її, і не тільки в промисловости, а й в сільському господарстві, що не визнавалося не тільки до Подолінського, а й опісля було предметом палких дискусій поміж економістами різних напрямків.

економіки М. Зібер завойовує симпатію М. Х. Бунге, у якого М. Й. довелося вчитися. Після закінчення університету, М. Зібера було залишено стипендіятом на кафедрі політекономії, але на деякий час М. Й. прийшлося залишити університет і прийняти посаду мирового посередника на Волині.

В 1871 році М. Й. обороняв дисертацію на ступінь магістра політичної економії. Після успішної оборони магістерської дисертації одержав закордонну командировку за-для підготовки до професорської діяльності.

Але молодий магістр політичної економії не обмежує себе лише кабінетною роботою, а й бере активну участь в українському громадському житті. Центром українського революційного руху 60-х і 70-х років був Київ. Тут перебували найбільш активні й випробовані проводарі українського громадського життя; до Київа з'їжджалася за-для навчання молодь зі всієї України; Київ мав традицію, як організуючий центр, і до нього схилялися периферійні українські революційні організації. М. Зібер, по своєму приїзді до Київа, хутко зв'язується з українським революційним рухом та налагоджує особисті зв'язки з керівниками цього руху. Вже року 1870 М. Зібер активно виступає на студентських гуртках і зачитує реферати про „Капітал“¹⁾. На одному з засідань студентського гуртка М. Драгоманов познайомився з приятелем і слухачем М. Зібера,— Сергієм Подолинським. Як популяризатор марксієвських ідей, Зібер, безсумнівно, мав вплив на широкі кола революційного українського громадянства²⁾.

Виїжджаючи за кордон разом із Подолинським, Зібер одержав рекомендаційні листи від Антоновича та Русова до львівських та віденських українців. Закріплювався зв'язок Західньої України і Наддніпрянської через координацію революційної й громадсько-наукової роботи. Ця координація зв'язувала дві роз'єднані частини української землі, а особливо позитивно відбилася на революційному рухові Галичини³⁾. За кордоном М. Зібер пробув два роки. В Галичині М. Й. побував на зборах „Січи“, обзнайомився у Львові та Відні з ватажками галицького революційного руху, а потім вирушив до західньо-європейських наукових і фабричних центрів, де особливо виявляв інтерес так до питань теоретичних, як і до матеріалів, що з'ясовували становище робітничого класу на Заході. З відчиту про перебування за кордоном видно, як широко цікавився Зібер робітничим питанням. Його цікавить заробітна платня, довжина робочого дня на різних підприємствах і у різних країнах, умовини праці,

1) „З інших рефератів у гурткові пам'ятаю переказ Марксового „Капіталу“, зроблений недавно скінчившим студентом, згодом моїм близьким приятелем, М. Зіберам“. (М. Драгоманов, „Автобіографія“, ст. 20).

2) Д. Н. Овсянко-Куликовський. „Воспоминания“, Петроград, 1923, ст. 144.

3) Див. „Переписку М. Драгоманова з М. Павляком“, т. III, ст. 202.

фабричне законодавство, і з цією метою Зібер розглядає великі фабричні підприємства, був на соціалістичному конгресі і близько ознайомився з робітничими споживчими товариствами ¹⁾. У своєму відчиті він констатує, що „по мере все возрастающего в Западной Европе рабочего движения, литература рабочего вопроса мало-помалу отодвинула на задний план всю прочую экономическую литературу“ ²⁾.

Під час свого перебування за кордоном М. Зібер підтримує щільні зв'язки з М. Драгомановим та С. Подолинським, що в той час теж перебували в Західній Європі. В Західній Європі М. Зібер перебував у Гайдельберзі, Цюрихові, Ляйпцизі та мандрував у Бельгії, Франції, Англії.

На Україну М. Зібер повернувся в 1873 році і почав викладати політекономію та статистику в Київському університеті. Діяльність Зібера так наукова, як і громадська досягла найвищого розмаху після повернення із-за кордону. Він стає активним діячем Київської громади й хутко завойовує собі видатне становище поруч з Драгомановим та Антоновичем. М. Зібер все ближче ув'язується з найлівишими угрупованнями українського революційного руху ³⁾. Всупереч народникам Зібер звертав виключну увагу на клас пролетаріату, у своїх лекціях і публіцистичних працях підкреслював значіння цього класу в громадському рухові, як єдиного класу, що може zorganizувати революційні сили на боротьбу за соціалістичний устрій. З теоретиками утопійного соціалізму не сходився М. Зібер, що-до оцінки сил селянства і не вбачав організаційної, творчої сили в останньому, що так потрібна за-для будування соціалістичного життя. Прудонівський соціалізм, опертий на спілці дрібних виробників у інтерпретації М. Драгоманова що-до України, М. Зібер відкидав, також відкидав шлях до соціалізму через „общину“, якою так захоплювалися російські соціалісти-утопісти.

М. Зіберові належить фраза, що потім так широко була підхоплена марксівською літературою: „Пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего у нас путного не выйдет“. Є відомості, що М. Й. був зв'язаний з революційною роботою в залізничних майстернях під час свого перебування в Києві ⁴⁾. Це свідчить, що М. Зібер не обмежувався лише теорією, а й пристосовував Марксову теорію до революційної практики. Правда, тогочасна революційна ситуація ще мало сприяла марксівській революційній критиці тому, що клас пролетаріату ще тільки формувалася, і головна база була на селі. Але жадних підстав немає говорити про цілковиту „кабі-

¹⁾ Див. „Отчет о пребывании за границей Николая Зибера“, Ун. Изв. 1873, № 8.

²⁾ Ibid., ст. 38.

³⁾ М. Яворський й. Нариси з історії революційної боротьби на Україні т. II, ч. 1, ст. 86—87.

⁴⁾ М. Слабченко. Передмова до „Очерков первобытной экон. культуры“ Н. И. Зибера, Одеса, 1923, ст. VIII. Див. М. Яворський й, „Нариси з історії революційної боротьби на Україні“ т. II, ч. 1, ст. 98, 101.

нетність“ М. Зібера; це не був вчений, „исходивший не из практических потребностей движения“ ¹⁾.

На роки, що перебував М. Й., після закордонної командировки в Києві припадає поживлення суспільного життя в різних напрямках. Особливо широко розгорнула свою роботу Київська громада. За її участю був утворений „Юго-западный отдел русского Географического Общества“, на чолі якого був проф. В. Б. Антонович. М. Зібер бере діяльну участь так в роботі Київської громади, як і в Пів.-зах. відділі Р. Геогр. Т-ва, і за завданням останнього написав „Опыт программы для собирания статистико-экономических сведений“. М. Зібер серед Київської громади був найвизначнішим економістом і статистиком, і це позначилося впливом так на діяльності Київської громади, як і на праці ширшої групи українських статистиків-практиків ²⁾.

Реакційні російські кола у своєму часописі „Киевлянин“ різко напали на працю „Киев и его предместья по однодневной переписи, произведенной 2 марта 1874 года“, що була дитиною Київської громади та Пів.-зах. від. Р. Геогр. Т-ва. Російські реакційні кола не були задоволені планом та наслідками київського перепису, що проходив під керівництвом українців і почали цькувати в своїй пресі українські наукові організації. М. Зібер, з доручення Пів.-зах. відділу Р. Геогр. Т-ва написав статтю-відповідь під заголовком: „По поводу рецензии „Киевлянина“ на перепись 2 марта 1874 г.“ Ця стаття ще більше заогнила взаємини консервативної російської групи, та революційної—української.

Ще й до вищезгаданої статті на шпальтах „Киевского Телеграфа“ та „Киевлянина“ відбувалася полемічна боротьба по-між „Київською Громадою“ та реакційними колами російського суспільства, що гуртувалися навколо „Киевлянина“. Українцям, на де-який час, пощастило взяти редагування „Киевского Телеграфу“ у свої руки і це дало їм змогу виступити супроти російських патріотів, що головним чином вербувалися з аграріїв Правобережжя, і за організаційний центр мали Київ з газетою „Киевлянин“. Ім'я Зібера зв'язано з діяльністю членів редакції „Киевского Телеграфа“, де М. Й. поруч Драгоманова та Вовка брав найдіяльнішу участь ³⁾.

М. Й. Зібера не задовольняє університетська трибуна, з якої він не міг, за цензурних обставин, висловлювати свої думки. Вкупі з М. Драгомановим він zorganizував вищі жіночі курси, на яких знайомить слухачів з політичною економією по Марксу. „Капітал“ з великим захопленням цитується й популяризується в аудиторії,

¹⁾ Л. М. Клейнборт. „Ник. Ив. Зибер“, Петроград, 1923, ст. 92.

²⁾ Див. А. Русов. „Краткий очерк развития русской оценочной статистики“, Київ, 1909 р., ст. 22.

³⁾ Про діяльність М. Зібера в Києві дивись статтю М. Ткаченка: „М. Й. Зібер у Києві“ (1864—1876). Ювілейний Збірник на пошану ак. М. С. Грушевського, ст. 349.

що була захована від безпосереднього догляду поліція й перебувала на приватному приміщенні родини Драгоманових. Також цікавився М. Зібер кооперацією не тільки теоретично, а й практично. Ще року 1868 він зорганізував Київське споживче товариство, для якого уклав статута, заохочував до вступу в члени споживчого товариства, налагоджував зв'язок з кооперативами інших міст України і був, на початку, головою управи зорганізованого ним кооперативу в Києві.

Але російський уряд, який пильно приглядався до проявів українського сепаратизму і нищив все, що нагадувало про життя української нації так в сфері політичній, як і в науково-громадській,—не дав змоги працювати й М. Й. Зіберові на Україні. Революційні й громадські організації, що в тяжких обставинах розвинули широку роботу були викриті й зустріли як-найлютіший напад з боку російської влади. Це припадає на середину 70-их років, коли російський уряд готувався до турецької війни, і прагнення дрібно-буржуазних верств українського громадянства, звязані з західньо-європейським капіталом, були на перешкоді агресивним стремлінням імперського уряду. Погром революційних і науково-громадських закладів було завершено відомим наказом про заборону українського слова ¹⁾. М. Зіберові довелося року 1875 лишити Київський університет. Причини, що спонукали М. Зібера лишити Київський університет в літературі освітлюються по різному. Більшість дослідників сходиться на тому, що Зібер покинув університет та виїхав за кордон, маніфестуючи свою солідарність з М. Драгомановим, якого було звільнено з університету „по третьому пункту“ 1875 року²⁾.

Того-ж таки 1875 року М. Зібер кидає Україну назавжди і виїжджає за кордон. Закордонне життя М. Й. позначилося великою науковою й публіцистичною діяльністю. Так, з-під його пера виходить перероблена й доповнена магістерська дисертація „Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях“, а також оригінальна і надзвичайно цінна праця „Очерки первобытной экономической культуры“, що й по цей день зберегла свіжість та науковість в трактовці економічного розвитку людства на нижчих степенях культури. Особливу ж увагу притягують до себе публіцистичні статті М. Зібера як актуальністю тих проблем, які в них поставлено, так і революційним патосом, з яким наш автор виступає супроти буржуазних вчених—критиків Маркса³⁾. Актуальні питання сільського господарства,

¹⁾ Див. М. Грушевський „Ганебній пам'яті“, Україна, 1926 р., № 4, ст. 47—51. Порівн. М. Яворський „Емський акт 1876 р.“, „Прапор Марксизму“. 1927 р., № 1, ст. 115—149.

²⁾ Див. Д. Бованенко, „До історії політичної економії на Україні“ (Юбілейний збірник на пошану акад. Дмитра Івановича Багалія), ст. 1087. М. Ткаченко, „М. І. Зібер у Києві (1864—76)“, (Юбілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського), ст. 357.

³⁾ Див. Н. И. Зиб е р. Собрание сочинений, т. II (Петербург, 1900) стаття „Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина“.

промисловости і, в зв'язку з цим, питання про робочу силу та фабричне законодавство висвітлювалися М. Й. з великим умінням, глибиною, що свідчило про велику наукову ерудицію їх автора. При чому М. Й. не обмежує себе матеріалом одної якої-небудь західньо-європейської країни; навпаки, об'єктом його досліджень було світове господарство у всіх його напрямках. Так, коли ми поглянемо на його інтерес у царині аграрних проблем, то зобачимо, що історія, теорія й економ.-політична практика даного питання, починаючи з українського сільського господарства, поширювалася на сільське господарство Швейцарії, Ірландії, Англії, Нідерландської Індії, Бельгії Голандії та Сполучених Штатів Північної Америки ¹⁾. У питаннях промислового характеру М. Й. використовує здебільшого фактичний матеріал Англії, як класичної країни промислового капіталізму, і висуває завжди на перший план проблему змінного капіталу і довжини робочого дня; аналіз цих категорій приводить до з'ясування взаємин по-між потребами капіталістичного суспільства та способом їх задовольнити, з чого й виводиться висновок про стихійний характер капіталістичної продукції. „Питання про тривалість робочого дня на фабриках та в майстернях є самим простим питанням існуючого економічного устрою, в порівнянні до якого бліднуть і відступають на задній план всі інші суспільно-економічні питання. Можливо підкреслити, не перебільшуючи в найменшій мірі, що від розмірів середнього робочого дня, або, висловлюючись точніш, від кількості роботи в окремих галузях промисловости цілком залежить відношення між окремими частинами суспільної продукції і споживання, інакше кажучи—співвідношення по-між потребами суспільства та їх задоволенням, ступінь стійкості рівноваги в економічному механізмові, що нас оточує (т-б. в капіталістичному суспільстві. Д. Б.)“ ²⁾.

Перебуваючи на висоті вимог тодішнього знання у галузі політичної економії та філософії, М. Зібер у своїх публіцистичних працях знайомить українського й російського читача з найновішими досягненнями теоретичної економії, соціології та науки про право. Праця про економічні дослідження Карла Родбертуса Ягецова, а також аналіз і критика економічної системи Джона Стюарта Мілля показують, як Зібер, стоячи на засадах наукового соціалізму, розглядає сучасні йому напрямки в теоретичній економіці, і кладучи в основу питання про вартість, встановлює генезу різних шкіл та напрямків в політичній економії ³⁾. Надаючи економіці рішаче зна-

¹⁾ Н. И. Зибер, Собр. соч., т. I. Тут зібрані статті по аграрному питанню.

²⁾ Н. И. Зибер, — „Из истории фабричного законодательства Великобритании“. Собр. соч., т. I, ст. 527.

³⁾ Н. И. Зибер, Карл Родбертус-Ягецов и его экономические исследования“. Собр. соч., т. II. Там же вміщено й статтю „Возражение на экономическое учение Джона Стюарта Милля“.

чиння, М. Зібер так соціяльну історію, як і правові норми того або іншого суспільства виводив із розвитку змін матеріяльного життя. За-для нього право не є чимсь самодовільним. Навпаки, М. Зібер завжди доводить про як-найтісніший зв'язок права зі всім економічним укладом суспільства. „На зразок того, як центральним пактом сучасної матеріяльної економічної системи, фокусом сучасного економічного розвитку є процес нагромадження і скупчення капітала, який в той же час являє собою процес засвоєння майна,—точно таким же центральним пунктом і фокусом сучасної системи найбільше встановлених думок і поглядів суспільства на згаданий рух є сукупність норм переважно цивільного права, а в ньому особливо тих, які стосуються до маєткового права. Як нагромадження та скупчення капіталу дає основний тон величезній більшості інших економічних явищ, так система норм сучасного маєткового права визначає собою переважну більшість осібностей в системі суспільних поглядів на економічну організацію суспільства ¹⁾. Питання про взаємини суспільної економії та права викликали особливий інтерес з боку М. Зібера, і ми маємо блискучу аналізу зазначених проблем у його працях, які доводять, що він в багатьох положеннях в галузі права був новатором і на десятки роки випередив свій час. В цій галузі потрібно підкреслити велику вартість таких його двох праць: „Общественная экономия и право“, а також „Мысли об отношении между общественной экономией и правом“ ²⁾.

Зібер не був тільки кабінетним вченим-теоретиком. Методологічні питання марксієвської політичної економії та соціології, навколо яких точилася палка боротьба в Західній Європі, підхоплював й гаряче популяризував Зібер на Сході Європі, як тільки дозволяли цензурні умовини Російської Імперії. Рівнобіжно з цим Зібер блискуче витримує ідеологічний наступ російських буржуазних вчених, що за всяку ціну намагалися скомпромітувати метод діалектичного матеріялізму і довести, що ідеали Маркса не є результат об'єктивної аналізи капіталістичної дійсности, а комбінацією основного апріорного положення, яке виходить з його (Марксової) голови, з фактичним матеріялом, нарочито підібраним і так розміщеним, щоб одержати висновок наперед бажаний автором. Таке безпідставне твердження представників московської буржуазії, що в колоніяльній політиці імперського уряду й експансії російського капіталу вбачали підтвердження свого філософського постулату про „розумність всього існуючого“, непорочність та вічність капіталістичного устрою, знайшло належну відсіч з боку Зібера. Одному з таких критиків Маркса, Чічерінові—Зібер відповідає так: „Маркс, припустимо, на підставі найбільш досконалих офіційних та інших матеріялів, доводить, що капітали все більше й більше скупчуються

¹⁾ Н. И. Зибер, Соб. соч., т. II, ст. 335.

²⁾ Ibid.

в одних руках, що праця зосереджується разом з ними та об'єднується все більше та більше, що заведення машин все більше й більше емансіпує величезну частину людскости від довічної та спадкової приналежності до встановлених функцій, показує все це й багацько іншого, а в цілому приходить до висновку, що капіталістичній продукції з часом передбачається кінець. Тоді з'являється п. Чічерін і, замість того, щоб вступити в бій з Марксом власною його зброєю, і крок за кроком спростувати значіння його фактичного матеріалу, нахабно, безпідставно заявляє, що ідеали Маркса купчаться тільки в його голові. Запитати тепер, в якій частини вашого тіла купчаться ваши власні ідеали, п. московський Юпітер—громовержець і філософ-ідеаліст im reinsten Sinne des Wortes? ¹⁾

Багаті на фактичний матеріал, насичені революційним патосом статті М. Зібера про фабричне законодавство, робочий день, продуктивність праці в звязку зі змінами в техніці, аналіз аграрної політики й становища сільсько-господарських робітників—доводить, що в його особі ми маємо першорядного бойця за звільнення пролетаріату з-під влади капіталу.

Перебуваючи за кордоном, М. Зібер до кінця додержував тісних звязків з своїми товаришами в науковій та революційній роботі на Україні ²⁾. І тут Зібер не пішов битою стежкою великодержавного російського шовінізму, на якій часто подвизалися не тільки реакціонери, а й революціонери з України, що підчас іронізували досить злосливо, як знавці місцевих умовин, з діяльності „украинофилов на Юго-Западе“, характеризуючи їх революційну працю „безполезным времяпрепровождением“ ³⁾. Навпаки, М. Зібер так в практичній організаційній, як і в публіцистичній своїй праці виступав супроти російської великодержавности у всіх її напрямках ⁴⁾ і, в той же час, був як-найтісніше звязаний з російськими революціонерами, що в своїй діяльності виходили з інтернаціональних засад теорії й практики робітничого руху.

Важливість національного українського питання, як питання про поширення революційної свідомости в широких колах працюючої людности України—питання, що щільно ув'язувалося з практикою й теорією революційної боротьби та культурним рухом, було цілком усвідомлено М. Зібером. Тим більш це було важливо, що зазначена проблема на Україні ускладнялася монополією великодержавного шовінізму, опертого на агресивні стремління російського

¹⁾ Н. Зібер, „Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина“, Собр. соч., т. II, ст. 677.

²⁾ Див. „Переписка Мих. Драгоманова з Мих. Павликом“, т. III, ст. 101, 113.

³⁾ Л. Дейч, „Украинская и общерусская эмиграция“. „Вестник Европы“, 1914, серпень, ст. 218. Див. відповідь Дебагорія-Мокрєвїча, „Укр. Жизнь“, 1915, № 2, і С. Єфремова, „Укр. Жизнь“, № 10, 12.

⁴⁾ Див. Н. Зібер и М. Драгоманов. Выдумки „Киевлянина“ и польских газет о малорусском сепаратизме, 1871 г.

капіталу, який за всяку ціну прагнув згладити економічні й культурні особливості українського життя, його самостійне річище й перетворити Україну на звичайну провінцію Імперії. Таким прагненням Зібер протиставив організовану боротьбу і свої публіцистичні праці, але чітко відмежовувався від українських ідеологів дрібної й частково великої буржуазії, що захищала інтереси українського капіталу, української так територіальної, як і національної буржуазії, що намагалася зберегти українські ринки й монополію для чину свого капіталу на українських землях. Тим більш важливою є позиція Зібера в національній справі, що вона повднувала в собі прагнення до соціального й національного визволення і відбивала інтереси українського пролетаріату та напівпролетаріату села, що ще тільки формувався як клас, і за-для політичного оформлення і свідомости якого працював так багато основоположник наукового соціалізму на Україні—М. Зібер.

II.

Складнішим завданням є з'ясувати питання про метод, що ним оперував М. Зібер при з'ясуванні економічних явищ. Але ні в якому разі не треба мислити, що висвітлити це питання можливо без правдивого урозуміння громадської діяльності М. Й. та ставлення його до українського національного руху 70-их років. Відрив теорії од практики створить таку ситуацію, в якій Зібер буде виглядати, як у кривому дзеркалі. Вийде М. Зібер, як теоретик „исходивший не из практических целей“, як кабінетний вчений, але ні в якому разі не як постать, що характеризує собою перехід революційної боротьби на рейки наукового соціалізму, і не тільки на Україні, а й на Сході Європи; постать, що виросла на ґрунті формування й росту робітничої класи України¹⁾. Праці українських істориків, що в значній мірі зібрані й систематизували фактичний матер'ял, що до життя й громадсько-наукової діяльності М. Й., освітили новим світлом поле діяльності й саму постать Зібера. Вперше М. Грушевський в книзі: „З починів українського соціалістичного руху“ (Відень, 1922) подає побіжно зібраний та систематизований матер'ял, що дає змогу поставити М. Зібера в число провідників українського соціалістичного руху. Стаття М. Слабченка, як передмова до „Очерков первобытной экономической культуры“ М. Зібера (Одеса, 1923) намагає зв'язок М. Й. з українським пролетаріатом. Нарешті праця М. Яворського: „Нариси з історії революційної боротьби на Україні“ (т. II, ч. I, Харків, 1928) подає генезу українського пролетаріату як класи, і з'ясовує марксизм Зібера та Подолинського, як ідеологічний паросток українського робітничого буття, що виріс на ґрунті формування й росту українського капіталізму.

Де які дослідники та публіцисти намагаються дати оцінку діяльності Зібера, ігноруючи, а то й не знаючи діяльності М. Й.

¹⁾ М. Яворський, „Нариси з історії революційної боротьби на Україні“ т. II, ч. I, ст. 70—88.

в сфері практичної громадської діяльності. Такий підхід в дослідженню неминуче приводить до методологічних помилок, що й зустрічаємо ми рясно навіть у марксієвській літературі, що до оцінки діяльності Зібера¹⁾. Відрив теоретика Зібера від практика ставя завдяки тому, що історію революційної боротьби на Україні за 70-і роки минулого століття було не розроблено, а тому нічого не було відомо про громадську діяльність Зібера, і особливо дослідникам та публіцистам з Росії, які зовсім не зупиняються на його громадській роботі на Україні. Але ще більш небезпечним, з методологічного боку, є підхід з'ясувати зв'язок Зібера з українським громадським життям персональною близькістю до керівників національного українського руху—Драгоманова та Антоновича²⁾. Це не тільки не з'ясовує, а ще більш заплутує справу, що до з'ясування світогляду М. Й., а на практиці призводить до відриву від ґрунту, на якому проходила діяльність Зібера. Треба мати досить багацько упередженої сміливості, щоб заперечувати ідейну спорідненість Зібера з українським громадським рухом, незважати на факти, і не досить уважно ставитися до його публіцистичних праць в українській справі. Досить проглянути спільну працю Зібера і Драгоманова „Выдумки Киевлянина и польских газет о малорусском сепаратизме“ (биб. Лазаревського № 466, Малорусский сборник, т. 40), щоб зрозуміти, що Зібер у національній справі стояв на засадах української Громади.

Марксієвський світогляд М. Зібера потрібно розглядати на тлі української революційної практики 70-х років, що знаменує собою відхід значної частини революціонерів від народництва й перехід його на рейки наукового соціалізму. В цей період яскраво вже виявлені капіталістичні тенденції в розвитку українського господарства і не лише на промисловій ділянці, а й на сільсько-господарському секторі. Розмах і широта чинности капіталу опреділювали собою зміст і тенденцію початків наукового соціалізму, а натуральні й прості товарні елементи, що ще так багацько важили в економіці 70-х років затемнювали їх, офарблювали в своєрідний колір так в практичній, як і в теоретичній частині. Капіталістична недорозвиненість українського господарства, яка зформульована Зібером у вислові: „пока мужик не выварится в фабричном котле ничего путнего у нас не выйдет“ сприяла сприйманню ідей утопічного соціалізму, що практично так активно виявляв себе в народницькому рухові. Ця-ж капіталістична недорозвиненість українського господарства,

¹⁾ П. Орловский, „К истории марксизма в России“, де без всякої аргументації висловлюється думка, що Зібер не зрозумів революційної та критичної частини Марксової науки. В примітці до II т. Леніна, ст. 652, те-ж саме висловлює І. Товстуха, зазначаючи: „революционно-критическая сторона учения Маркса осталась ему чужда“, і також без всякої аргументації. Також за необґрунтований вважаємо вислів Ангарського (Легальный марксизм, ст. 15), що Зібер не ставив собі безпосередньо революційних завдань.

²⁾ Див. звіт про пленум катедри марксизму—ленінізму, при ВУАН присвячений Зіберові. „Пролетарська Правда“, 1928, № 158.

в свою чергу, відбилася й на марксівській теорії, що ще тільки проторювала собі шлях на Україну з Заходу у своєрідній інтерпретації. Зібер, як зазначає Плеханов, був „запальний і послідовний, і не рідко цілком правдивий інтерпретатор Марксових ідей“.

Ідеї наукового соціалізму формувалися й окреслювалися на ґрунті найбільш розвиненого англійського капіталізму. Закони розвитку і суперечливість капіталістичного господарства там яскраво позначилися, і, цілком зрозуміло, що послідовники з більш відсталих країн сприйнявши ідеї Маркса-Енгельса, в першу чергу, намагалися популяризувати їх в себе, а не перевіряти на практиці, що ще й не була за для цього цілком підготовлена. Марксизм, як інтернаціональна теорія й практика пролетарської боротьби, в кожній країні, набірала своєрідних форм, але на початку справа могла йти лише про загальні засади науки Маркса-Енгельса, а не про своєрідні форми їх застосування. Це завдання на Україні виконав блискуче М. Зібер.

Зіберові закидають, що він не ставив практичних завдань революційної боротьби¹⁾. Цих закидів неаргументовано. Окрім того забувають ще й те, що за для революціонера практика 70-х років, за панування теорій утопійного соціалізму, серед масового народницького руху найпрактичнішим завданням марксиста (в період формування робітництва) було протиставити утопійному соціалізму науковий соціалізм, прочистити теоретичний шлях за для пропаганди марксизму.

Все це примушує дослідника Зіберовського світогляду та його впливу на революційне українське громадянство поставитись з особливою увагою до тих виробничих сил за яких жив і працював М. Й. Ще й тому, що їх то на наш погляд Зібер і не переріс²⁾, і в своїй економічній та філософсько-соціологічній концепції хоча й перейшов на рейки наукового соціалізму, хоча й заманіфестував свою приналежність до Марксових послідовників бойовими виступами супроти наступів буржуазних економістів та соціологів³⁾, але в той же час сам в деяких місцях не урозумів характеру Марксової трактовки економічних категорій. Це виходить із головної хиби Зібера,— недостатнього розуміння зв'язку методи Маркса з його економічною системою в цілому. Недооцінка соціальної частини Марксової економічної системи особливо рельєфно видається в методологічній частині, де Зібер крок за кроком розвиває й аналізує Марксові погляди переважно з логічного боку, часто за рахунок соціального. В умовах формування українського капіталізму й великого сектора про-

¹⁾ Ангарский, „Легальный марксизм“, ст. 15. І. Товстуха, див. примітку до II т. Леніна. Л. М. Клейнборт, „Николай Иванович Зибер“, Петроград, 1923, ст. 92.

²⁾ М. Слабченко, „Н. И. Зибер“, ст. XXVII.

³⁾ Н. Зибер, собрание сочинений, т. II. „Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина“.

стого товарового господарства, це виходило, з недооцінки ролі пролетаріату, як класи й затушковування протиріччя між робітництвом та дрібною буржуазією в рахунок широкого трудового принципу. Так практично, як і теоретично це наближувало М. Зібера до представників утопійного соціалізму, що, власне, поборював Зібер у своїй теоретичній концепції, але чого сам не міг позбутися до кінця.

На тлі Східньо-Європейської конкретности 70-х років минулого століття це була передова, революційна теорія, що будила й організовувала молоде українське робітництво й напівпролетаризовані шари селянства. За для дальнішого чину марксизм вимагав шліфовки й обробки, що й пророблювалося послідовниками Маркса й в найбільшій мірі Плехановим та Леніним. Тому не можна сказати, що Зібер був ортодоксальний марксист, але також немає підстав запевняти, що Зібер не був предтечою революційного марксизму¹⁾. Не можна підходити до марксівської теорії 70-х років з вимогами нашого часу, але в той же час зле буде коли ми будемо модернізувати Зібера, і за цим не з'ясуємо тих хиб, що властиві його концепції.

Ми вважаємо за цілком доведене, що Зібер аналізуючи досягнення класичної політичної економії і порівнюючи їх з системою Маркса не цілком урозумів протилежної соціальної підоснови однієї економічної системи і другої, а тому й не усвідомив одмінности в підході до вирішення економічних категорій у Маркса та Рікардо²⁾.

Викладаючи теорію Рікардо й порівнюючи її з системою Маркса Зібер пише: „В тільки що викладеній науці Рікардо ми зустрічаємо вже цілком виразне рішення всіх задач, що знаходяться в зв'язку з питанням про походження чистого доходу з продукційности праці, при умовині купівлі та продажу робочої сили. Тут з'ясовано, по перше, що праця, що втілена в товарах є універсальне мірило їх мінових пропорцій; по друге, що ця праця і ще не витрачена робоча сила зовсім не одно й теж, і по третє, що хоча чистий прибуток і виплачується в ціні або міновій цінности виробів, але що це лише форма справи, і одержується він (доход, Д. Б.) у себе в майстерні, від продукційности праці своїх найманих робітників. Що-ж залишилося автор'ові „Капітала“ додати до цього, окрім чіткішого, ширшого й зрозумілішого формулювання? (розрядка наша, Д. Б.) А тільки те, що продукційність праці найманого робітника—це не явище по за простором і часом, а з'являється воно через те, що додаткову працю вживають протягом додаткового часу на те, щоб утворити надвартість або продукт. Не розуміємо, чи треба опісля цього доводити, що коли Адам Сміт і Рікардо сказали-б А, то Маркс мав-би сказати Б? ³⁾).

¹⁾ Див. „Пролетарська Правда“, 1928, № 158.

²⁾ Д. Бованенко, „До історії політичної економії“, „Збірник на пошану ак. Багалія, ст. 1091—1094.

³⁾ Н. Зібер, „Давид Рікардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях“ С.-Петербург, 1885, ст. 357—358.

І це в питанні про надвартість Зібер не вбачає одмінности в поглядах Сміта-Рікардо та Маркса, в питанні, де Марке виявив найбільш самостійности та оригінальности; там, де класична політична економія не могла вибитись із зачарованого кола тому, що не розуміла соціальної природи капіталу і заробітню платню трактувала як „вартість праці“. Характерним за для Зібера є те, що аналізуючи систему Рікардо він порівнює її з поглядами Маркса, при чому, в думки Рікардо вкладає такий зміст, якого там часто й немає; т.-б. впливає в них елементи Марксових ідей¹⁾. Намагання довести спорідненність Марксової науки з економічною системою класиків було досягненням Зібера і в той же час таке уставлення крило в собі методологічну помилку. Для економіста та соціолога 70-х років, який не знав II і III томів „Капіталу“, а також „Теорій вартости“, не під силу було розв'язати питання про взаємини класичної політичної економії та Марксової економічної системи. У відповідь на закиди буржуазних економістів, що теорія Маркса не є наслідок об'єктивного аналізу капіталістичного суспільства, а результат різних розумових комбінацій, що нічого спільного не мали з реальністю, — Зібер показав і довів, що теорія вартости грошей і капіталу у Маркса, в головних своїх рисах—це неменучий, дальший розвиток науки Сміта і Рікардо²⁾. На той час це було великим досягненням і вибивало останню зброю з рук буржуазних вчених, які стали одхрещуватись від своїх попередників економістів-класиків, вносили плутанину в основі питання політичної економії й фактично робили крок назад, а не вперед, в порівнянні до класиків. Таке порівняння двох пануючих на той час економічних систем доводило об'єктивизм Марксової науки і неменучість її, як завершення попередніх досягнень в галузі теоретичної економіки.

Але таке цільове уставлення спричинялося й до значних хиб в системі Зібера. Апетювання до класичної політичної економії, щоб довести об'єктивизм і велику наукову ерудицію молодого, на той час, автора першого тому „Капітала“, спричинилося до того, що Зібер не помітив того, що відрізняє послідовника якоїсь школи, хоча найталановитішого, від фундатора нового напрямку в політичній економії. Правдиво з'всувавши, що Марксову економічну систему побудовано так, що всі попередні досягнення економічної думки ураховано й що вона не є плід розумових хитрувань, а об'єктивний аналіз капіталістичного господарства Зібер, не з'ясував, і не показав різниці по між марксівською та класичною економічними системами, обійшов Маркса, як фундатора нової школи. У автора критично-економічної розвідки про взаємовідносини рікардіанської та марксівської економічної системи Марке виступає швидче, як послідовник класичної

1) Ibid. дивись розділ VII.

2) Див. передмову до другого видання першого тому „Капітала“, де Марке ставить у велику заслугу Зіберові, що він перший показав зв'язок його економічної системи з системою класиків,

школи, а не фундатор марксівської. Візьмемо хоч таке місце з його праці: „З таким вповні природнім та необхідним логічним доповненням теорія школи Рікардо виявляється зовсім вірною, що цілком відповідає науковим вимогам. Ось це—то доповнення до неї й робить, як ми бачили, автора Капітала, в ньому й замикається, головним чином, та дуже важлива новизна, яка знаходиться в навчанні автора про надвартість та додатковий продукт“¹⁾.

Впершу чергу Зібер аналізує логічний розвиток Марксової системи, обминає соціальний бік її, а це передусім і відрізняє Маркса від його попередників. „При теоретичній методі (політичної економії) суб'єкт, тоб-то суспільство, повинно завжди вітати в нашій уяві, як передумова“²⁾. Правдиве уявлення про продукцію на певному ступені розвитку можна мати тільки тоді, коли не ігноровано суспільство в якому вся продукція розвивається. Марксові економічні категорії поєднують у собі матеріальну й соціальну, кількісну й якісну характеристику явища, що повстає й розвивається в певних історичних обставинах. Цього не ураховує часто Зібер, а тому логічний аналіз економічних явищ закриває у нього соціологічний їх зміст, що затемнює справжній характер Марксової схеми й протилежність її з економічною системою класиків.

Рікардо у своїй трактовці про надвартість виходив із передумов, що були на поверхні капіталістичного виробництва. Факт існування зиску з'ясовувався тим, що вартість праці менша, а ніж вартість продукту, що праця утворює. Лишок, який одержувався в наслідок приложення робочої сили на капіталістичному підприємстві, яка витворює вартостей в продуктах значно більше, а ніж сплачується їй у формі заробітної платні—є надвартість. Класичну політичну економію цікавив кількісний бік надвартости та її відношення до всього капіталу, а не соціальна природа цієї економічної категорії. Фіксуючи факт існування надвартости і показавши звідки повстає зиск Рікардо навіть не ставить питання, чому й при яких умовах повстає надвартість. Виходить, що ніби-то ця економічна категорія існувала і буде існувати й надалі вічно, і зовсім не потрібно вивчати специфічних обставин, в яких вона повсталала, розвивається й зникне. Ігнорується історичність і цим підкреслювався логічний характер категорії надвартість.

Зібер не з'ясував, що Рікардо не міг зрозуміти природи надвартости і що це зв'язано з тим, що так вся класична політична економія, як і Рікардо не розуміли історичної ролі капіталу³⁾. Капітал у них виступав у натуралістичній формі, як частина багатства

1) М. Зібер, „Д. Рікардо і Карл Маркс“, ст. 354.

2) К. Маркс, „До критики політичної економії“, Вступ. Одеса, 1923, ст. 17.

3) „Капітал є та частина багатства країни, яка вживається у виробництві, і складається з їжі, одягу, струментів, матеріалів сировини, машин і инш., необхідних, щоб праця мала змогу діяти“. Д. Рікардо, „Вибрані твори“, під редакцією Н. Рязанова, Петербург, 1908, ст. 53.

країни в річах, а не як суспільні стосунки за яких засоби виробництва (речі) є засобом експлоатації, щоб здобувати надвартість.

Зібер промовляє про логичні доповнення Маркса, які теорію школи Рікардо зробили такою, що вона цілком відповідає науковим вимогам. Як міг Рікардо подати наукову трактовку проблеми надвартості, коли він замість аналізу вартості робочої сили розглядав вартість праці? Не можна промовляти про логичні доповнення Маркса, коли економічні категорії набувають зовсім инакшого соціального змісту, а історичність їх висовується на перший план.

Рікардо, що у своїй соціологічній основі виходив із філософії Бентама не міг піднятися до історичного розуміння економічних категорій, коли буржуазна форма буття вважалася ним за вічну. Тому Рікардо й не міг вибратись з логічного кола в питанні про вартість. Логічного кола не пододала класична політична економія опріділюючи „вартість праці“ працію ж. І тому, що „Рікардо повинен був би говорити замість праці про робочу силу. Але цим самим він окреслив би капітал, як річові умовини праці, що протистоять робітникові як сила, що стала самостійною. І капітал в той же час представився-б, як певне суспільне відношення. Таким чином, Рікардо його розмежовує тільки як „нагромаджену працю“, від „беспосередньої праці“¹⁾.

Це не значить, що Маркс обійшов досвід і досягнення, що їх набула політична економія до нього. Навпаки. Маркс прийняв увесь досвід і досягнення економічної думки починаючи з Петті і Франкліна і кінчаючи Смітом та Рікардо. В цьому пункті Зібер правий і велика заслуга його полягає в тому, що він перший у світовій економічній літературі довів це. Але це не було просте засвоєння попередніх ідей та їх продовження. І тут криється помилка Зібера. У своїх попередників Маркс старанно шукав і збирав те, що допомагало йому пізнати капіталістичне буття. В Марксовій інтерпретації попередня політична економія виступає, як підготовка до об'єктивної науки, яка своє соціологічне обґрунтування має в теорії історичного матеріалізму, а не в індивідуалістичній буржуазній філософії.

Зібер не намагається порівняти рікардіянську та марксівську економічні системи в цілому, порівняти метод однієї школи й другої і з'ясувати ту принципову відмінність в соціологічній основі, що так різко відрізняє марксівський напрямок від класичної школи в політичній економії. Навпаки. Зібер аналізує окремі економічні категорії марксівської економічної системи, з'ясовує їх походження, порівнює з такими-ж економічними категоріями класичної політичної економії і часто приходять до висновку, на перший погляд, логічного, а в дійсності не правдивого і не діалектичного, що раз класична економія сказала „А“, то Марксові лишилося сказати „Б“.

¹⁾ К. Маркс, „Теорії“, вид. Ком. Університету, т. II, ч. 1, ст. 88.

Питання про працю, що утворює вартість, є центральним питанням марксістської політичної економії. Тут Маркс цілком розходиться з класичною школою, а також з системою Прудона та Ротбертуса, що не урозуміли абстрактної суспільно-необхідної праці, яка утворює вартість. Як класична політична економія, так і вищезгадані економісти, вартість визначали просто працею. Характерно, що й Зібер еливе не зупиняється на питанні про абстрактну працю і визначає її, „як вияв людської робочої сили в фізіологічному розумінню ¹⁾. У своїй статті „Карл Родбертус-Ягецов“, Зібер аналізує погляд Родбертуса на працю, як на зусилля, яке прикладає суб'єкт, виготовляючи предмет, встановлює тотожність поглядів класиків та Родбертуса на працю. Критично ці погляди не перевіряючи під кутом зору Марксового аналізу праці, Зібер ставить за заслугу Родбертусові те, що у праці той добачав єдине джерело вартості всіх економічних благ ²⁾.

Всі ці помилки, і особливо в методологічній частині характеризують Зібера, як першого послідовника Маркса-Енгельса на ґрунті Східньо-Європейської конкретности 70-х років. Перші паростки марксизму в таких обставинах не були закінченими, виточеними, а особливо в філософсько-соціологічній своїй основі. І даремно було б у Зібера, що жив і працював в оточенні дрібно-буржуазної стихії і панування утопійного соціалізму шукати викінчених, або як де хто зазначає, цілком послідовних—ортодоксальних марксістських поглядів. Не в цьому полягає задача. Не можна вимагати від Зібера того, чого він не міг дати і шукати в його світогляді те, чого там і не було. Не міг Зібер подати цілком закінченої марксістської системи в 70-ті роки, коли вона ще тільки накреслювалася й була завершена значно пізніше працями Маркса-Енгельса, коли Зібер перестав мислити, на початку через хворобу, а потім через смерть. А Зібер, передусім, був інтерпретатор Марксових ідей. Інтерпретатор марксизму, що ще не був викінчений, особливо у своїй філософсько-соціологічній основі. Це позначилося й на Зіберові. У методологічній основі найслабше місце М. Зібера. Часто видно, що ним не усвідомлено зв'язку Марксової методи з економічною системою в цілому.

Але це не помішало Зіберові, дуже влучно, відбивати наступ ідеологів молодого російської буржуазії на марксизм. І в місцях, де Зібер виступає супроти наступу буржуазних економістів, а не порівнює марксістську економічну систему з системою класиків, методологічна основа, соціяльний бік марксової економічної системи виступає рельєфніше, тут Зібер підіймається до розуміння революційної суті діалектики.

¹⁾ Зібер, „Д. Рікардо і К. Маркс“, ст. 165.

²⁾ Див. М. Зібер, „Збірка творів“, т. II, ст. 535, 538, 557.

„Вся суть розходження по-між Марксом та Гегелем у питанні про метод лиш у тому полягає, що Гегель був ідеаліст у теорії, що й трохи не заваджало йому під крильцем пруського короля вважати все за дуже добре в цьому з найліпших ліпшому світі, а Маркс, навпаки, чудово знає, що дійсність сама по собі, а спосіб нашого розуміння цієї дійсності і в певній мірі самого відношення до неї знов таки сам по собі, і що сучасна дійсність така сама минуща, як і все попереднє“¹⁾.

„Тепер залишається право капіталістів обертати у свою власність наслідки праці робітничої класи; відмінити це право належить в майбутньому. На погляд п. Чічеріна, Ласаль в цій теорії „занадто легко розправився з правом власності“. Сам п. Чічерін запевняє, що дійсний хід річей уявляє зовсім протилежний розвиток цього права. В середньовіччя, підкреслює він, право власності було уже ширше; а ніж в Римі; сама історія стародавнього світу іде до поширення, а не до обмеження права власності. Цей рух в середньовіччя досяг крайніх своїх розмірів, тут право власності поширюється на самі державні відносини. Але цим самим, воно, в силу діалектичного процесу, приходить до самозречення. За відсутністю стримуючого початку безмірна власність одних веде до необмеженого стиснення власності других, сильний перемагає слабшого і привлашує собі його власність, право власності перетворюється в монополію. Але-ж та внутрішня діалектика, яка приводить цей початок до самозречення, веде його далі до вищого примирення“²⁾. Буржуазним ідеологам особливо не сподобався метод діалектичного матеріалізму, і в першу чергу на його вони й напали, визнаючи його за не науковий, за гіпотетично-апріористичний метод. Б. Чічерін доводив, що фактичний матеріал в книзі Маркса є нічим іншим, як тільки додатком до не доведеного, апріорного основного твердження, яке ніякого звязку не має з дійсністю і лише купчиться в людській голові. Зібер вдало розкриває апологетичний характер критиків діалектичного матеріалізму і з особливим патосом показує обмеженість міщанських політико-економів типу Б. Чічеріна та Ю. Жуковського.

„Навалившись на Маркса всіма своїми аргументами за вигадану бідробку гегелівського методу, п. Чічерін більше всього незадоволений з того, що, перевернувши метод діалектичних суперечностей, Маркс мав неописану сміливість прийти до таких зовсім недоречних висновків, що не все, що існує розумне. Тут у п. Чічеріна провадиться не більш, не менш, як короткозора і плюгава гра. Маркс бачте, говорить, що у Гегеля дійсність є тільки зовнішнім виразом ідеї або розумового процесу. Маркс з цим не погоджується і тому запевняє, що, навпаки, саме ідеальне є не більш, як відображенням дійсності...

„Вся справа, як читач може бачити, є в тому, що п. Чічерінові спало на думку поплутати зовсім різні речі як, „визнання дій-

¹⁾ „Немецкие экономисты сквозь очки г. Чичерина“, Сочин. Н. Зиберы, т. II, ст. 676.

²⁾ Ibid., 611—612.

ности“ та „захист дійсности“. Відповідно простому людському розумові, ви можете двадцять тисяч разів визнавати дійсність, але в той же час знаходити її за зле, і коли підмічаєте в ній ознаки повороту до інших відносин, то й показуєте людям на ці ознаки і бажаєте, щоб цей лад скорше наступив. З другого боку, ви можете рахувати дійсність не більш як сном, але знаходити цей сон до такої міри солодким, що ладні будете загризти кожного, хто спробує вас розбудити. Відци, ясно, що можна дійсність не визнавати і одночасово з цим боротись за неї, і, що, навпаки, можна рахувати дійсність за те, що вона є, і вмісті з цим доводити, що вона не стала¹⁾.

Але є місця, де Зібер недооцінює революційного значіння матеріалістичної діалектики і навіть закидає Марксові—що той часто зловживає діалектичними конструкціями. Але це ще не дає нам підстав запевняти, що Зібер не розумів революційної суті діалектики, і зводив її до еволюціонізму, як зазначають П. Орловський, І. Товстуха та інші²⁾. Дуже важливим за для нас в цій справі є твердження Плеханова („Монист. взгляд“, стр. 262), де спростовується гадка Н. К. Михайловського про спрощене розуміння діалектики Зібером.

Шукати-же викінчених філософсько-соціологічних поглядів у Зібера було б зайвим. Тим більше, що Зібер, як економіст, більше був обізнаний з політичною економією Маркса-Енгельса, а ніж з їх філософсько-соціологічною концепцією. Тай філософсько-соціологічний бік марксівського світогляду цікавив Зібера він перший знайомить читачів Східної Європи з досягненнями наукового соціалізму на цій ділянці³⁾.

Так теоретично наукова, публіцистична, як і практична революційна робота М. Й. Зібера дає нам змогу, під час сорокаліття смерті, вказати на той зв'язок, що існує поміж діяльністю Зібера і будівництвом соціалізму в Союзі Радянських Республік. Тим більш щільним є той зв'язок, що перші Соціалістичні Республіки повстали там, де Зібер був першим і невтомним пропагандистом ідей наукового соціалізму. Світогляд Зібера хоч мав свої хибі і не був цілком викінченим і особливо у філософсько-соціологічній основі; але все-ж таки був, як це справедливо зазначає М. Яворський за „ідеологічний паросток нашого робітничого буття, що виріс на ґрунті росту нашої робітничої класи“. Український пролетаріят в особі Зібера має постать, яка ще на провесні, під час формування робітництва, як класи, виступила озброєна наукою Маркса-Енгельса і в своїй роботі так теоретичній, як і практичній сприяла організованості і успішності в боротьбі з капіталом за соціалістичний устрій.

Д. Є. Бованенко.

¹⁾ Ibid, стр. 675—676.

²⁾ Див. „Пролетарську Правду“, 1928, № 158.

³⁾ Див. М. Зібер, „До характеристики Е. Дюрінга“, Собр. соч., т. II.

⁴⁾ М. Яворський.—„Нариси з історії революційної боротьби на Україні“, вид. Укр. інст. марксизму, т. II, ч. I.

The first part of the book is devoted to a general history of the United States from its discovery by Columbus in 1492 to the present time. It covers the early years of settlement, the struggle for independence, the formation of the Constitution, and the various wars and conflicts that have shaped the nation's history. The author provides a detailed account of the political, social, and economic developments that have taken place over the centuries.

The second part of the book is a collection of biographies of some of the most important figures in American history. These include George Washington, Thomas Jefferson, Abraham Lincoln, and many others. Each biography is written in a clear and concise style, providing a comprehensive overview of the individual's life and contributions to the nation.

The third part of the book is a series of essays on various aspects of American history and culture. These essays cover topics such as the role of the press, the influence of religion, and the impact of technology on society. The author's analysis is thoughtful and well-researched, providing a valuable perspective on these important issues.

The book is written in a clear and accessible style, making it suitable for both students and general readers. It is a comprehensive and authoritative work that provides a detailed and engaging account of the history of the United States.

Природа кредиту в господарстві трансформаційної доби *).

Кредит — це економічне явище, що властиве товарово-міновому господарству. Подібно як всяке інше економічне явище (обмін тощо), так і кредит на всіх ступенях свого історичного розвитку в формою прояви певних соціальних відносин. Подібно як у всякому іншому економічному явищі матеріальний предмет виконує двояку функцію — матеріально-технічну й суспільну (товар, що є об'єктом обміну, є не тільки предметом, що призначений задовольнити певну, відповідну його матеріальній субстанції людську життєву потребу, є не тільки споживчою вартістю, але й вартістю, тобто орічевленням певного соціально-продукційного відношення), так і в кредитовій операції той предмет, що служить її об'єктом (гроші, товар, капітал) виконує теж не тільки відповідну матеріально-технічну функцію, але й функцію соціальну. Ця його соціальна функція полягає в тому, що в ньому орічевлюється соціальне відношення між кредитором і дебітором.

Поскільки кредитова операція може відбуватись між людьми з найрізноманітнішими соціальними фізіономіями, то кредит може бути формою прояви найрізноманітніших соціальних відносин, отже різноманітною може бути й соціальна природа кредиту.

Тому то повний і всебічний, дійсно науковий аналіз кредиту вимагає, щоб розглядати це економічне явище не тільки з точки зору матеріально-технічної функції об'єкту кредитової операції, але й з точки зору його функції соціальної.

Головна хиба буржуазної економічної науки і по сьогоднішній день полягає якраз в тому, що вона не цікавиться соціальною природою економічних явищ, в наслідок чого вона не бачить їх історичної обумовленості і діалектичної дочасності. А між тим, коли обмежити аналіз економічних явищ тільки їх матеріально-технічною стороною, то можна ототожнювати цілком різні, іноді навіть протилежні своєю соціальною природою явища.

Коли при аналізі кредиту не приймати на увагу соціальної фізіономії кредитора й дебітора, то можна н. пр. ототожнити кредит, що його видає капіталістичний банк промислового капіталістові,

*) Ця стаття є конспектом одного з уступів праці на таку ж тему, над якою працює автор.

з кредитом, що він його видає, скажемо, ремісникові. В обох цих випадках кредит може бути виробничим. Однак в руках промислового капіталіста позичена цінність стає капіталом, в той час як в руках ремісника тільки знаряддям звичайного товарового виробництва.

Коли рух позиченої цінності в руках промислового капіталіста буде мати таку форму: $G - T (Z.p + P.c)$... П і т. д., то в руках ремісника ця форма навпаки буде цілком іншою: $G - T (Z.p)$... П і т. д. Перша різниця між цими двома формами руху позиченої цінності полягає в тому, що вона в руках промислового капіталіста розпадається на дві частини, з яких одну капіталіст витрачає на купівлю робочої сили, а другу — на купівлю всіх інших потрібних для виробництва елементів, а в руках ремісника вона стає тільки засобом купівлі знаряддя і предмету праці. Друга і найбільш важлива різниця полягає в тому, що, розпадаючись на дві частини в руках капіталіста, позичена цінність стає капіталом, а в руках ремісника тільки знаряддям звичайного товарового виробництва. Джерелом відсотку в капіталіста є додаткова вартість, а в ремісника — додатковий продукт. Соціальна природа цих двох видів кредиту є таким чином різна. Однак цієї різниці не може бачити буржуазна наука із-за свого класово-обмеженого кругозору.

Проблему природи кредиту можна тому правдиво з'ясувати тільки тоді, коли піднестись вище, понад буржуазний вузько-класовий кругозор, до об'єктивно-соціальної точки зору і розглядати це економічне явище з точки зору соціальної фізіології його контрагентів.

Коли-б встановити класифікацію кредиту за його соціальною природою, то можна-би в ній відзначити такі найбільш типові види кредиту: капіталістичний кредит (кредитор і дебітор — агенти капіталістичного господарства), лихварський кредит (кредитор — агент капіталістичного господарства, дебітор — агент дрібнотоварового господарства або робітник), робітничий трудовий кредит (кредитор — робітник¹⁾, дебітор — агент капіталістичного господарства), внутрішній дрібнотоварового господарчий кредит (кредитор і дебітор — агенти дрібнотоварового господарства) і зовнішній дрібнотоварового господарчий кредит (кредитор — агент дрібнотоварового господарства, дебітор — агент капіталістичного господарства).

Коли соціальну природу кредиту визначає соціальна фізіологія контрагентів кредитової операції, коли даліше кожна соціально-еко-

1) „У всіх країнах з капіталістичним способом виробництва робочу силу оплачується тільки після того, як вона вже функціонувала впродовж часу, що його встановлено умовою під час її купівлі, наприклад при кінці кожного тижня. Таким чином завжди робітник авансує капіталістові споживчу вартість своєї робочої сили; він дає змогу споживати свою робочу силу раніш, ніж цей йому виплачує її ціну. Словом всюди робітник кредитує капіталіста. Що цей кредит не проста видумка, доказує не тільки утрата заробітної платні під час банкруцтва капіталіста, що її несе кредитор, але й низка інших фактів, що okazують більш довготривалий вплив“. Маркс. Капітал, т. I. стор. 144—145.

номічна формація має свою властиву соціально-класову структуру, то в кожній соціально-економічній формації один із зазначених видів кредиту буває звичайно найбільш типовим і в умовах властивих її соціально-продукційних відносин найбільш поширеним.

Найбільш поширеним і пануючим видом кредиту в умовах капіталістичного способу продукції є кредит капіталістичний. Всі інші види кредиту йому абсолютно підпорядковані. В епоху первісного капіталістичного нагромадження, коли відбувався процес утворення передумов для капіталістичного способу продукції, найбільш поширеним і пануючим видом кредиту був кредит лихварський¹⁾.

Соціально-природа найбільш поширеного і найбільш типового для тієї чи іншої соціально-економічної формації кредиту знаходиться, як бачимо, в абсолютній залежності і діалектичній обумовленості соціальною природою відповідної економічної формації²⁾.

Тому то, подібно як ми не можемо зрозуміти суті капіталістичного кредиту без відповідного розуміння суті капіталістичного способу продукції, так не може обійтись аналіз природи кредиту в господарстві трансформаційної доби без відповідного попереднього з'ясування соціальної природи цього перехідного від капіталізму до соціалізму господарства. Наш аналіз природи радянського кредиту мусить тому розпочатись з аналізу природи нашого народнього господарства в цілому.

Соціалістична революція — це не є якийсь одноразовий акт, в якому капіталізм, як соціально-економічну формацію, замінював би новий соціальний устрій — соціалізм. Одноразовим актом є тільки нове розташування класових сил в наслідок переходу найміцнішої зброї в цій боротьбі — політичної влади і найважливіших частин народнього господарства — із рук буржуазії до рук пролетаріату. Соціалістична революція — це є довгий процес руйнування всієї економічної структури капіталістичного суспільства, процес боротьби, в якій капіталістичну організацію господарства і властиві їй соціальні відносини поступово руйнує організація господарства соціалістична, аж поки в решті решт не викристалізується нове безкласове соціалістичне суспільство.

Цей процес боротьби поміж капіталістичною і соціалістичною формою господарства складає цілу історичну епоху, що відділяє соціалізм від капіталізму. Неминучість цієї трансформаційної доби

1) „Лихварський кредит, як характерна форма капіталу, що приносить відсотки, відповідає пануванню дрібного виробництва селян і дрібних ремісників, що господарюють самостійно“.

Маркс. Капітал, т. III, ч. 2, стор. 132.

2) „Розвиток кредитової справи (капіталістичної С. П.) виникає як реакція проти лихварства. Це потрібно розуміти як підпорядкування капіталу, що приносить відсотки, умовам і потребам капіталістичного способу продукції. В цілому капітал, що приносить відсотки при сучасній (капіталістичній—С.П.) кредитовій системі пристосовується до умов капіталістичної продукції“.

Маркс. Капітал, т. III, ч. 2, стор. 137.

виникає з самих властивостей розвитку капіталізму. Капіталізм поперше не здатний розвинути матеріальні продукційні сили до такого технічного рівня, щоб стало можливим перейти до планового соціалістичного виробництва на другий день після переходу політичної влади до рук пролетаріату (пригадаймо, що в новішу добу свого розвитку капіталізм сам утворює перешкоди для дальнішого розвитку продукційних сил) і по-друге розвиває ці продукційні сили дуже нерівномірно в окремих частинах народнього господарства (сільське господарство у всіх без винятку країнах технічно відсталіше від промисловости), що в свою чергу такий перехід до планового господарства ще більше затрудняє. Потрібна отже ціла історична доба, щоб виправити ці „хиби“ капіталізму, щоб утворити технічні і економічні передумови переходу до планового соціалістичного господарства. Соціална природа капіталізму покладає цю історичну місію на плечі пролетаріату, який є єдиним класом, що поперше найбільше зацікавлений в соціалістичній організації господарства і по-друге здатний вести за ню боротьбу до переможного кінця.

Господарство переходової доби характерне таким чином тим, що воно складається з рештків капіталістичної форми господарства з одного боку, і паростків нової, соціалістичної форми господарства з другого. Співвідношення між цими двома соціалними секторами переходового господарства залежить цілком від того, на якому рівні розвитку матеріальних виробничих сил розпочалась соціалістична революція. Від цього рівня виробничих сил залежить крім того і те, наскільки важливими своєю питомою вагою будуть в переходовому господарстві рештки докапіталістичних форм господарства (дрібнотоварове сільське господарство, дрібне ремесло, патріархально-натуральне господарство тощо). В господарстві СРСР, яке є поки що одиноким реальним об'єктом, на якому можна вивчати характерні властивості переходового господарства, крім соціалістичного і капіталістичного сектору велику питому вагу займає дрібнотоварове сільське господарство й дрібне ремесло. Поруч з цими елементами господарства є ще незначний своєю величиною сектор державного капіталізму і навіть натурального господарства.

Така пестрота господарчих укладів нашого господарства, до крайности різноманітний рівень виробничих сил в окремих його частинах цілком унеможлиблює перехід до повного планового соціалістичного господарства в теперішній час. Однак, не зважаючи на те, що їх соціална природа абсолютна різна, вони мусять знаходитись у взаємному господарчому звязку і утворювати одну господарчу цілість. Поскільки цей звязок поміж ними ніяк не може здійснюватись в цілком плановий спосіб, то стає неминучою товарова форма нашого переходового господарства, товаровий ринок, як чинник, що увязує ці його окремі частини в одну господарчу цілість.

Товарова форма переходового господарства вимагає добре нала-

годженого грошового господарства, кредитової системи і інших атрибутів цієї форми господарства.

Однак форма і суть явища — це два цілком різні поняття. Коли переходове господарство, особливо господарство СРСР, із-за пестроти своїх укладів і неоднаково розвинутих виробничих сил в окремих своїх частинах, неодмінно мусить зберігати ще свою стару, (товарову форму змусить зберігти переходове господарство після пролетарської революції навіть в найпередовіших капіталістичних країнах, тільки період цієї його товаровості буде значно меншим, ніж в СРСР), то із цього зовсім не виходить, що й соціальна його суть осталась тою, якою вона була до пролетарської революції. Навпаки. Не зважаючи на товарову форму переходового господарства, соціальна його суть абсолютно інша. Націоналізація великої промисловости, транспорту, зовнішньої торгівлі, банків і т. д. — все це не може не викликати цілого перевороту в соціально-продукційних відносинах і не може не змінити соціальної природи народнього господарства. Велика промисловість, транспорт, банки і т. д. із капіталістичних елементів перетворюються в цитаделю пролетарської диктатури, в „підприємства послідовно соціалістичного типу“. Все це рішуче міняє соціальну суть нашої товарової виміни нашого ринку, нашого кредиту і т. д.

Засоби продукції в наших державних підприємствах не є більше засобами експлоатації; вони перестали бути капіталом. В товарі держпідприємства не орієнтується більше відношення експлоатації між робітником і капіталістом — додаткова вартість, а обмін товарів в абсолютній своїй більшості не є більше формою прояви соціально-антагоністичних відносин.

Така революція в соціально-продукційних відносинах, в соціальній природі господарства неодмінно мусить змінити і соціальну суть кредиту. Кредитор і дебітор в переходовому господарстві в зв'язку з націоналізацією економічних командних висот мусить бути інший, ніж в господарстві капіталістичному. Поскілки соціальна природа кредиту, як ми вже бачили, залежить від соціальної фізіології його контрагентів, то такий переворот у виробничих відносинах, що його викликає соціалістична революція, неодмінно міняє і соціальну природу кредиту.

Коли переходове господарство, не зважаючи на те, що його соціальна природа в наслідок пролетарської революції цілком міняється, мусить, як ми вже бачили, на певний історичний період зберегти товарову форму, то економічно потрібним на цей період стає і невід'ємний атрибут цієї його форми — кредит. Коли капіталістична система господарства опирається на велику капіталістичну промисловість, транспорт, зовнішню торгівлю і т. д., то одною з найважливіших передумов успішного соціалістичного будівництва є їх націоналізація. Будучи націоналізованими, вони із опори капіталістичної класово-антагоністичної форми суспільства перетворюються в цита-

делю пролетарської диктатури, в соціалістичний сектор переходового господарства, сектор порівнюючи з іншими секторами економічної й соціально передовий, сектор, який рештки дрібнотоварового господарства через кооперацію перетворить на соціалістичний лад, а рештки господарства капіталістичного знищить. Роль кредиту в капіталістичному господарстві не менша від ролі тої чи іншої виробничої його артерії. Без кредиту капіталістичне господарство взагалі не могло-би не то що розвиватись, але й існувати. Кредит зменшує період кругообігу суспільного капіталу і підносить таким чином його продуктивність, він збільшує можливості нагромадження, сприяє не тільки концентрації, але й централізації капіталу й утворює умови продуктивного використання резервного капіталу. Все це сприяє загальному підвищенню норми прибутку і утворює передумови для збільшення ефективності капіталістичного способу продукції. Ось чому кредит можна без ніякого перебільшення уважати за таку-ж повнокровну артерію капіталістичної системи господарства, як зовнішню торгівлю і т. д.

Коли кредит є одним із таких міцних двигунів капіталістичного способу продукції, то націоналізація однієї тільки великої промисловости, транспорту і т. д. без націоналізації кредиту цілком сприятливих умов для успішного соціалістичного будівництва ще не утворила-би і пролетаріят не мав-би економічних гарантій проти переродження націоналізованого передового, соціалістичного сектору народнього господарства в господарство капіталістичне. Не націоналізуючи капіталістичних банків, пролетаріят поступово позбувся-б і націоналізованої промисловости. Всю важливість націоналізації капіталістичних банків для соціалістичного будівництва можна бачити з таких слів Леніна: „Тільки контроль за банками, за цетром, за головним хребтом і основним механізмом капіталістичного обігу дав би-нам можливість встановити не на словах, а на ділі контроль за всім господарчим життям, за виробництвом і розподілом головних продуктів“¹⁾.

В іншому місці²⁾ про потребу націоналізації капіталістичних банків і про їх принципово иншу роль в будівництві соціалізму Ленін висловився так: „Без великих банків соціалізму не можна було би здійснити. Великі банки є тим „державним апаратом“, якого нам потрібно для здійснення соціалізму і який ми беремо готовим в капіталізмі, при чому наше завдання полягає тільки в тому, щоб відкинути все те, що капіталістично калічить цей чудовий апарат, щоб перетворити його в апарат ще більший, ще демократичніший і щоб він охоплював все господарство. Кількість перейде тоді в якість.

„Єдиний найбільший із найбільших державний банк з відділами в кожному районі, при кожній фабриці,— це вже дев'ять десятих

¹⁾ Гроззящая катастрофа и как с ней борются.

²⁾ Ленин. Избр. статьи и речи, т. III, стр. 211 (підкреслення Леніна. С. П).

соціалістичного апарату. Це загально-державне рахівництво, загально-державний облік виробництва й розподілу продуктів, все це є, так-би мовити, скелет соціалістичного суспільства“.

Першим кроком Радвлади в справі націоналізації банків був декрет з 14 грудня 1917 року. За цим декретом все банківське господарство було проголошено державною монополією. Всі приватні акційні банки, що були в дореволюційній Росії, як і їх філії, повинні були об'єднатись з державним банком. 26 січня 1918 р. було видано новий декрет, за яким всі капітали бувших приватних банків було цілком конфісковано. Так було змінено соціальну суть дореволюційного капіталістичного кредиту. З капіталістичних кредитових установ націоналізовані банки перетворились в підприємства пролетарської держави.

Проте загальні принципи господарчого будівництва і економічної політики Радвлади тодішніх часів виключали всяку можливість існування і розвитку кредиту. Кредит можливий і потрібний тільки в умовах товарового господарства і грошового ринку. А система воєнного комунізму, викликана до життя тодішнім політичним становищем нашої країни (громадянська війна), була прямим запереченням всіх цих умов, потрібних для розвитку кредиту. Поскільки господарчий обіг перестав носити грошовий характер, а відбувався у формі рахункових взаємовідносин, в яких звичайними квитанціями (негрошового характеру) покривалось тільки сальдо, поскільки, таким чином, фінансування промисловости через банки стало нежиттєвим, а звелось до простої видачі грошових знаків з державної скарбниці, то кредитові відносини в таких умовах утратили були цілком своє попереднє значення.

Перехід на нову економічну політику, що стався після закінчення громадянської війни, повинен був викликати певне зрушення і в галузі кредитової політики. Товарова форма господарчих взаємин висунула була потребу відновити банківську систему, через яку відбувався-би перерозподіл обігових капіталів народнього господарства. Поскільки однак ця товарова форма господарчих взаємин встановилась після переходу на нову економічну політику на основі державно-капіталістичної системи господарства, то поруч з потребою відтворення кредитових інституцій появилась потреба й регулювання кредиту, щоб фінансування держпромисловости давало як найбільшу комерційну ефективність. Чому однак це фінансування промисловости в умовах нашого планового господарства не може відбуватись в плановому порядку через державну скарбницю? Тому, що при теперішніх як технічно-продукційних, так і соціальних умовах можливості планувати всі сектори нашого господарства ще обмежені. Сільське господарство, дрібне ремесло і т. д. нашому плановому впливу піддаються ще мало, проте вони кредиту потребують. Отже, інституціями, що найкраще виконували-би поставлені перед нашим кредитом завдання — мобілізувати розпоршені засоби і

заощадження в позасоціалістичному секторі нашого господарства для індустріалізації країни і що найуспішніше сприяли-б соціалістичній перебудові селянського господарства — можуть бути тільки банки. Крім того і наша бюджетна, податкова, кооперативна політика, політика с.-г. і промислових цін, як засобу соціалістичного впливу на сільське господарство, коли-б не було кредитових установ, не дала-б потрібного нам ефекту.

Розвиток нашої радянської кредитової політики проходив через такі чотири етапи: перший, з жовтня 1917 р. до початку 1920 р. Це був період руйнування старих дореволюційних кредитових відносин і установ. Другий, з початку 1920 р. до осені 1921 р. Це був період організації безкредитових розрахункових взаємін між націоналізованими державними підприємствами. Третій з осені 1921 р. до початку 1925 р., період реставрації нормальних кредитових відносин і системи кредитових установ в умовах нової економічної політики. Врешті, четвертий період, що заповнює останні три роки нашого господарчого будівництва, характерний впертою роботою над раціоналізацією діяльності реставрованої кредитової системи.

Для вивчення природи кредиту в господарстві трансформаційної доби особливого значення набуває тому вивчення особливостей кредиту й характеру діяльності нашої кредитової системи за останній період кредитової політики Радвлади.

Всю важливість і значення кредиту й кредитових установ в господарстві трансформаційної доби уявляв собі ще Маркс, коли він писав, що „не підлягає ніякому сумніву, що кредитова система стане міцною підмогою підчас переходу від капіталістичного способу продукції до продукції колективної праці“¹⁾. Розуміючи однак всю важливість кредитових установ в соціалістичному будівництві, Маркс рівночасно уявляв собі можливість такої ролі кредитової системи тільки „в зв'язку з іншими великими органічними переворотами в самому способі продукції“²⁾.

Наша націоналізація банків зруйнувала до щенту старий капіталістичний банк. Проте це не значить, що вона зруйнувала банк взагалі. Подібно як переходове господарство в цілому із-з низки технічних і соціально-економічних причин мусить ще зберігти на певний час товарову форму (соціально його суть проте, як ми вже бачили, цілком змінилась), так і перерозподіл капіталів мусить ще зберігти на цей час форму кредиту. Банк повинен ще залишитись на цей час як центральна бухгалтерія окремих організованих частин господарчого організму, як орган капітального фінансування і забезпечення їх обіговими капіталами. Ця потреба в банках виникає ще й з того, що на основі товарової форми переходового господарства стане неминучим і часткове зростання капіталізму. Крім того і

1) Маркс. Капітал, т. III. ч. 2. стор. 145.

2) Там-же.

капіталістичне оточення СРСР примушує нас вести економічну боротьбу з капіталізмом його-ж методами.

Форми діяльності радянського банку, як і промислового або торговельного підприємства, подібні до форм діяльності банку капіталістичного. Наш банк знаходиться на комерційному розрахунку, а в своїх кредитових операціях він цілком рахується з кредитоздатністю своєї клієнтури. Крім того наш банк, як і банк капіталістичний, дбає і за ліквідність своїх активів.

Однак форма і суть — це два цілком різні поняття. Коли по формі діяльності наш банк може ще нагадувати банк капіталістичний, то по своїй соціальній суті він від нього абсолютно різниться. Перша різниця між нашим банком і банком капіталістичним полягає в тому, що наш банк є складовою органічною частиною загального планового господарства. Коли капіталістичний банк в сучасних умовах є керівничим центром всього господарчого життя, то наш радянський банк в руках соціалістичної держави є засобом, за допомогою якого вона здійснює своє керівництво нашим народнім господарством.

Маючи такий могутній інструмент народньо-господарчого керівництва, як банки, наша держава може чисто економічним, а не адміністративним шляхом провадити перерозподіл коштів в інтересах планового господарства.

Друга й найбільш важлива різниця між нашим і капіталістичним банком полягає в тому, що їх клієнтура за соціальною фізіономією є абсолютна різна. З чисто технічного боку джерела оперативного „капіталу“ нашого банку дуже нагадують нам джерела оперативних капіталів капіталістичного банку (депозитні операції, біжучі рахунки тощо), проте по суті ці джерела абсолютно неоднакові.

З яких коштів складаються оперативні „капітали“ наших радянських банків?

Цілком недвозначну відповідь на це питання дають нам такі дані: (див. табл. стор (10) 32).

З цієї таблички бачимо, що клієнтуру наших банків за їх пасивними операціями складають головним чином державні підприємства й кооперація. Кошти приватних осіб і фірм, клієнтури переважно капіталістичної, в балансі вкладів і біжучих рахунків наших банків займають дуже незначне місце (на 1.X — 1924 р. — 3,4% до балансу, на 1.X — 1925 р. — 3,6%, на 1.X — 1926 р. — 3,7%, на 1.X — 1927 р. — 3,5%). Оперативні кошти наших банків складаються, таким чином, з вільних коштів державного й кооперативного господарства, біжучих рахунків Наркомфіну, тобто тимчасово вільних і запасних засобів держбюджету, емісійних засобів і нарешті власних „капіталів“ і нагромаджень.

Соціалістична революція, що викликала цілий переворот в способі продукції і соціальній структурі нашого господарства, змінила

Вклади й біжучі рахунки Держбанку і 4-х акційних банків (Промбанку, Зовнішторгбанку, Всекобанку і Мосміськбанку) за групами клієнтури (в міл. карб. ¹⁾.

Дати	Банки	Держпромисловість	Держторгівля	Кооперація	Кредит. установи	Інші держ. організ.	Приватн. особи й фірми.	Разом
1.X 1924 р.	Держбанк	47,4	14,9	8,2	32,7	90,0	8,8	202,0
	4 акц. банки	72,2	14,6	8,6	4,1	89,6	4,9	194,0
	Разом	119,6	29,5	16,8	36,8	179,6	13,7	396,0
1.X 1925 р.	Держбанк	117,2	30,8	23,7	36,0	165,0	19,5	392,2
	4 акц. банки	156,0	27,2	20,1	9,7	157,7	8,9	379,6
	Разом	273,2	58,0	43,8	45,7	322,7	28,4	771,8
1.X 1926 р.	Держбанк	108,1	16,6	24,3	45,6	202,1	18,8	415,5
	4 акц. банки	145,2	16,1	26,1	19,6	144,0	10,3	361,3
	Разом	253,3	32,7	50,4	65,2	346,1	29,1	776,8
1.X 1927 р.	Держбанк	119,9	24,9	41,4	33,7	286,9	20,6	527,4
	4 акц. банки	112,8	11,8	32,5	9,9	118,7	8,7	294,4
	Разом	232,7	36,7	73,9	43,6	405,6	29,3	821,8

й соціальної природу оперативних „капіталів“ наших банків. Така революція в соціальної структурі нашого господарства і природі оперативних „капіталів“ наших банків рішуче міняє як характер кредитових операцій наших банків, так і порядок їх переведення.

Будучи органічною складовою частиною загального планового господарства, наші банки і свої кредитові операції повинні проводити за певним планом, щоб вони (операції) цілком відповідали завданням соціалістичного господарчого будівництва. Тому всю свою діяльність наші банки дійсно ведуть на основі кредитових планів, що їх на кожний квартал затверджує Держплан і РПО, погоджуючи їх з інтересами всього народнього господарства і оперативними планами окремих його частин. Оперативні плани нашої кредитової системи складаються в такий спосіб, щоб перерозподіл капіталів відбувався в найдоцільнішій з точки погляду інтересів народнього господарства формі, щоб їх використання дало максимальну ефективність в справі розвитку виробничих сил нашої країни в соціалістичнім напрямку. Вся трудність в складанні оперативних планів наших банків полягає в тому, щоб правдиво погодити комерційні

¹⁾ Финансы и народное хозяйство. Ежегод. журнал НКФ СССР № 49 за 15.X. 1927 г.

принципи роботи банків з інтересами і потребами народного господарства.

Такий плановий характер операцій наших банків, зв'язаних з загальними соціалістичними завданнями господарчого будівництва, міняє, безумовно, як ролю, так і природу банківського відсотку. Коли відсоток в капіталістичних умовах є в руках капіталістичних банків засобом для регулювання грошового ринку і показчиком гос. подарчої кон'юнктури окремих капіталістичних країн, то в наших умовах його роля полягає тільки в тому, щоб дати нашій кредитовій системі можливість покрити витрати на утримання свого апарату управління і нагромаджувати незначні кошти для зміцнення свого становища і поширення операцій. Коли даліше відсоток, що його отримують капіталістичні банки, є частиною додаткової вартості і цим самим матеріальним висловом соціально-капіталістичного відношення експлоатації між буржуазією і пролетаріатом, то відсоток, що його отримують наші радянські банки, є частиною додаткового продукту державного послідовно соціалістичного господарства. Коли матеріальний процес продукції в державних підприємствах не є більше процесом продукції додаткової вартості і соціально-антагоністичних виробничих відносин, то й відсоток, що його отримують наші банки, не може бути таким матеріальним висловом цих гетерогенних соціальних відносин, як це є в капіталістичних умовах.

Таким чином природу оперативних „капіталів“ нашої кредитової системи і відсотку змінила не тільки націоналізація капіталістичних банків, але й перетворення їх в центральну бухгалтерію на соціалістичний лад організованого державного й кооперативного господарства, іншими словами, революція в характері кредитових операцій наших банків.

Природа кредиту означається соціальною фізіономією контрагентів кредитової операції, кредитора й дебітора. В капіталістичних умовах типовим кредитором є капіталістичний банк, а типовим дебітором — промисловий або торговельний капіталіст; отже, найтипівішим видом кредиту в капіталістичних умовах є кредит капіталістичний.

Зовсім іншою є соціальна природа кредиту в господарстві трансформативної доби.

З наведеної вище таблички ми вже бачили, що оперативні кошти наших банків — це вільні й запасні „капітали“ соціалістичного сектору народного господарства і кошти державного бюджету. Крім того, ми вже споминали про те, що наша кредитова система є органічною складовою частиною нашого загального планового господарства. Отже, типовим кредитором в господарстві переходової доби є наш соціалістичний банк і цією соціалістичною природою нашого банку і означається природа нашого радянського кредиту.

Хто-ж є найбільш типовим дебітором радянського банку? Про це ми довідаємось з таких даних:

Дисконтно-позикові операції Держбанку і 4 банків за групами клієнтури
(в міл. карб.)¹⁾.

Дати	Банки	Держпромисловість	Держторгівля	Інші держоргани і держпідприємства	Кооперація	Кредитові установи	Приватні особи й фірми	Інші і нерозподілені	Разом
1. X 1924 р.	Держбанк	279,3	32,4	31,6	113,2	71,3	10,8	3,5	541,8
	4 акц. банки	176,8	41,4	15,2	76,9	3,0	6,5	0,7	320,5
	Разом	456,1	73,8	46,8	190,1	74,3	17,3	4,2	862,3
1. X 1925 р.	Держбанк	589,4	101,0	90,5	199,0	207,6	31,1	6,7	1225,6
	4 акц. банки	362,9	84,5	27,2	115,7	6,0	13,1	7,2	616,3
	Разом	952,3	185,5	117,7	314,7	213,6	44,2	13,9	1841,9
1. X 1926 р.	Держбанк	815,8	97,8	180,3	189,7	241,5	24,9	29,6	1579,6
	4 акц. банки	425,3	78,7	44,4	166,7	4,6	5,9	7,1	732,7
	Разом	1241,1	176,5	224,7	356,4	246,1	30,8	36,7	2312,3
1. X 1927 р.	Держбанк	1199,3	125,8	233,5	232,4	307,0	16,8	18,2	2133,0
	4 акц. банки	508,0	103,5	46,8	223,8	2,9	1,6	15,6	902,2
	Разом	1707,3	229,3	280,3	456,2	309,9	18,4	33,8	3035,2

Навіть при цілком поверховому розгляданню цієї таблички звертає на себе увагу повна її аналогічність з табличкою вкладів і біжучих рахунків, що її було наведено вище.

З таблички вкладів та біжучих рахунків було видно, що характер оперативних коштів наших банків зовсім інший, ніж в капіталістичних умовах. Звідциль ми робили висновок, що природа кредитора в господарстві трансформаційної доби цілком інша, ніж в умовах капіталізму.

З таблички дисконтно-позикових операцій, що її ми навели, не трудно бачити, що найбільш типовим дебітором нашого банку є організований соціалістичний сектор нашого господарства. Клієнтуру наших банків складають переважно держпідприємства й кооперація не тільки по лінії їх пасивних, але й активних операцій.

Більш того, коли порівняти питому вагу коштів державного господарства, кооперації і приватних осіб та фірм в балансі вкладів та біжучих рахунків з їх питомою вагою в балансі дисконтно-

¹⁾ Финансы и народное хозяйство. Ежегод. журн. НКФ СССР № 42 за 15.X—27 г.

позикових операцій, то класовий характер нашої кредитової політики особливо видається у вічі. Коли кошти приватних осіб і фірм в балансі вкладів і біжучих рахунків Держбанку й зазначених 4-х акційних банків поступово збільшуються (на 1.X—1924 р.— 3,4%, на 1.X—1925 р.— 3,6%, на 1.X—1926 р.— 3,7% і на 1.X—1927 р.— 3,5%), то в балансі дисконтно-позикових операцій вони навпаки зменшуються (на 1.X—1924 р.— 2,0%, на 1.X—1925 р.— 2,9%, на 1.X—1926 р.— 1,3% і на 1.X—1927 р.— 0,6%). Ми бачимо, таким чином, що кошти приватних осіб і фірм через нашу кредитову систему мобілізуються для участі в будівництві соціалістичного господарства.

Коли навпаки порівняти питому вагу коштів держпромисловости, держторгівлі й кооперації в балансі вкладів і біжучих рахунків з їх питомою вагою в балансі дисконтно-позикових операцій, то в балансі дисконтно-позикових операцій вона куди більше, ніж в балансі вкладів і біжучих рахунків. Це можна бачити з таких даних:

Кошти державного, кооперативного й приватного господарства в балансі Держбанку й 4-х акційних банків.

(В % до балансу дисконтно-позикових операцій і вкладів та біжуч. рахунків).

Д а т и	Державна промисловість		Державна торгівля		Кооперація		Приватні особи й фірми	
	Баланс вкладів і біж. рах.	Баланс диск. - позик. операц.	Баланс вкладів і біж. рах.	Баланс диск. - позик. операц.	Баланс вкладів і біж. рах.	Баланс диск. - позик. операц.	Баланс вкладів і біж. рах.	Баланс диск. - позик. операц.
1.X 1924 р.	30,0	53,0	7,4	8,6	4,2	22,0	3,4	2,0
1.X 1925 р.	35,4	52,0	7,5	10,0	5,7	17,0	3,6	2,9
1.X 1926 р.	32,6	54,0	4,2	7,6	6,5	15,4	3,7	1,3
1.X 1927 р.	28,3	56,0	4,4	7,5	8,8	15,0	3,5	0,6

Питома вага соціалістичного сектору нашого господарства (держпромисловість, держторгівля і кооперація) в балансі дисконтно-позикових операцій, як бачимо, більша, ніж в балансі вкладів і біжучих рахунків. Наша кредитова система є, таким чином, засобом для перерозподілу „капіталів“ народнього господарства в інтересах соціалістичного будівництва. Такий характер кредитової політики радянського банку диктують економічні завдання пролетарської революції і природа нашого господарства. Такий характер нашої кредитової політики означає і соціальну природу кредиту в господарстві трансформаційної доби.

Коли Маркс в своєму аналізі природи капіталістичного кредиту абстрагувався від другорядних видів кредиту докапіталістичних форм господарства, то таке абстрагування від другорядних видів кредиту, що мають ще місце в господарстві трансформаційної доби, при аналізі найбільш типового для цієї форми господарства

кредиту, кредиту соціалістично-господарчого, буде теж доцільним і навіть потрібним. Таке абстрагування від другорядних видів кредиту полегшить тільки розуміння природи соціалістично-господарчого кредиту, а самого його розуміння не змінить.

Отже, коли не приймати на увагу як внутрішнього, так і зовнішнього дрібнотоварового господарчого кредиту і кредиту чисто капіталістичного, рештки яких у нас ще є, то залишається тільки один вид кредиту — кредит соціалістично-господарчий (сюди ми зараховуємо й кредит кооперативний, поскільки він, не зважаючи на свою деяку відмінність від кредиту соціалістично-господарчого, все таки є знаряддям соціалістичної перебудови дрібнотоварового господарства). Природа кредиту, як про це ми вже говорили вище, означається соціальною природою контрагентів кредитової операції. Соціальна природа контрагентів нашого радянського кредиту „послідовно-соціалістична“. Отже, „послідовно-соціалістичною“ мусить бути і природа радянського кредиту. Ми через те й назвали його соціалістично-господарчим кредитом.

Крім соціалістично-господарчого кредиту, про який у нас ішла мова до тепер, в господарчих умовах СРСР є і інші види кредиту, як внутрішній і зовнішній дрібнотоварового господарчий кредит і кредит капіталістичний. Кредит капіталістичний в кредитових відносинах переходової доби займає зовсім незначне місце, бо пролетарська революція до щенту розбиває його економічну основу — капіталістичні банки. Коли його рештки ще й можна подекуди зустрінути, то вони виникають цілком випадково й неорганізовано між окремими агентами капіталістичного сектору нашого господарства. Зовнішній дрібнотоварового господарчий кредит в наслідок швидкого зростання с.-г. кредитової кооперації уступає своє місце організованому кредитові кооперативному; в кооперативний перетворюється і кредит внутрішній дрібнотоварового господарчий.

Кооперативний кредит, будучи знаряддям перебудови дрібнотоварового господарства на соціалістичний лад, своєю соціальною природою дуже наближується до кредиту соціалістично-господарчого. Проте аналіз його природи в сучасних умовах, коли його контрагентами бувають і неорганізовані агенти дрібнотоварового господарства, є особливо цікавим і вимагає спеціального наукового дослідження.

С. Паленчук.

Одеське порто-франко ¹⁾.

Порто-франко в Одесі було завершенням переднішого розвитку чорноморсько-озівської торгівлі. Думка про порто-франко з'явилася одночасно з утворенням самої Одеси й виникла серед тих значних чужоземних негодіантів, що віддавна провадили були свої операції на Україні ²⁾. Надворний совітник Фрөдінг (Fröeding), здається австрійський негодіант, що мав свою головну контору в Костянтинополі, а філію між иншим також у Херсоні (мабуть до початку російсько-турецької війни 1788—1791 р.р.), й провадив на велику міру операції у Туреччині й на Україні ³⁾, писав 15/26 вересня р. 1796 до бригадіра де-Волана, директора „канцелярії будування міста й порта Гаджібейського“ ⁴⁾, „о пользе учреждения Одессы вольно-торговым портом (porto franco)“. Про це, очевидно, Волян подав був урядові. На пропозицію Фрөдінга звернули були увагу й десь на припочатку р. 1797 в Державній Раді „по воле е. и. в.“ обмірковували цю справу. Рада визнала, що „сие учреждение может произведено быть в действо“, як-що „по причине прилеглости Одессы к сухой границе“ буде вжито всіх заходів перестороги „окопанием сего места и другими распоряжениями“. Проте Рада не цілком вдоволена була з цього. На її думку, „порты таврические могут еще удобнее объявлены быть вольноторговыми“, звичайно, з відповідними застереженнями. Інтереси російського торговельного капіталу тут виявилось як-найяскравіше. Одеса бо була десь на кордоні, за Дніпром, звязана була найбільше з т. зв. „польськими провінціями“ Імперії, отже з Правобережною Україною, куди ще російський купець на спромігся пролізти. Взагалі ставлення до Одеси за того часу було досить таки вороже. „Спадкоємці“ Кримських земель слушно міркували, що через порто-франко на Таврійському півострові „область сия приобрела б скорее нужное население, не в од-

¹⁾ Ця розвідка є окремих розділ з нашої праці „Нариси з історії українського капіталізму“ (т. I), що її тепер ладиться до друку.

²⁾ Думка про порто-франко на Чорнім морі (в Керчі) з'являється допіру ще р. 1775 (І ПСЗ, т. XX, № 14284; Скальковський, Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, II (Одеса, 1838), стор. 249.

³⁾ Про Фрөдінга — див. Pamiętnik Historyczno-Polityczny, 1784, VIII, str. 740—741; Зап. Одесск. Общ. Истории и Древн., XI, 362.

⁴⁾ Див. Скальковський, Первое тридцатилетие города Одессы (Одеса, 1837), ст. 38.

них татарах, но и из разных порядочных жителей состоящее“. На цей раз „кримським“ оборонцям не пощастило. 9/II р. 1797 генерал-прокурор повідомив Раду про те, що „е.и.в. угодно, чтоб порт вольно-торговый учрежден был в Одессе, а не в Тавриде“¹⁾. Наприкінці того-ж таки року одеське купецтво безпосередньо вдалося до уряду з проханням надати Одесі прав порто-франко²⁾. Проте справу було затримано. Її мабуть сполучили були з розробленням нового тарифу³⁾. Тим часом перемогли оборонці кримського порто-франко. Указ 13/II р. 1798 надавав Таврійському півострову прав порто-франко терміном на 30 років⁴⁾. Та указ цей не був запроваджений у життя⁵⁾. Разом з тим швидкий зріст Одеси пересував туди центр чорноморської торгівлі й надзвичайно ускладнював економічне й політичне становище Правобережної України. Це й призвело на початку ХІХ в., надто-ж після призначення Рішельє, до поширення прав Одеського порту й надання йому особливих пільг. За безперечного предка порто-франко слід визнати заведення в Одесі *entrepôt*, тоб-то визнання тутешньому портові права складки товарів на протязі 1½ років, без митної оплати. Чинність указу 5/III 1804 р. було встановлено (як спробу) на 5 років⁶⁾. Цілком зрозуміло, що це було природно звязано з усталенням, одеського транзиту: адже-ж і відповідного указа видано було в той самісінький день⁷⁾. Проте мабуть і тоді вже російський уряд розумів, що запровадження в Одесі *entrepôt* одкриває тут можливість вільної конкуренції центрально-європейських і західно-європейських країн, отже певною мірою нейтралізує виключний вплив Центральної (німецької) Європи на одеську (і правобережно-українську) торгівлю. Не дивно, що р. 1809 право складки товарів в Одесі було продовжено на 5 років⁸⁾, р. 1814—на два роки⁹⁾, р. 1816—також¹⁰⁾ і мало чинність доти, доки в Одесі з'являється вже справжнє порто-франко.

¹⁾ Архив Государственного Совета, II, 121.

²⁾ Скальковський, Первое тридцат., 68. Р. 1797 такого проекту подав був одеський негодіант бар. d'Huggner (Архив графов Мордвиновых, II, 150—163). Див. Труды слушательниц Одесских Высших Женских Курсов, т. I, в. 2 (Одеса, 1911), ст. 178—179.

³⁾ Архив Гос. Сов., II, 122.

⁴⁾ I ПСЗ, т. XXV, №№ 18373, 18374. Див. Скальковський, Хрон. обзор., II, 14—18. Скальковський мав рацію казати, що порто-франко в Криму „угрожало совершенным закрытием Одесского порта“ (op. cit., II, 18—19).

⁵⁾ Скальковський, II, 18—19. Окрім того, „ошибки и злоупотребления заставили отложить такое средство“ (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной е. и. в. канцелярии, в. I—СПБ, 1876,—ст. 287).

⁶⁾ I ПСЗ, т. XXVIII, № 21197. Див. (Antoine), Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer-Noire (Paris, 1805), p. 220.

⁷⁾ Про це див. нашу працю „Транзитний торг України за першої половини ХІХ ст.“ (Київ, 1927), ст. 23—24.

⁸⁾ I ПСЗ, т. XXX, № 23572.

⁹⁾ Ibid., XXXII, № 25547.

¹⁰⁾ Ibid., XXXIII, № 26270.

Р. 1814 думку про порто-франко в Одесі підніс був Рішельє¹⁾. Та мабуть його проєкт був затриманий через міжнародні події того-часні. Наступник Рішельє гр. Ланжерон знову це питання знімає²⁾. Ця думка тоді досить поширюється в урядових колах. Подано було від приватних осіб кілька проєктів що-до порто-франко на Чорнім морі, зокрема в Одесі³⁾. Можливо, що деякий час вагалися, чи Одесі надати тих прав, чи якомусь іншому портові, переважно ближчому до Росії⁴⁾. Проте, не в інтересах російської промисловости було-б припускати ближче, десть на Лівобережжі небезпечних чужоземних конкурентів. З другого боку, після Віденського конгресу одеський транзит і Правобережна Україна перебувають у вельми складнім і цікавім стані правнім. Тут безперечно створюється як-найсприятливіші умови задля експансії німецького капіталізму. Отож і треба було, як колись 1804 року, дозволити вільну конкуренцію європейських хижаків на терені Одеси. Це й визначило долю Одеси. Питання було розв'язано еше р. 1816⁵⁾. Департамент Економії Державної Ради, що розглянув подання міністра скарбу, „не остановился сделать решительного заключения своего... о учреждении в Одессе порто-франко“⁶⁾. Указ 16/IV 1817 року, „усматривая из опытов многих лет, какую удобность представляет порт Одесский к отпуску всякого рода произведений, коими изобилуют полуденные области Империи... и желая доставить новые способы и облегчения к распространению внешней торговли и к обогащению Государства поощрением промышленности“,— надавав „порту и городу Одессе права и свободу торговли, присвоенные порто-франко“, терміном на 30 років⁷⁾. Проте здійснено було це не одразу. Звичайно, складні технічні справи (утворення митної лінії, заведення двох митниць—Херсонсь-

¹⁾ Сборник Русского Исторического Общества, т. LIV, ст. 409—410, 413—421; Скальковський, Первое тридцатилетие, 232. Рішельє й пізніше, перебуваючи вже у Франції, вельми цікавився цією справою (див. Сб. РИО, LIV, 494—495, 496, 502, 503, 504, 508, 521, 526).

²⁾ Архив Госуд. Сов., т. IV, ч. 2, ст. 1324; Скальковський, Первое тридцатилетие, 232—233.

³⁾ Напр., цікавий проєкт статського совітника В. Гурьєва 1817 р. (Сборник исторических материалов, I, 284—292).

⁴⁾ Була думка перетворити на порто-франко, опріч Одеси, ще й Феодосію (див. Сб. РИО., LIV, 409—410) або Керчь (див. Сб. истор. матер., I, 286), або-ж поширити цю систему на все російське узбережжя Чорного моря (Скальковський, Первое тридцатилетие, 233). Немає сумніву, що тут російський торговельний капітал намагався послабити вигоди порто-франко в Одесі для України й собі як-мога більше скористати з такої системи.

⁵⁾ Див. Сб. РИО, LIV, 494, 496.

⁶⁾ Архив Государственного Совета, т. IV, ч. 2, ст. 1324.

⁷⁾ І ПСЗ, т. XXXIV, № 26792. Див. Скальковський, Перв. тридцат, 233—234; Семенов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, ч. II (СПБ, 1859), ст. 144—145. З контексту можна припустити, що порто-франко мали поширити на всеньке Чорноморське надбережжя.

кої на Пересипі й Тираспільської на Молдаванці; то-що)¹⁾ загальмували це. Але мабуть були й інші перешкоди, адже-ж роботи (коштом міста) розпочалися були аж у лютому 1818 року²⁾. Немає сумніву, що в Одеського порто-франко знайшлося чимало ворогів, які мали вплив на економічну політику Імперії. Неодмінний оборонець Одеси Рішельє писав р. 1818 до Олександра I: „Тепер мушу дати відповідь на зауваження, скеровані проти Одеського порто-франко. Запевняють, що, виключаючи місто з митної лінії, утруднено буде довіз руських продуктів і посилка їх закордон. Проте, очевидно, ці труднощі — суто формальні; їх легко позбутися, і тому вони не можуть заступити безмежних вигод, на які неминуче здобудеться порт, одкритий вільній торгівлі Європи й Азії. Місто зовсім не перестане бути руським; митниця існуватиме лише для чужоземних товарів, яких одсилають до внутрішніх провінцій Росії, а зовсім не для місцевих продуктів... Безперечно, з часом видко буде, що те, що лякає сьогодні, є лиш марна хімера“³⁾.

Порто-франко відкрито було допіру восени р. 1819⁴⁾. Довжину митної лінії визначено було спочатку на 24 верстви навкруги. Це, звичайно, ускладняло боротьбу з контрабандою. Місцева адміністрація подала кілька проєктів, щоб усунути цю небезпеку. Треба було або полегшити митний догляд, або-ж обмежити територію порто-франко, тоб-то наблизити його лінію до міста. Тоді виникла думка виключити місто Одесу з лінії порто-франко, надаючи цих прав лише якомусь окремому кварталові⁵⁾. Це, на думку адміністрації, „послужить может единственным средством к устранению всех затруднений, стесняющих ныне жителей и к охранению от беспощадного привоза иностранных товаров во внутренние города России, угрожающего ущербом пошлинных сборов, подрывом собственной промышленности и возникающих наших фабрик“⁶⁾. Уряд, що відразу поставився до порто-франко недоброзичливо, вдало використав оці турботи й побоювання місцевої адміністрації, щоб поступовно обмежити права порто-франко.

Правила 1/VI р. 1821 стверджували цей проєкт⁷⁾. Окремий Комітет в Одесі й далі вивчав це питання⁸⁾. Допіру указ 9/VI р. 1822

¹⁾ Скальковський, *op. cit.*, 234.

²⁾ *Ibid.* Місто витратило на це понад 300 тис. карб. (*ibid.*, 239).

³⁾ Див. Сб. РИО, LIV, 526.

⁴⁾ Скальковський, *Первое тридцат.*, 239. У червні р. 1819 закінчено було влаштування митної лінії. Указ 4/VII і обіжник 16/VIII остаточно фіксували початок порто-франко (*ibid.*) Див. *Вестник Русского Географического Общества*, 1857, ч. XXI, відд. 2, ст. 256—257.

⁵⁾ Скальковський, 245—246; Неболсін, *Статистические Записки о внешней торговле России*, II (СПБ., 1835), ст. 56—59.

⁶⁾ Неболсін, II, 58—59.

⁷⁾ I ПСЗ, т. XXXVII, № 28633. Див. Скальковський, 246; Неболсін, II, 59.

⁸⁾ Скальковський, 246—247.

точно визначав досить таки вузькі межі порто-франко¹⁾. Кордон порто-франко встановлений був такою мірою, що виключено було з тієї смуги передмістя Пересип і Молдаванку. Це згодом спричинилося до багатьох труднощів²⁾. Трохи пізніше (р. 1826) було той кордон поширено, але Одесу все-ж було одрізано від найближчого району³⁾. Указ 9/VI р. 1822, безперечно в звязку з запровадженням нової митної системи, встановив був мито з довозних товарів розміром $\frac{1}{5}$ частини загального; відповідні суми мали йти на користь міста Одеси⁴⁾. Це „на время остановило торговые обороты Одессы“⁵⁾. Проте, уряд і далі заходиться коло обмеження порто-франко. „Одесса, главнейший из черноморских портов—писав у своєму звідомленні за 1824—1826 роки директор Департаменту Зовнішньої Торговлі,—при значительном населении, ежегодно возрастающем, открыто принимает беспощинно произведения всех частей света, не имея желаемых удобств передавать их соседям своим без нарушения пользы государственных“⁶⁾. Через одеське порто-франко, „фабрики, наши не имеют еще достаточного охранения“⁷⁾. Щоб полегшити російський торг, заведено було р. 1828 митницю в Тирасполі⁸⁾.

Новий похід проти порто-франко було знято за 30-х років. „Министр финансов (гр. Канкрин) — писав одеський градоначальник Льовшін 21/XII р. 1831 своєму шефові гр. Воронцову — добирается до нашего порто-франко и недавно сделал нам некоторые вопросы, кои очень испугали некоторых жителей“⁹⁾. 22/II р. 1832 Льовшін сповіщав Воронцова про те, що „министр финансов вторично об'явил себя против порто-франко и начал переписку об уничтожении

1) І ПСЗ, т. XXXVIII, № 29068. Див. Скальковський, 247—248; Неболсін, II, 59—60; Кайданов, Систематический каталог делам Департамента Внешней Торговли (СПБ, 1877), ст. 11—12., 322—323.

2) Скальковський, 247; Неболсін, II, 60—61.

3) Неболсін, II, 61. Див. Кайданов, Систематический каталог делам Сибирского Приказа... и других учреждений по части промышленности и торговли (СПБ, 1888), ст. 150.

4) Скальковський, 247. На користь міста Одеси надійшло з митних прибутків (в тис. карбас.):

Роки	Роки
1822 — 394,4	1827 — 966,2
1823 — 637,8	1828 — 719,6
1824 — 818,5	1829 — 708,3
1825 — 666,8	1830 — 1217,8
1826 — 797,2	1831 — 1037,4

Р. 1832 — 1018,7.

(Коммерческая Газета, 1833, № 25).

5) Архив кн. Воронцова, XXXIX, 38.

6) „Отчет по управлению Департаментом Внешней Торговли с I-VII 1824 по I-VII 1826“ (рукопис бібліотеки Бібікова — № 707 — в бібліотеці Київського Університету), ст. 9.

7) Ibid, 17

8) Неболсін, II, 63—64.

9) Архив кн. Воронцова, XXXIX, 29.

оного“¹⁾. Позиція одеської адміністрації була досить невиразна²⁾. І тут була певна боротьба різних груп серед адміністрації. Зате на боці оборонців порто-франко були великі земельні власники—й серед них найвищий представник адміністрації Південної України—гр. Воронцов. Комерційна Рада в Одесі теж не мала одностайної думки що-до порто-франко³⁾. Проте, коли міністерство скарбу збільшило тиск,—і Комерційна Рада й найупливовіші кола адміністрації стали на захист порто-франко. „Порто-франко—писав Льовшін, колишній ворог його—не только нам полезно, но и необходимо для благосостояния города“⁴⁾. Комерційна Рада, відповідаючи на запитання міністерства скарбу, констатувала, що „Одесское порто-франко имеет самое благотворное действие на внешнюю торговлю, содейывая Одессу складочным местом всех иностранных произведений“. Порто-франко сприяло нагромадженню капіталу в Одесі, збільшувало торговельний обіг в інтересах як імпорту, так і експорту, поширювало одеський ринок (економічний і фінансовий вплив міста на територію), зміцнювало закордонну торговлю України. Завдяки порто-франко, зростають банкові й комісійні операції, полегшується кредит, здешевлюється транспорт, транзит поширюється, то-що. Найголовніше, що порто-франко має велике значіння для розвитку українського хлібного експорту. Звичайно, одеські комерційні кола дивилися на це своїми очима. „Последствием соединения городских капиталов с иностранными было то, что мы в короткое время получили здесь постоянную возможность покупать во всякое время все привозимые сюда из внутренней России произведения хлебопашества и разных отраслей промышленности, чем весьма много поощряется земледелие Херсонской и соседственных с нею губерний“. В умовах перманентної аграрної „кризи“ купецьке посередництво в хлібній торгівлі—то було Ельдорадо для торговельного капіталу, а разом із тим єдиний вихід для панського господарства. Одеські негодіанти згадували за 1819 рік, коли „быстрый упадок цен на пшеницу... во всей южной Европе ввергнул одесскую торговлю в великую опасность“. Цьому запобігло те, що пшеницю було обмінено на чужоземні товари, яких, через порто-франко, можна було довести безмитно. Так само й за 20-х років порто-франко сприяло поширенню експорту пшениці. Нарешті, порто-франко спричинилося до зросту Одеси, як промислового й культурного центру. Заробітна платня через це збільшується. Реальний заробіток тут вищий, ніж в Англії або в будь-якій іншій європейській країні. Взагалі „благосостояние города нашего ежедневно возрастает, народонаселение быстро умножается, торговые обороты увеличиваются, в отвозной торговле ежедневно появляются новые отечественные произведения, которых

1) Ibid., 30.

2) Див. „Одесса 1794—1894“, 191-192; Арх. Воронцова, XXXIX, 30—31.

3) Арх. Воронцова, XXXIX, 30.

4) Ibid., 31.

прежде отсюда не вывозили и донныне не вывозят из других черноморских портов“ (приміром, сало, шкіра, вовна, віск). Та порто-франко має „весьма благотворное влияние“ на промисловість не тільки Південної України, але й деяких „отдаленных губерний“. Вороги порто-франко доводили, що воно з своїми двома митними кордонами утруднює довіз чужоземних товарів до Імперії (казали, що купці, навіть з найближчих міст, воліли виписувати товари з Ріги й Петербургу); заважає розвиткові фабричної промисловости в Одесі й на околиці; унеможлиблює довіз до Одеси російських (і взагалі імперських) виробів для місцевого вжитку й позбавляє Одесу змоги бути за склад тих російських товарів, які могли-б знайти збут у Південній Україні; сприяє контрабанді; нарешті, мовляв, на цьому багато втрачує казна. Взагалі, казали вони, порто-франко відрізує Одесу від Імперії. Комерційна Рада заперечувала ці закиди й побоювання: „Сии неудобства не так велики, как некоторые полагают“, а „таможенные формы здесь ничуть не сложнее тех, которые существуют на других границах Империи“. Причини більших звязків купецтва з балтійськими портами глибші та складніші й не залежать від Одеського порто-франко. Для розвитку фабричної промисловости в Одесі бракує природніх умов (дорожнеча робочих рук і палива (лісу), відсутність води, брак вільних капіталів); можуть існувати тут „мануфактурные заведения только в малом виде для изделий, выносящих большие расходы“. Що-до конкуренції російських і закордонних виробів, то тут Комерційна Рада ущипливо завважувала, що „из российских изделий вытесняются здесь иностранными только те, которые не доведены до необходимой степени совершенства и притом столь дороги, что не уступают заграничным“. Що-ж до контрабанди,— одеські комерсанти пропонували більш обмежити безмитний вивіз товарів (через подорожніх) з Одеси до Імперії, замість того, щоб ламати права порто-франко. Тут вони висловили дещо приємне на адресу „правительства“. Місто Одеса—писали вони—„по новости своей не может еще существовать без отеческого попечения о нем правительства, к великодушию которого жители его привыкли простирать руки, возсылая благодарения за блага, которыми они под сению его пользуются“. Про всякий випадок одеські неогоціанти хтіли трохи налякати уряд. Насамперед, ліквідація порто-франко загрожує Імперії... контрабандою та чумою. Далі, це неминуче зменшило-б довіз закордонних товарів, а через це й вивіз місцевих („російських“) продуктів; окрім того, це шкідливо відбилос-я-б на добробуті міста й мешканців, надто-ж „нисших классов жителей“, а найбільше далос-я-б в знаки купцям чужоземним і тим, що провадять закордонний торг, що, в свою чергу, „отозвется в иностранных портах и нанесет убийственный удар кредиту нашему“. А всі оці „частные потери повлекут за собою и убытки казны“. Комерційна Рада, хоч як запевняла вона, що „с покорностию перенесем мы все, что правительству угодно будет сделать“, все-ж нагадувала про

обіцянку урядову додержувати порто-франко протягом 30 років. За кордоном Імперії Російської цей останній мотив був цілком реальний ¹⁾. На цей раз Одесі пощастило. Вже на весні р. 1832 довідалися там, що порто-франко буде залишено, бо цар ніби-то сказав, що не хоче „отменять слова, данного императором Александром всей Европе“ ²⁾. Проте, скоро розпочався новий наступ. Р. р. 1833—1834 в „Коммерческой Газете“, органі російських торговельно-промислових кіл і міністерства скарбу, розпочинається полеміка, яка в головному повторювала попередні дискусії в цій справі ³⁾. Редактор „Коммерческой Газеты“, відомий російський економіст того часу Неболсін сформулював був російську урядову й громадську думку про це. Вона була не на користь порто-франко. Неболсін тут виступав, як апологет російського капіталізму. „Местоположение сего города и отношения оногo к России — писав він — всегда представляли затруднения удерживать в оном порто-франко на нынешних основаниях, сообразно выгодам отечественной промышленности, для коих Одесса обещает столько способов, будучи средоточием торговли всего Новороссийского края“. „Порто-франко—продовжував він—стесняет торговые сношения Одессы с внутренними местами Империи“; найбільш дошкуляло те, що „контрабанда, производимая из Одессы во внутрь Империи уменьшает потребление русских мануфактурных товаров в Южной России“ ⁴⁾. „Должно применять части государства к целому, а не целое государство к частям оногo“ ⁵⁾,—ця думка мало не цілком усувала відомі вже доводи оборонців порто-франко, що саме на інтереси „часті“ й покликалися. Знайти спільну мову, очевидно, було неможливо.

В цій полеміці, в цій боротьбі двох поглядів, власне, суперечливих інтересів, обидві сторони були по своєму праві. Оборонці порто-франко — одеські негоціанти чудово розуміли, що порто-франко в Одесі було сіллю в оці російського капіталізму. І доводи своїх опонентів вони намагалися або обминути, або-ж принаймні послабити, здебільшого посилаючися на очевидні вигоди від порто-франко для Одеси й апелюючи до загально-імперських симпатій своїх супротивників. З свого боку, вороги порто-франко дуже обережно й мимохіть тії вигоди зневажали. Вороги порто-франко йшли далі: вони не від того були навіть, щоб не посумувати над лихою долею південно-української промисловости, знаючи, що цим вони забивали клин межі двох груп українського капіталу. Але вони—тії вороги порто-франко—ще краще відчували, що своя сорочка ближче до тіла, й точно вираховували збитки казни, а ще

¹⁾ Арх. Воронцова, XXXIX, 33—49. Див. Коммерческая Газета, 1833, №№ 25, 44, 74; Неболсін, II, 64—76. Розбивка скрізь наша.

²⁾ Архив Воронцова. XXXIX, 53—54.

³⁾ Коммерч. Газ., 1833, №№ 25, 44, 74; 1834, № 51.

⁴⁾ Неболсін, II, 64—76.

⁵⁾ Коммерч. Газ., 1833, № 44.

„точніше“ втрати російських, насамперед московських фабрикантів на південно-українському ринкові. Нарешті, дець глибше ховалися й політичні міркування: адже-ж через порто франко, Одеса, тая „перлина корони російської“, наче-б-то за кордоном опинилася й перетворилася геть-чисто на французьке або взагалі західно-європейське місто. І той аргумент, що його звичайно висували вкінці, був принаймні щиріший: інтереси української „частки“ мусіли поступитися інтересам московського „цілого“.

Ставлення до порто-франко в українських господарчих колах було складне. Досить згадати, що певні сумніви висловлювалося навіть серед одеського купецтва, що найближче заінтересовано було в цій торгівлі. Звичайно, тут подекуди позиція західно-європейського француза могла загрожувати французові одеському. Траплялося-ж адміністрації доводити про вигідність порто-франко одеському купецтву ¹⁾. Проте, безумовно більшість його була на боці порто-франко. Бо, справді, порто-франко в Одесі, в зв'язку з відповідною сільсько-господарською кон'юктурою на Північній і Центральній Україні й економічною політикою російського уряду, давало одеським неогоціантам великі зиски. Мабуть, головне тут була контрабанда. Зате українські промисловці, певне, були иншої думки. Один приклад яскраво засвідчить нам про це. Як відомо, дозволено було довозити чужоземного рафінаду до Одеського порто-франко. Цей довіз хутко зростає. Що-року (пересічно) довозилося рафінаду (в тис. пуд.) ²⁾:

П'ятиріччя.	
1827—31	15,8
1832—36	25,3
1837—41	46,4
1842—46	64,9

Отже, за двадцять років той довіз зростає більш, як у-четверо. Коли згадати, що довозний рафінад коштував в Одесі на 20%—30% дешевше за український і російський,—ясно, що значна частина його контрабандою поширювалася на Південній Україні ³⁾. Мабуть російська цукрова промисловість (петербурзькі заводи рафінадні) не великої шкоди від цього зазнавала. Проте, українські рафінери цілковиту рацію мали ремствувати на адресу імперського уряду та своїх російських колег. Бо український цукор скорше просувається

¹⁾ Див. Арх. Воронцова, XXXIX, 30—31.

²⁾ Неболсін, Статистическое обозрение внешней торговли России, ч I (СПБ, 1850), ст. 331—332. Див. К. Г. В о б л и й, Нариси з історії російсько-української цукро-буякової промисловости, т. I, вип. 2 (Київ, 1928), ст. 73, пр. 2. Р. 1851 доведено було рафінаду 73202 п. (ibid., 185). Докладніше про це в нашій праці „Кріпацька фабрика“ (друк.).

³⁾ За обчисленнями Неболсіна, в кінці 40-х років пуд українського рафінаду в Одесі коштував пересічно 9 крб.; російського (петербурзького)—10 крб.; закордонного 7 крб. (Неболсін, op. cit., I, 332, прим.).

до Росії, ніж опановує становище на південно-українському ринкові ¹⁾. Не дарма-ж на Південній Україні (що правда, тут велику роль відігравали й природні умови) цукрова промисловість не розвинулася, хоча спроби були—і то чи не найдавніші ²⁾. Та промислова буржуазія не панувала на Південній Україні. Зате український (особливо південний) дідич—а з ним уряд мусів рахуватися—мав право гадати, що порто-франко—річ взагалі не погана, бо дешево міг дістати в Одесі або з Одеси усе потрібне йому, і то доброго закордонного ґатунку,—ще й усі принади та розваги Західньої Європи. А що на Південній Україні він був плантатор, а не промисловець, мало не всі тут були задоволені з того порто-франко.

Та ні одностайний наступ з боку російського капіталу, ні вперта оборона з боку українського—аж до середини століття не могли вирішити долю порто-франко; його навіть не було обмежено. Бо справа була значно складніша. Питання про одеське порто-франко розв'язувалося в масштабі міжнародньої економічної боротьби на сході Європи, зокрема на Україні. Заведення порто-франко в Одесі безперечно було відгуком віденського фритредерства й зв'язано було з одеським транзитом ³⁾. З 1822 року починаючи, порто-франко—то була тільки маленька кватирка в величезному мурі заборончої системи. Звичайно, вельми вабило закрити й це. Та в той же час російський уряд конче мусів був зважати на певні інтереси й вимоги з боку Західньої й Центральної Європи. Це була сила, що спонукала російський уряд бодай до невеличких поступок. Але порто-франко було ще за класичного мавра, який робив своє діло. Воно бо створювало серйозну противагу німецькій, а згодом і польській промисловій експанзії на Україні (Правобережній) й на Чорноморщині, а між иншим певною мірою гальмувало розвій української промисловости. Порто-франко наче-б-то сприяло, але по суті було шкідливе для транзиту. Хоч транзитні товари в Одесі вважалося вже поза межами країни, зате умови конкуренції для них були досить важкі. Адже-ж р. 1831 констатували, що „транзитная торговля из Брод через Радзивилов в порто-франко г. Одессы для здешнего потребления уменьшается, ибо некоторые из здешних домов начинают получать большую часть мануфактурных товаров средней доброты морем с английских фабрик, вместо привозимых прежде венских и

¹⁾ Після знесення порто-франко довіз українського рафінаду до Одеси швидко зростає:

Роки	(В тис. пуд.)
1858	40,0
1859	85,0
1860	100,0
1861	112,5

(Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России, т. I—СІІБ, 1862, — додатки, ст. 78).

²⁾ Про це спеціально в нашій праці „Кріпацька фабрика“.

³⁾ Оглоблін, Транзитний торг України, ст. 38 і далі.

вообще немецких товаров“¹⁾. Оці складні, суперечливі або й протилежні інтереси керували політикою російського уряду що-до порто-франко. Хай російські промисловці й їхні ідеологи з піною коло рота галасували, вимагаючи негайно понижити тее порто-франко, уряд дивився далі й не квапився пристати на ці вимоги. Треба було поставити нові рогатки (напр., одеський ярмарок, що його запроваджено було р. 1835)²⁾ й максимально використати для Росії порто-франко, принагідно трохи звужуючи його рамці. Отож воно, не зважаючи на вороже ставлення з боку міністерства скарбу³⁾, вижило. 13/VI р. 1849 його права було продовжено на 5 років, але з умовою, щоб побирати $\frac{2}{5}$ загального мита, з яких половина, себ-то $\frac{1}{5}$ всього мита, йшла відтоді на користь держави⁴⁾. Р. 1854 міністерство скарбу проєктувало припинити чинність порто-франко. Воно покликалося головне на те, що поширилося місцеве (російське) виробництво, що купці вже не заінтересовані в цих пільгах, бо „большая часть из них (купців) вошла уже с внутренними рынками в сношения“, то-що. Але-ж Комерційна Рада Одеська висловилася проти скасування⁵⁾. Відомому оборонцеві інтересів південно-українського господарства Скальковському ще р. 1857 доводилося обороняти ідею порто-франко в Одесі від „московских фабрикантов и их нахлебников“⁶⁾. 9/VII р. 1854 порто-франко продовжено було ще на 3 роки⁷⁾. Скасовано було порто-франко 15/VIII р. 1857 (указ 4/VI 1857)⁸⁾, але остаточно припинено його було 19 квітня 1859 року⁹⁾, чи не в звязку з новим фритредерського типу тарифом. Після Кримської катастрофи інтереси західно-європейського капіталу на Південній Україні було вельми упривилеювано¹⁰⁾. Російському „господареві“ доводилося вже дорожитися хоча-б на дрібницях, щоб не перепустити їх до рук переможного „гостя“.

Проф. О. Оглоблін.

¹⁾ Комм. Газ., 1831, № 40.

²⁾ Неболсін, Стат. записки, II, 66—68; Оглоблін, Предкапиталистическая фабрика (Київ, 1925), 43.

³⁾ Див. Архив Воронцова, XXXVIII, 403—405. Чимало важило й те, що в Галаці було порто-франко (*ibid.*, 405).

⁴⁾ II ПСЗ, т. XXIV¹, № 23310. Див. Семьонов, II, 243.

⁵⁾ М. Є. Слабченко, Матеріяли до економічно-соціальної історії України XIX ст., I (Одеса, 1925), ст. 245.

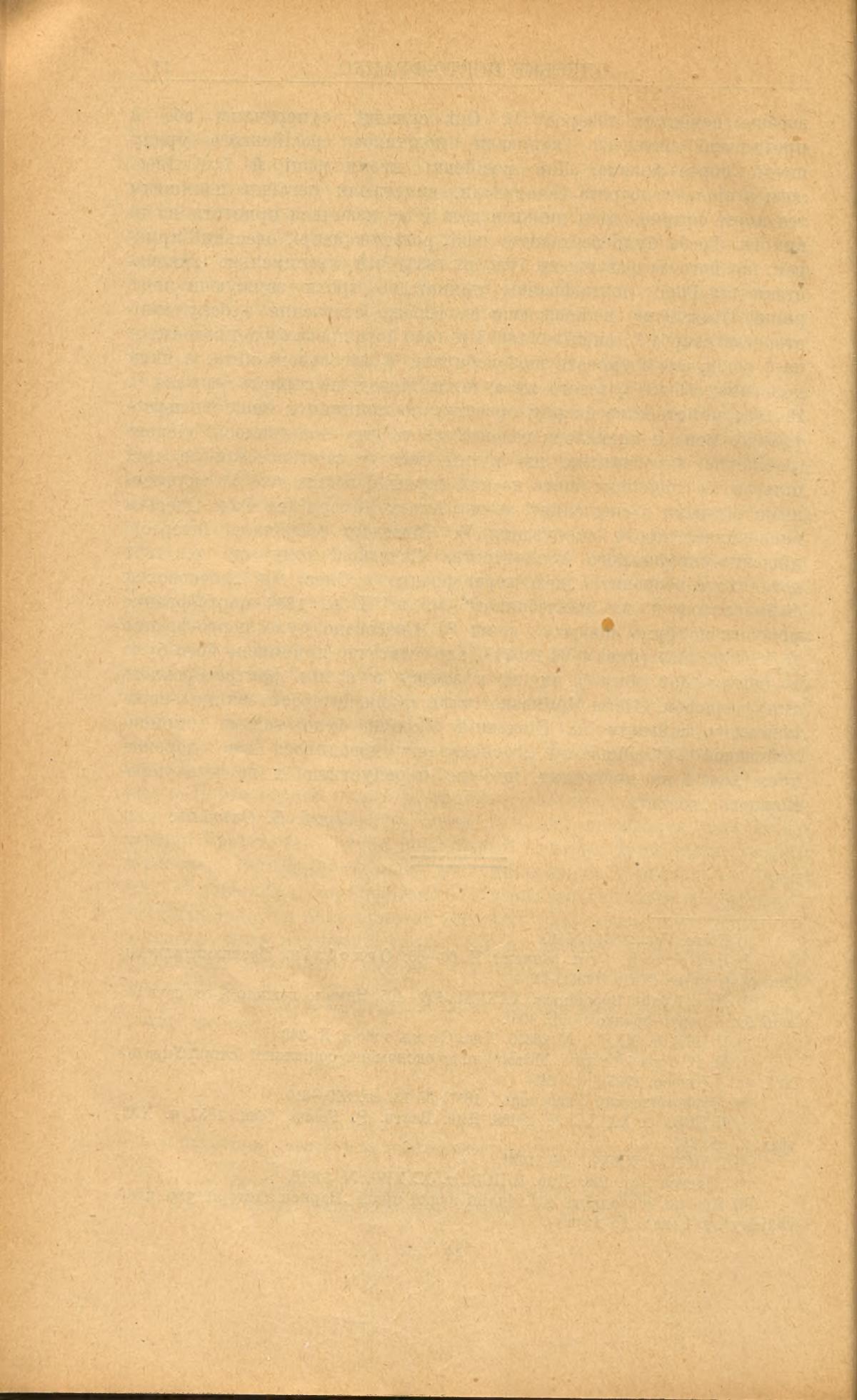
⁶⁾ „Экономический Указатель“, 1857, № 13, ст. 309—310.

⁷⁾ II ПСЗ, т. XXIX¹, № 28408. Див. Вестн. Р. Геогр. Общ., 1857, ч. XXI, відд. 2, ст. 256.

⁸⁾ II ПСЗ, т. XXXII¹, № 31923.

⁹⁾ „Одесса“, ст. 196. Див. II ПСЗ., т. XXXIV¹, № 34316.

¹⁰⁾ Про це докладніше в I відділі нашої праці „Нариси з історії укр. капіталізму“, т. I (лад. до друку).

К вопросу о диспропорции экономических показателей и объемов окружных бюджетов Украины *)

Для анализа окружных бюджетов особое значение играет экономическое место того или иного округа в цепи прочих округов. Объем бюджета—есть величина зависимая или функция экономики округа, а потому гармония между экономической мощностью и объемом бюджета всегда является лучшим показателем правильной финансовой политики. Объемы окружных бюджетов нам всегда известны как в проектах, так и в исполнении, гораздо сложнее обстоит дело с определением экономической мощности округа. Главными факторами в этой области являются: 1) экономика сельского хозяйства округа, 2) экономика промышленности округа, 3) экономика торговли округа, 4) состояние коммунальных предприятий и вообще городского хозяйства округа, а дополнительными пути сообщения, недра (для меньшинства округов) и т. п.

Наркомфин У.С.С.Р. распределяя округа Украины пользуется тремя признаками:

1) Естественно-экономическими признаками (богатство недр, высокая землеобеспеченность, сосредоточие торговли и промышленности, развитие и значение путей сообщения, интенсивность сельского хозяйства и т. д.).

2) Географическим положением округов, определяющим в условиях жизни У.С.С.Р. и экономическое состояние округа (пограничная полоса).

3) Группированием округов по ряду показателей путем сравнения их со средними величинами по Республике¹⁾.

В настоящей статье мы коснемся только третьего метода определения мощности округов по признаку искусственных экономических показателей, т. к., сам по себе, этот способ определения экономической мощности является наиболее заманчивым, как с точки зрения своей внешней объективности, так и цифровой точности.

Содержание этого метода заключается в следующем: „устанавливается средняя многолетняя сумма валовой продукции, для всей У.С.С.Р. и для каждого отдельного округа и определяется процентное отношение размера валовой продукции, падающего на одного жителя округа к среднему—падающему на одного жителя У.С.С.Р. Число $\frac{0}{0}$ будет одним из слагаемых²⁾.

*) Статья, що її тут надруковано, є посмертна праця викладача КІНГ'у—М. В. Масленікова, який передчасно вмер 12 липня 1928 р. *Ред.*

1) „Местный бюджет Украины“ Н.К.Ф. У.С.С.Р. 1926 г. стр. 2.

2) Ibid. стр. 7.

Так, например:

1) Средняя многолетняя продукция У.С.С.Р. на 1 жителя — 52,1 пуда, а на 1 жителя Винницкого округа — 46,7 пуда, т. е. процентное отношение будет $= 46,7 : 52,1 = 89,5$.

2) Средняя прямых налогов за 3 года по У.С.С.Р. на 1 жителя 1 р. 98 к., а по Винницкому округу 1 р. 09 к., т. е. отношение $1,09 : 1,98 = 55,1$.

3) Средняя по торговым оборотам:

На 1 жителя	У.С.С.Р.	19 р. 25 к.
„	„	Винницк. округа 9 р. 31 к., т. е.
			$9,31 : 19,25 = 47,0$

4) Средняя по промышленным оборотам:

На 1 жителя	У.С.С.Р.	4 р. 84 к.
„	„	Винницкого округа 1 р. 57 к.
			$1,57 : 4,84 = 32,5$

5) Средняя по собственным доходам местн. бюджета:

На 1 жителя	У.С.С.Р.	7 р. 95 к.
„	„	Винницкого округа 4 р. 81 к.
			$4,81 : 7,95 = 60,5$

6) Средняя плотность населения:

По У.С.С.Р.	74,2 ч.
По Винницкому округу	111,2 ч.
		$111,2 : 74,2 = 149,9$

7) Средняя землеобеспеченность одного хозяйства¹⁾:

По У.С.С.Р.	5,5 дес.
По Винницкому округу	3,1 дес.
		$3,1 : 5,5 = 56,4$

Из вычисленных выше коэффициентов получаем таблицу:

а)	Коэффициент продукции с. хоз.	89,5
б)	„ прямых налогов	55,1
в)	„ торговых оборотов	47,0
г)	„ промышл. оборотов	32,5
д)	„ собственных доходов	60,5
е)	„ плотности населения	149,9
ж)	„ землеобеспеченности	56,4

Итого . 490,9, т. е.

мощность Винницкого округа определяется экономическим коэффициентом в 490,9.

Исчислив таким способом коэффициенты мощности всех округов У.С.С.Р. и приняв наиболее мощный Харьковский округ за 100% получаем нижеприведенную таблицу, исчисленную Н.К.-Ф. У.С.С.Р.

¹⁾ „Местн. Бюдж. Укр.“ стр. 7.

Таблица распределения округов Украины по признаку экономических коэффициентов.

№.№ ко- эффици- ентов	№.№ в пре- делах группы	Название округов	Эконом. коэффциц.	% числа
Вне группы.				
1	1	Харьковский	1.627,6	100
2	2	Киевский	1.531,6	94,1
3	3	Одесский	1.527,2	93,8
1-я группа. Мощные округа.				
4	1	Екатеринославский	1.268,5	78,0
5	2	Сталинский	1.044,4	64,2
6	3	Луганский	1.027,4	63,1
7	4	Артемовский	1,018,9	62,6
8	5	Николаевский	880,7	54,1
9	6	Мариупольский	820,1	50,4
2-я группа. Средняя мощность.				
10	1	Мелитопольский	796,3	48,9
11	2	Херсонский	779,5	47,9
12	3	Павлоградский	768,2	47,2
13	4	Запорожский	697,2	42,9
14	5	Бердичевский	649,5	39,9
15	6	Полтавский	645,1	39,6
16	7	Зиновьевский	631,5	38,8
17	8	Кременчугский	615,1	37,8
18	9	Белоцерковский	602,5	37,0
19	10	Криворожский	594,9	36,6
20	11	Прилукский	562,9	34,6
21	12	Сумской	559,6	34,4
22	13	Роменский	539,3	34,2
23	14	Черкасский	529,7	32,5
24	15	А. М. С. С. Р.	521,7	32,1
25	16	Уманский	518,7	31,9
26	17	Лубенский	512,6	31,5
3-я группа. Маломощные.				
27	1	Проскуровский	503,7	31,0
28	2	Первомайский	498,5	30,6
29	3	Нежинский	493,2	30,3

№№ ко- эффи- ентов	№№ в преде- лах группы	Название округов	Эконом. коэффиц.	% числа
30	4	Винницкий	490,9	30,1
31	5	Волынский	489,1	30,0
32	6	Старобельский	480,8	29,5
33	7	Изюмский	457,4	28,1
34	8	Купянский	444,7	27,3
35	9	Шепетовский	430,8	26,4
36	10	Черниговский	427,5	25,3
37	11	Каменецкий	427,1	25,2
38	12	Тулъчинский	420,1	24,8
39	13	Глуховский	420,0	24,7
40	14	Конотопский	417,6	24,6
41	15	Могилевский	407,9	24,9
42	16	Коростенский	345,2	20,2

Имея таблицу искусственных экономических показателей для всех округов У.С.С.Р., для выявления гармонии между этими показателями и объемами окружных бюджетов мы ниже приводим таблицу объемов бюджетов, расположенных в точной последовательности экономических коэффициентов, согласно таблицы № 1:

Таблица объемов доходных и расходных частей бюджетов округов Украины, расположенных в порядке экономических коэффициентов.

№№ ко- эффи- ентов	Название округов	Соб. доходы	Расходы
1	Харьковский	46.000.000	56.000.000
2	Киевский	32 058.992	33 903.972
3	Одесский	18.041.072	18.579.517
4	Екатеринославский	11.968.736	12.985.689
5	Сталинский	4.318.952	5.519.090
6	Луганский	4.726.402	6.156.231
7	Артемовский	7.172.185	7.545.235
8	Николаевский	4.549.061	4.699.811
9	Мариупольский	3.870.395	4.576.925
10	Мелитопольский	4.170.231	4.226.251
11	Херсонский	2.537.220	2.980.579

№№ коэффици- ентов	Название округов	Соб. доходы	Расходы
12	Павлоградский	2 657.078	2.735.905
13	Запорожский	3.502.664	3.589.186
14	Бердичевский	2.713.762	3.235.683
15	Полтавский	5.548.817	6.622.248
16	Зиновьевский	4.320.462	4.559.462
17	Кременчугский	4 041.911	4.319.785
18	Белоцерковский	3.287.943	3.468.519
19	Криворожский	2.859.693	3.135.323
20	Прилукский	2 097.395	2.574.542
21	Сумской	4.028.563	4.093.922
22	Роменский	1.898.022	2 348.677
23	Черкасский	4.289.159	4.406.594
24	А. М. С. С. Р.	1.238.465	2.394.665
25	Уманский	3.083.290	3 354.497
26	Лубенский	1.974.678	2.519.433
27	Проскуровский	1.645.879	2.657.191
28	Первомайский	2.356.306	2.613.837
29	Нежинский	1 574.260	2.615.581
30	Винницкий	3.619.951	4.824.518
31	Волынский	3 363.179	4 597.424
32	Старобельский	924.096	2 141.425
33	Изюмский	1.430.626	2.091.632
34	Купянский	1.328.164	2.037.075
35	Шепетовский	1.940.777	2.699.607
36	Черниговский	1 889.701	3.353.287
37	Каменецкий	1.562.232	2.873.490
38	Тульчинский	1 876.750	2.775.404
39	Глуховский	1.451.529	2.281.453
40	Конотопский	1.498.178	2.394.778
41	Могилевский	1.122.689	2.480.209
42	Коростенский	1.082.381	2.316.320

При внимательном сравнении таблицы № 1 и № 2 мы обнаруживаем целый ряд несоответствий между местом округа в ряду экономических показателей и местом в ряду объемов окружных бюджетов.

Особенно резко эта диспропорция бросается в глаза по следующим округам: 1) Полтавский округ по коэффициенту экономической мощности занимает № 15, а по объему бюджета № 6. 2) Зиновьевский округ по коэффициенту мощности № 16, а по объему бюджета № 10. 3) Черкасский округ по коэффициенту мощности № 23, а по объему бюджета № 11. 4) Сумский округ по коэффициенту № 21, а по объему бюджета № 14. 5) Мариупольский округ по коэффициенту № 9, а по объему бюджета № 15. 6) Винницкий округ по коэффициенту № 30, а по объему бюджета № 16. 7) Волынский округ по коэффициенту № 31, а по объему бюджета № 18. 8) Бердичевский округ по коэффициенту № 14, а по объему бюджета № 22. 9) Херсонский по коэффициенту № 11, а по бюджету № 24. 10) Роменский по коэффициенту № 22, а по бюджету № 29. 14) А. М. С. С. Р. по коэффициенту № 24, а по объему бюджета № 39. Мною приведены здесь наиболее резкие отклонения, а более подробно можно с ними ознакомиться из приведенной ниже таблицы № 3, которая построена по признаку убывающих объемов окружных бюджетов, а экономический коэффициент проставлен в графе № 2, тогда как №№ бюджетов приведены в графе № 1,

Таблица № 3 объемов доходных и расходных частей бюджетов округов Украины в порядке убывания доходных частей.

№ № бюдж.	№ № экон. коэф.	Название округа	Соб. доход	Расход
1	1	Харьковский	46.000.000	56.000.000
2	2	Еиевский	32 058 992	33.903 972
3	3	Одесский	18.041.072	18.579.517
4	4	Екатеринославский	11.968.736	12.985.689
5	7	Артемовский	7.172.185	7.545.235
6	15	Полтавский	5.548.817	6.622.248
7	5	Сталинский	4 918 952	5.519.090
8	6	Луганский	4 726.402	6.156.231
9	8	Николаевский	4.549.061	4.699.811
10	16	Зиновьевский	4 320.462	4.559.462
11	23	Черкасский	4.289.159	4.406.594
12	10	Мелитопольский	4.170.231	4 226.251
13	17	Кременчугский	4.241.911	4.319.785
14	21	Сумской	4.028.563	4 093.922
15	9	Мариупольский	3.870.395	4.576.925
16	30	Винницкий	3.619.951	4 824.518
17	13	Запорожский	3.502.664	3.589.186
18	31	волынский	3.363.179	4 597.424
19	18	Белоцерковский	3 287.943	3.468.519
20	25	Уманский	3.083 290	3.354 497
21	19	Криворожский	2.859.693	3.135.323
22	14	Бердичевский	2.713.762	3 235.683
23	12	Павлоградский	2.657.078	2.735.905
24	11	Херсонский	2.537.220	2.980.579
25	28	Первомайский	2.356.306	2.613.837
26	20	Прилукский	2 097 395	2.574.542
27	26	Лубенский	1.974.678	2.519.433
28	35	Шепетовский	1.940.777	2.699.607
29	22	Роменский	1.898.022	2.348.677
30	36	Черниговский	1.889.701	3 353.287
31	38	Тульчинский	1 876.750	2.775.404
32	27	Проскуровский	1.645.879	2.657.191
33	29	Нежинский	1.574.260	2.615.581
34	37	Каменецкий	1.562.232	2.873.490

№ № бюдж.	№ № экон. коэф.	Название округа	Соб. доход	Расход
35	40	Конотопский	1.498,178	2.394.778
36	39	Глуховский	1.451.529	2.281.453
37	33	Изюмский	1.430.626	2.091.632
38	34	Купянский	1.328.164	2 037.075
39	24	А. М. С. С. Р.	1.238.465	2.394.665
40	41	Могилевский	1.122.689	2.480.209
41	42	Коростенский	1.082.381	2 316.320
42	32	Старобельский	924.096	2.141 425

. Если мы пожелаем углубить анализ, то увидим, что все округа могут быть разбиты на 3 группы.

1) Округа с точным соответствием экономических коэффициентов и объемов бюджетов; сюда могут быть отнесены:

Таблица № 4.

№№ поряд.	Название округа	№№ коэф.	№№ бюдж.	Отклон.	
				(+)	(-)
1	Харьковский	1	1	0	0
2	Киевский	2	2	0	0
3	Одесский	3	3	0	0
4	Екатеринославский	4	4	0	0
Если сюда присоединить округа с „нормальными“ колебаниями, которые мы принимаем в (± 3), тогда имеем:					
5	Артемовский	7	5	2	0
6	Сталинский	5	7	0	2
7	Луганский	6	8	2	0
8	Николаевский	8	9	0	1
9	Мелитопольский	10	12	0	2
10	Белоцерковский	18	19	0	1
11	Криворожский	19	21	0	2
12	Первомайский	28	25	3	0
13	Лубенский	26	27	0	1
14	Каменецкий	37	34	3	0
15	Глуховской	39	36	3	0
16	Могилевский	41	40	1	0
17	Коростенской	42	51	1	0

Иными словами, и с бюджетами и с коэффициентами более или менее благополучно по 17 округам. В прочих округах мы наблю-

даем явную, резко выраженную диспропорцию между коэффициентами и объемами бюджетов.

Таблица № 5.

№№ поряд.	Название округа	№№ коэф.	№№ бюдж.	Отклонения	
				(+)	(-)
1	Полтавский	15	6	9	0
2	Зиновьевский	16	10	6	0
3	Черкасский	23	11	12	0
4	Кременчугский	17	13	4	0
5	Сумской	21	14	7	0
6	Мариупольский	9	15	0	6
7	Винницкий	30	16	14	0
8	Запорожский	13	17	0	4
9	Волынский	31	18	13	0
10	Уманский	25	20	5	0
11	Бердичевский	14	22	0	8
12	Павлоградский	12	23	0	11
13	Херсонский	11	24	0	13
14	Прикукский	20	26	0	6
15	Шепетовский	35	28	7	0
16	Роменский	22	29	0	7
17	Черниговский	36	30	6	0
18	Тульчинский	38	31	7	0
19	Дроскуровский	27	32	0	5
20	Нежинский	29	33	0	4
21	Конотопский	40	35	5	0
22	Изюмский	33	37	0	4
23	Купянский	34	38	0	4
24	А М С.С.Р.	24	39	0	15
25	Старобельский	32	42	0	10

Амплитуда колебаний с (+) от 4 до 14, а с (—) от 4 до 15. Воспользуемся формулой ¹⁾:

1) Норма = факту, 3) Норма < факта,
2) Норма > факта и следующей:

1) Норма реальная = норме условной
2) Норма реальная > норме условной,
3) Норма реальная < нормы условной, и постараемся проанализировать данные таблицы № 4 и № 5. И таблицы № 4 и № 5 подпадают под действие 1-ой формулы, т. к. по таблице № 4 мы имеем ряд равенств между коэффициентами и объемами бюджетов, т. е.

¹⁾ См. Н. В. Маслеников „Теория контрольных разниц“, стр. 14.

„Н“ = „Ф“ и дальше целый ряд (\pm) отклонений, т. е. „Н“ > „Ф“ и „Н“ < „Ф“. Если-бы приведенные коэффициенты давали безусловное равенство по признаку 2-ой формулы: „РН“ = „УН“, то выводы были-бы таковы: 1) 17 округов обладают бюджетами, более или менее, совпадающими с их экономической мощностью; 2) 12 округов с отклонением в (+ X) обладают отстающими бюджетами от их экономической мощности, т. е. не все возможности использованы, и 3) 13 округов с отклонением в (- X) обладают бюджетами, опередившими их экономическую мощность; т. е. по этим округам мы имеем финансовое напряжение. Однако, такой вывод был-бы поспешным, принимая во внимание, что сами экономические коэффициенты могут колебаться по признаку 2-й формулы: „РН“ > „УН“ и „РН“ < „УН“ т. е. коэффициенты могут сами давать колебания в ($\pm X$), в зависимости от того, насколько их цифровое выражение совпадает или не совпадает с реальной экономической мощностью.

Если мы коэффициенты будем принимать за „норму условную“, а реальную экономическую мощность за „норму реальную“, то только при большой достоверности равенства между ними мы сможем пользоваться этими коэффициентами в целях анализа бюджета. Только при „РН“ = „УН“ мы сможем говорить об отсутствии или наличии диспропорции между экономической мощностью и объемами бюджетов округов. Таким образом мы приходим к следующим выводам: Если-бы коэффициенты, приведенные выше, отвечали-бы указанным требованиям, то весь вопрос лежал-бы в плоскости регулирования объемов окружных бюджетов, но т. к. метод исчисления величины коэффициентов может обладать погрешностью, то анализ бюджетов должен следовать только за анализом величин коэффициентов, а это возможно только при рассмотрении его составных элементов.

Как было указано выше, коэффициенты являются суммой семи показателей:

- 1) продукции сельского хозяйства,
- 2) прямых налогов,
- 3) торговых оборотов,
- 4) промышленных оборотов,
- 5) собственных доходов,
- 6) плотности населения,
- 7) землеобеспеченности.

Оказывается, что слагаемые вызывают у нас сомнение. Из семи слагаемых, минимум два—величины безусловно зависимые от прочих, входящих в коэффициент, слагаемых, а следовательно они вносят погрешность в коэффициент. Эти слагаемые: 1) показатель прямых налогов, 1) показатель собственных доходов. С одной стороны строится коэффициент для определения экономической мощности округа, зная ее мы уже делаем вывод о финансовых возможностях, а с другой в этот-же коэффициент вносятся показатели, которые сами могут находиться в полной диспропорции с прочими показателями, входящими в тот-же коэффициент. При переобложении мы получаем высокий показатель прямых налогов, а следовательно увеличивается и коэффициент собственных доходов, а т. к. эти два показателя входят в сумму коэффициента, то и коэффициент возрастает. Получается округ с большой экономической мощностью, а фактически в такую категорию могут попасть совершенно маломощные округа. Наоборот при слабом обложении и показатель прямых налогов и показатель собственных доходов уменьшаются, а следовательно уменьшается и

объем коэффициента, получается как будто маломощный округ, тогда как фактически это может быть совершенно не так. Из вышесказанного необходимо сделать следующий вывод: строя коэффициент экономической мощности округа необходимо в число слагаемых включать только величины действительно определяющие эту мощность; поэтому основными показателями должны быть: 1) продукции сельского хозяйства, 2) торговых оборотов, 3) промышленных оборотов, а кроме того могут быть выведены и дополнительные показатели, но определяющие фактически мощность округа, а не условно. К таким показателям могут быть отнесены: 1) грузооборот, 2) потребление мяса; 3) потребление электрической энергии; 4) густота транспортной сети и т. п. Имея только бесспорные слагаемые можно говорить о бесспорности коэффициента, а только наличие такого коэффициента дает возможность подойти вплотную к вопросам анализа окружных бюджетов и гармонии или дисгармонии между величиной их и фактической их мощностью.

Н. Маслеников.

Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой пол. XVIII ст.

ГЛАВА I.

Предпосылки государственной торговли в XVII ст.

Русско-китайская торговля своими явными корнями восходит к половине XVII ст., но только после заключения Нерчинского договора 1689 г. она получила твердую базу и стала быстро развиваться на основе созревших экономических и политических возможностей между обоими государствами. Это была та эпоха, когда Московское государство еще не отрешилось от вотчинных традиций, пребывая в стадии развития натурального хозяйства, и когда деньги только что прокладывали себе пути к финансовому господству. Не имея внутреннего ёмкого рынка и нуждаясь в предметах, которых Россия не производила, русское правительство получаемые им от населения материальные ценности, в виде мехов, старалась сбывать на внешних рынках. Таким большим рынком, могущим поглотить недорогие меха, и был Китай со своей очень развитой для того времени мануфактурной промышленностью.

Естественно, что, в стремлении получить наиболее выгод, Москва быстро и легко подошла к идее борьбы с развивающейся частной предприимчивостью и с частным капиталом, которые значительно успешнее и скорее, чем государство, стали проникать на дальневосточные рынки. Идея же всеобщей и полной свободы частной инициативы, беспрепятственного развития и даже покровительства частному капиталу по существу была еще чужда в целом тогдашним правительственным кругам, и монопольные формы хозяйства легче воспринимались сознанием современников, чем представление о таком народном хозяйстве, которое может покоиться на всеобщей свободе действий, лишь косвенно регулируемых правительственными мероприятиями. Московское правительство в течение нескольких десятилетий много затратило сил и средств, чтобы подготовить почву и выяснить условия выгоды торговли с Китаем и, наконец, с 1695 г. приступило к организации планомерной государственной торговли с Пекином посредством снаряжения караванов, которые потянулись из Москвы через Сибирь в Пекин, вывозя туда, главным образом, сырье—меха, а привозя оттуда—материю.

В 1698/9 г. в Пекине был государственный караван под управлением „купчины“ гостя Лянгусова, в 1700/1 г.—„купчины“ Бокова, каждый с оборотным капиталом в 31 и 32 тыс. рублей. Вместе с ними ездили и частные купцы (соответственно с капиталами 26 и 81 т. р.). Первый караван дал дохода казне 24 тыс. р., второй 45 т. р., т. е. оба оказались прибыльными, особенно последний. Караван Бокова, воз-

вращаясь с китайской границы, еще находился в Сибири по пути в Москву, когда в 1702 г. было приступлено к составлению нового государственного каравана под начальством гостя Саватеева. Таким образом, с 1695 г. это был уже третий караван. Правда, что с самого начала, в 1695 г., деятели государственной монополии мечтали ежегодно посылать караваны в Пекин, но на практике это оказалось весьма сложным и невыполнимым предприятием, почему караваны снаряжались через значительно большие и различные промежутки¹⁾.

К последовательному обозрению организации государственных караванов в первой половине XVIII я и перехожу в следующих главах, выявляя борьбу государственного и частного капиталов за китайские рынки.

ГЛАВА II.

Караван Саватеева 1702—1703/4—1705 г.г.

В 1702 г. был назначен „купчиной“ очередного каравана гостинной сотни Иван Саватеев. Он, когда Лянгусов во главе каравана ходил в 1698/9 г. в Пекин, уже был, вместе с другими, в столице Китая.

О караване Саватеева сохранилось в архивах очень мало известий.

25 апреля 1702 г. нерчинский воевода Алексей Бибииков получил из Москвы указ оставить в Нерчинске ясашные пупки собольи и рыси, оценив их нерчинской ценой, и дать купчине Саватееву, когда он приедет в Нерчинск, для отправки в Китай²⁾. Казенными целовальниками Ивану Саватееву были выбраны: устюжанин Ив. Садилов, но так как он умер в Енисейске, то, вместо него, был пежемед Иван Крюков; вторым целовальником был вятчанин Леонтий Зверев. Товары для каравана собирались в течение нескольких лет³⁾.

В том же году, именно во второй половине 1702 г., „купчина“ Ив. Саватеев с караванной казной прибыл в Иркутск и отправился отсюда уже в 1703 г. через Нерчинск в Китай⁴⁾. В Нерчинске отпуск каравана совершался в 1703 г. с 28 июня по 11 июля включительно, так как состав каравана был очень велик. По обыкновению сам купчина и его целовальники имели свои товары, и их было более, чем на 15.500 рублей. Приказчики гостей и гостинных людей, московские, поморские, сибирские и служилые люди также имели большое количество мехов, русских и немецких товаров, так что, считая вместе с купчиной и его товарищами, по нерчинской оценке всех товаров (казенных и частных) пошло в Китай на 223.319 р. 74 к.⁵⁾.

Всего людей отправилось в Китай и в Наун в караване Саватеева не менее 400 людей, потому что было взято „у купчины г. с. И. Саватеева с тов. и у гостинных прикащиков и с торговых людей и с их работных, с кого именно на Москве не взято, указанных поголовных пошлин по рублю с человека, итого 399 р.“⁶⁾. Часть этих лиц пошла, таким образом, только на Наун (Цицикар в Манджурии).

¹⁾ Проф. Б. Курц, „Як повстала державна караванна торгівля Росії з Китаєм у XVII віці.“ Київ, 1919 р.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Пр., кн. № 1372, л. 588.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Приказ, нерчинская книга № 1507 л. л. 1—100.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел., Снош. Рос. с Китаєм, портфель Баснина Ц, д. 60, „Летопись губ. гор. Иркутска“.

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Сиб. Пр., нерч. кн. № 1507, л. л. 1—100.

⁶⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Сиб. Пр., нерч. кн. № 1319, л. 49.

Из сказанного видим, что в этом караване частный торговый капитал играл большую роль, и сам караван отличался многочисленностью¹⁾.

Караван из Нерчиска направился по обычной своей дороге через Манджурию на реку Наун (по манджурски — Ула, Нонни-Ула; на русских картах Нон-Ула) к теперешнему Цицикару (Наун), а отсюда на юг в Пекин.

Этот путь был очень длинный, трудный, и купчина Боков в 1700/1 г. употребил на него более 5 месяцев. Поэтому, когда Саватеев прибыл в Пекин, он стал домогаться, чтобы караван вернулся более короткой дорогой, а именно не через реку Улу (Oula,) а через р. Орхон-Тола (Orchon-Toula), т. е. через Монголию (владения монгольского хана Тушету) на г. Селенгинск. Китайцы согласились с этим и решили, что, когда следующие русские люди будут намереваться идти в Пекин через дорогу Орхон-Тола и придут в земли Тушету-хана, этот хан пропустит в Пекин не более как 200 человек. Это ограничение численности каравана пекинское правительство подтвердило в другой латинской же грамоте, объясняя его беспорядками предшествующего каравана, который был очень многочислен. Так как первая грамота была 16 мая, а вторая 13 июня 1704 г., и они были даны Саватееву для передачи в Сибирский Приказ, то, значит, караван Саватеева летом 1704 г. был в Пекине и тогда же вышел в обратный путь по новой дороге, через Монголию, на Селенгинск.

Из позднейших латинских пекинских грамот 1708 г. узнаем к тому же, что именно в этом году в апреле (точнее 3-ей луны, т. е. 4 апреля—4 мая) богдыхан Кан-хи издал указ, определяющий условия допущения русских по новой монгольской дороге, изложенные в вышеуказанных грамотах, т. е. ограничивающие число людей до 200 чел.²⁾

Когда Саватеев был в Пекине (1704 г.), то в продаже его товаров была немалая остановка из-за бухарского каравана, прибывшего через степь, несомненно, от Ямышева „со множеством обской мягкой рухлядь“, о чем в 1706 г. упоминала грамота, о которой речь будет в следующей главе³⁾.

Дорога на Селенгинск требовала всего 70 дней ходу (по подсчету Осколкова в 1706 г.), и поэтому в августе того же 1704 г. Ив. Саватеев с китайскими товарами прибыл уже в Иркутск и в том же году поплыл на дощанниках в Европейскую Россию⁴⁾. По дороге он встретился с новым купчиной Осколковым, которому сообщил, что путь в Пекин лучше всего и удобнее держать через Селенгинск по Монголии, а не через Нерчинск по Манджурии, и, очевидно, указал, что китайцы на это согласились, ограничив караван числом в 200 человек. Осколков, как увидим в следующей главе, так и сделал и направился с караваном через Селенгинск, совершенно минуя Нерчинск.

1) Подробности о частном капитале: Б. Курц, „Нерчинск, как экономический центр...“

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел., Снош. Рос. с Китаем, 1704—1717 г. Письма из Китайского Трибунала к Сибирскому губернатору Матвею Гагарину, присланные из Тобольского Архива при рапорте 1759 г., карт. 1, а год Канхи 43, луны 4, дня 13, год Канхи 43, луны 5, дня 12, № 69, № 73, № 74 и др. Выдержки у G. Cahen, „Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730)“, Paris, 1912, p. p. 101, 104.

3) „Памятники сибирской истории XVIII в.“, II, 1882 г., кн. I, с. 288.

4) Моск. Гл. Арх. Ин Д., портфель Баснина II, д. 60, „Летопись губ. гор. Иркутска“.

Таким образом, благодаря целому ряду экономических и политических причин, государственный караван Ив. Саватеева фактически нанес смертельный удар в 1704 г. Нерчинску, лишив его навсегда славы транзитного караванного пути в столицу Китая и тем самым ослабил русскую торговлю в Манджурии (на Науне-Цицикар) перенеся ее развитие в Монголию, главным образом, в Ургу (Орхон-Тола).

Возвращение Саватеева в Москву нужно отнести уже к 1705 г., как и расходование привезенных им товаров, но подробных архивных данных об этом не имеется. Поэтому пользуюсь только цифрами, приведенными у Friebe (Th. III, S. s. 116, 117) и использованными А. Семеновым, согласно которым правительство отправило с этим караваном своей мягкой рухляди и других товаров на 47.000 р., получило же прибыли от китайских товаров 49.000 р., с торговых же людей взято пошлин за их товар 56.640 рублей ¹⁾.

ГЛАВА III.

Караван Осколкова 1703—1705/6—1707 г.г.

В 1703 г. было решено послать в Китай еренчанина Григория Афанасиевича Осколкова ²⁾. Однако документы для него были составлены позднее. Именно 11 янв 1704 г. „велено послать с Москвы из Сибирского Приказа с его в. г-я, соболиной казной и с иной мягкой рухлядью для продажи, мены и покупки китайских всяких товаров в Китайское государство купчину еренчанина Гр. Афанасьева сына Осколкова, да с ним в товарищах кадашевца Михаила Гусятникова, да целовальников—устюжанина Илью Жилина, еренчанина Епифана Чюкичева“ ³⁾. Осколкову была дана проезжая грамота (от Иркутска и от Нерчинска) на русском, латинском и монгольском языках, подобно тому, как была дана в 1702 г. купчине Ив. Саватееву проезжая грамота за большую печатью Посольского Приказа. Согласно договору, китайцы должны были принять „нашего кунчину с казной нашей и со всеми при нем будучими людьми“ на границе, дать подводы, корм и провожатых ⁴⁾.

Из Сибирского же Приказа Осколков получил грамоту (31 янв. 1704 г.), согласно которой было приказано всем сибирским воеводам, по приезде Осколкова в их город, отдавать ему все имеющиеся у них меха, предоставляя Осколкову выбирать из них только годные для него. Меха эти были: соболи в козках (т. е. снятые целиком, мешком), собольи пупки, лисицы, выдры, песцы, горностаи, белки и рыба

¹⁾ А. Семенов, „Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII ст по 1858 г.“, Пет., 1859 г., ч. III, с. 197.

²⁾ Согласно указу 1715 г. 17 февр., было приказано доставить из Енисейска в Тобольск ведомости о купчинах, отпущенных в Китай за время губернаторства князя М. Гагарина, и оказалось, что „по справке в Тобольской канцелярии отпущено было купчин... Григорий Осколков отпущен с Москвы из Сибирской канцелярии 703 г., возвратился 706 г.“. „Памятники сибирской истории XVIII в.“, П., 1885 г., кн. II, с. 64—66, № 21 (Енис. кн. 5, акт № 84).

³⁾ У Бантыш-Каменского—Чюкичев „Дипломат. собр. дел между Рос. и Кит. госуд...“, с. 74—75.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел., Кит. дела, картон 6-а, д. 1704—1711 г., № 1. Тут же дан монгольский текст этой проезжей грамоты 1704 г. янв. „Отпуск в Пекин купчинам: Гр. Осколкову, Мих. Шорину, Петру Худякову и Ив. Саватееву для продажи, мены и покупки разных китайских товаров“.

кость. Нерчинский воевода получил в этом году грамоту, чтобы все меха, полученные от сбора ясака, таможенных сборов и пр., сохранять в Нерчинске до приезда Осколкова, а также для него скупать у всех меха ¹⁾. В том же 1704 г. велено все чернобурые лисицы, которые останутся в Якутске и в других сибирских городах за отпуском в Китай купчины Гр. Осколкова, прислать вместе со вновь собранными в Тобольск ²⁾.

„Летопись губ. гор. Иркутска“, которая отмечает прибытие в город каждого государственного каравана и его отбытие, на этот раз совершенно не упоминает о проезде через Иркутск каравана Осколкова, но зато сообщает, что в августе 1704 г. прибыл из Китая с караваном Ив. Саватеев и проследовал в Россию, а 16 октября того же года из России прибыл с караваном купчина Михайло Шорин, в том же году отправился в Китай, а из Китая вернулся в Иркутск в 1706 г. и тогда же отбыл в Москву ³⁾. Однако, ввиду того обстоятельства, что в архивных документах не сохранилось никаких данных об отправке каравана М. Шорина, а говорится только о караване Осколкова, нужно заключить, что автор Летописи гор. Иркутска, сообщая о караване М. Шорина, именно говорит о караване Осколкова ⁴⁾.

Итак, Осколков в 1704 г. в октябре был в Иркутске. Здесь, может быть, или еще раньше, он, несомненно, должен был встретиться с возвратившимся из Пекина купчиной Саватеевым, который мог снабдить его ценными сведениями о торговле в Китае, а самое главное—о наилучшем пути туда не через Нерчинск, а через Селенгинск, по каковому направлению совершил свое обратное путешествие и сам Саватеев.

Вот почему Осколков направился в Селенгинск, а в Нерчинск отправил только своих помощников для приемки таможенных мехов, собранных в Нерчинске для каравана, так как до этого караваны, как мы видели, всегда ходили через Нерчинск, и там для них готовились меха. Как следует из нерчинских таможенных книг, в 1705 г. Осколков прибыл в Селенгинск, послав своего товарища М. Гусятникова и целовальника Илью Жилина в Нерчинск принять меха, и эта приемка совершилась третьего мая всего на сумму в 1.629 р. 70 к. ⁵⁾. Все же оставшиеся меха, которые Гусятников не захотел принять, нерчинский воевода, согласно полученной 14 июня 1705 г. грамоте, переписав и запечатав, отправил в Москву в Сибирский Приказ ⁶⁾.

Таким образом, караван Осколкова решил идти не из Нерчинска через Манжурию на Наун (т. е. Цицикар), а из Селенгинска через Монголию на р. Орхон и Толу (Тула). Это был более короткий путь, а Осколков именно получил приказание от своего правительства идти кратчайшей дорогой. Однако нерчинский воевода, видя, что караванный путь все более и более отклоняется от его города, отчего значение Нерчинска падает, обратился в Пекин с просьбой, как ниже увидим, всех русских, прибывающих в Пекин другими дорогами, а не нерчинской, отправлять обратно только на Нерчинск.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Приказ, нерч. кн. № 1423, л. л. 221—224 (воеводская отписка).

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиции, Разрядный Приказ, книги денежного стола, книга № 258, л. 18.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфель Баснина II, д. 60.

⁴⁾ Более подробно об этом в следующей главе.

⁵⁾ Подробности об этом—Б. Курц, „Нерчинск..“

⁶⁾ Моск. Арх. М. Юстиции, Сиб. Пр., нерч. кн. № 1423, л. л. 221—224.

Осколков, очевидно, осенью 1705 г. выступил из Селенгинска, прошел через р. Орхон и Толу и через 70 дней путешествия уже был в Пекине, так что, можно полагать, он прибыл в Пекин к концу 1705 г. и пробыл в нем до мая 1706 г. Вероятно, караван своим личным составом превышал норму в 200 человек, допущенную Китаем, и поэтому, как возможно думать, не все были допущены в пределы Китая. По крайней мере, уже в феврале 1707 г. Сибирский Приказ тщетно просил китайцев разрешить в'езжать в Пекин более 200 людям.

При от'езде Осколкова из Пекина китайцы вручили ему для Сибирского Приказа две грамоты от 28 апреля и 4 мая 1706 г. В них говорится, что, когда китайцы спросили „главу ваших русских купцов“ Григория Осколкова, который пришел через Орхон-Тулу (Orchon-Toula), так как эта дорога короче, по которой он хотел бы вернуться, Осколков ответил, что он сам раньше с купчиной Бокковым и торгующими в г. Селенгинске пришел по дороге через Нерчинск и через Манджурию в Пекин, употребив более 150 дней на путь; но теперь, когда, по разрешению богдыхана, он пришел из г. Селенгинска более короткой и легкой дорогой, через Монголию, он потратил только 70 дней и оставил у Калгана утомленных лошадей и верблюдов. При этом Осколков просил позволения вернуться той же дорогой через Орхон-Тулу. Однако, как я только что упомянул, нерчинский воевода в свою очередь просил в своих письмах китайцев, чтобы они пропускали русских купцов только по старой дороге через Нерчинск, а если случайно те придут по другой дороге, чтобы их высылать обратно на Нерчинск. Китайцы и сообщили об этом Осколкову, но он категорически заявил, что имеет от своего правительства приказание пользоваться более короткой и удобной дорогой, что он по дороге встретился с купчиной Иваном Саватеевым и с его караваном и от них узнал, что дорога через Орхон-Тулу наиболее удобная и короткая, и поэтому он пришел по этому пути и этим же путем должен вернуться. Сообщая обо всем этом Сибирскому Приказу, Китай просил его разрешить этот спор относительно нерчинской и селенгинской дорог¹⁾.

Караван Осколкова, разумеется, вернулся по той же дороге, по какой пришел, т. е. через Орхон-Толу на г. Селенгинск, так что его возвращение через Иркутск нужно отнести к концу 1706 г.²⁾, а в Москву и ликвидация его — к 1707 г. Что караван уже в июле 1706 г., несомненно, вернулся из Китая и уже был в Селенгинске, следует из того обстоятельства, что один сольвычегодец, ходивший с ним в Пекин, в качестве провожатого, хотя он сам был в действительности торговым человеком и обменял в Пекине свои меха, получил из Селенгинска проезжую в Россию 22 июля 1706 г.³⁾ Нерчинский же воевода получил выговор из Москвы за своевольное желание сохранить за своим городом прежнее его значение транзитного караванного пути, и Нерчинск окончательно должен был уступить свое место Селенгинску.

Что же касается оборотов каравана, то, согласно данным Friebe, приведенным Семеновым, было отправлено с караваном мягкой рух-

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, письма 1704—1717 г., № 75 и др., письма латинские 16 дня, 3 луны, 45 года Кан-хи. Выдержки у G. Cahen, „Histoire..“, материалы, XXXIX.

²⁾ Летопись г. Иркутска, отметила, что в 1706 г. пришел караван из Китая в Иркутск и отправился из Иркутска дальше, но, как я указал, ошибочно приписывает этот караван Мих. Шорину.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Сиб. Приказ, столб. 1.055.

ляди и других товаров на 29.879 р., от китайских товаров получено прибыли 55.000 р., и с торговых людей взято пошлин за их товары—22.029 р.¹⁾ Согласно же Словцову, прибыль от возвратившегося каравана в 1706 г. равнялась 261.778 р., но это, несомненно, ошибочное указание и, очевидно, относится не к каравану Осколкова 1705/6 г.г., а к другому²⁾.

ГЛАВА IV.

Караван Худякова 1705—1708—1709 г.г.

По возвращении каравана Саватеева, и во время пребывания каравана Осколкова еще в Китае, очевидно, уже в 1705 г. было решено послать в качестве купчины Михаила Федоровича Шорина. Хотя указ об этом был издан в марте 1706 г., но подготовка к этому каравану началась заранее, потому что в феврале 1706 г. была прислана в Нерчинск грамота, из которой видно, что необходимо выслать из всех сибирских городов в Сибирский Приказ меха, камки, атласы и китайки большой руки, а также скупить в Нерчинске и в его уезде соболей, рысей, лисиц и послать их в Иркутск к прибытию купчины Мих. Шорина, а все те меха, которые потом останутся в Нерчинске и в других сибирских городах после посылки купчины, отправить в Сибирский Приказ³⁾.

Еще более решительные меры для лучшей постановки государственной торговли были приняты грамотой 28 января 1706 г., посланной енисейскому воеводе, о строгом запрещении торговым и всяким чинов людям ездить в Китай. Из этой грамоты мы узнаем, что еще в 1690/1 сентябрьском году (199 г.) в Москве стало известно о том, что многие торговые, промышленные и иные люди из городов, лежащих по обе стороны Урала, т. е. из „русских“ и „сибирских“, ездят в Китай без разрешения государя и пропуска (т. е. без „грамоты“) из Сибирского Приказа, торгуют в Китае и своим коммерческим соперничеством подрывают торговлю с китайцами; кроме того, устраивают многие ссоры, конечно, с китайскими подданными, что тоже препятствует успешности русско-китайской торговли, вызывая враждебность и служа почвой к недоразумениям между обоими государствами. Поэтому тогда же, т. е. в 1690/1 сент. году, во все сибирские города были посланы из Москвы грамоты, запрещающие пропускать в Китай таких людей без разрешения из Москвы. Но это запрещение осталось на бумаге, потому что, как косвенно следует из упомянутой грамоты, воеводы сибирских городов обходили это запрещение, пропуская в Китай людей под видом необходимости послать ту или другую бумагу („письмо“) или будто бы для выяснения с китайскими чиновниками какого-нибудь государственного дела. Воеводы делали все это от имени государя, пользуясь отдаленностью от Москвы и, вследствие этого, своей малой ответственностью и полной невозможностью для центральной власти издали следить и контролировать деятельность этих воевод. Поэтому в 1706 г., 28 января, и была послана вышеуказанная грамота в Енисейск со строжайшим запретом, под страхом смертной казни, кому бы то ни было

¹⁾ А. Семенов, „Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с полов. XVII-го ст. по 1858 г.“, ч. III, II, 1859 г., с. 197.

²⁾ П. Словцов, „Историческое обозрение Сибири“, М., 1844 г., т. II, с. 211.

³⁾ Мос. Арх. Мин. Юстиции, нерч. кн. № 1494, л. 82.

и под какими бы то ни было предложениями ездить в Китай „без нашего, великого государя, грамот“. Если же воеводе понадобится по какому-нибудь делу послать в Китай, то ни в коем случае нельзя делать этого самолично, а нужно обо всем написать в Москву, именно в Сибирский Приказ, и только оттуда ждать распоряжения или разрешения на отпуск¹⁾.

Такова была эта грамота, посланная, очевидно, не только в Енисейск, но и во все сибирские города, с целью упорядочить русско-китайскую торговлю, подчинив ее не свободному, случайному и стихийному народному развитию, а определенной системе, чтобы русское правительство было в состоянии ею руководить, а не быть ею руководимой, как это фактически было до сего времени.

Однако на деле и эта грамота не оказала большого влияния, вследствие воеводского своеволия и особенно громадности пограничной линии, способствующей контрабанде. Правда, что воеводы должны были еще строже следить, чтобы никто не ездил в Китайское государство, но, разумеется, когда казенный караван шел в Китай, все могло к нему пристать с разрешения купчины и подчиняясь его распоряжениям. Хотя об этом и нигде не говорится, но это следует из всего предыдущего и последующего развития русско-китайской торговли²⁾.

В виду такого значения указа 28 января 1706 г., в интересах точного его понимания, привожу его подлинный текст: „В прошлом

¹⁾ Моск. Главный Арх. Мин. Ин. Дел., портфель Миллера, № 133, IV, д. № 409. Ф. Туманский, „Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деятельности госуд. имп. Петра Великого“, ч. II, СПб., 1787 г., с. 296—298: „Грамота о непропуске купцов с товарами в Китай. 1706 г., января 28 день“. „Памятники сибирской истории XVIII в.“, кн. I (1700—1713 г.г.), СПб., 1882 г., с. 278—279.

²⁾ Между тем Х. Трусевич („Посольские и торговые сношения России с Китаем“, М. 1882 г., с. 91, 97, 135, 151, сообщает, что в 1706 г. издается указ: „в Сибири купцам и служилым людям мягкой рухлядью не торговать“ и подтверждено: „без особого указа в Китай торговым людям не возить свои товары за смертною казнью“; о такой воле правительства дано знать в Китай. При этом Х. Трусевич ссылается на портфель Миллера № 133, IV.

Но такого указа, с такими словами, какие приводит указанный автор, я не нашел в этом портфеле (№ 133, IV). Очевидно, Трусевич говорит о вышеприведенной мною грамоте, но сам вольно и неточно передает ее содержание, выводя умозаключения, которых нет в грамоте, потому что в ней совсем не говорится о безусловном непропуске купцов за границу, а только по разрешению из Москвы, о чем были указы не только в 1706 г., 1690/1 г., но и в 1678 г. и в 1672/3 сент. г. (Моск. Арх. М. Юст., Сиб. Приказ, ст. 935).

В одном месте Х. Трусевич (с. 151) пишет, что „купцы принуждены были ходить не иначе как с караванами казенными, а в 1706 г. им (указом) совсем запрещен был торг мягкой рухлядью в Пекине. Таким образом был уничтожен второй пункт русско-китайского торга“ (т. е. по мнению автора, один пункт был Нерчинск, другой — Пекин). Итак, согласно автору, в 1706 г. правительством был искусственно нанесен удар частной торговле запрещением ходить купцам с караванами в Пекин. Но в действительности подобного распоряжения не было, и если фактически это произошло, то совсем от других причин: численность каравана была ограничена китайцами всего в 200 чел., так что для частных лиц потом не было места в караванах. Трусевич тут же сам говорит, что губернатор Сибири Гагарин обратил внимание на „знатное уменьшение дохода сей страны и вскоре, усмотрев онаго причину, которая состояла в том, что величайшая часть мехов, принадлежащих казне, оставалась без продажи“, сообщил об этом государю. А если это было так, то, разумеется, правительство должно было сразу во много увеличить свой вывоз мехов (в 5—6 раз) и, значит, занять в караване место тех торговых людей, которые раньше имели возможность ходить с караванами в Пекин, а потом, вследствие увеличившихся размеров государственных караванов, должны были, за недостатком места, оставаться в Сибири или самостоятельно и тайком торговать в других китайских городах.

во 199 г. ведомо нам, великому г-рю, учинилось, что в Китайское государство из русских и из сибирских городов торговые и всяких чинов люди, без нашего, великого государя, указу и без грамот из Сибирского Приказа, ходят многие и тем китайской торг портят, и многую чинят ссору. И во 199 г. о заказе того с подтверждением наши, в. г-я, грамоты во все сибирские города посланы. И ныне мы, в. г-рь, ни за какими нашими, в. г-ря, делами, в Китай посылать, также из Енисейска торговых и промышленных и всяких чинов приезжих людей ни с какими товары отпускать и для проезду никаких писем им давать не указали; и сию нашу, в. г-я, грамоту в Енисейску в Приказной Избе записать в книги, впредь для ведома иных наших воевод и приказных людей. А к прикащикам в остроги и в слободы и в займки и в зимовья, против сего нашего, в. г-я, указу, послать памяти, чтоб после сего нашего, в. г-я, указу никто ни с какими товари и ни для каких своих дел, без нашего, в. г-я, грамот, в отпуск не явились; а буде кто явится в отпуску, и тем людем, которые явятца в Китаех, или с какими товары, безо всякие пощады учинена будет смертная казнь... А есть ли доведетца за какими нашими, в. г-я, делами послать в Китай, и без нашего, в. г-я, указу и за нужными делами отнюдь не посылать некоторыми меры. А о чем надлежит послать в Китай, о том к нам, в. г-ю, писали вскоре, а отписку велели подавать в Сибирский Приказ князю Матвею Петровичу Гагарину с товарищи. Писан на Москве, лета 1706 г., генваря 28¹⁾.

Такова была подготовка к каравану 1706/7 года. Наконец, 17 марта 1706 г. вышел указ отпустить из Москвы, из Сибирского Приказа, с государевой собориной и иной мягкой рухлядью (пушиной) для торговли и покупки в Китай купчину гостя Михаила Федоровича Шорина с товарищами: из детей боярских нерчинского Луку Кочмарова и иркутского Григория Таракановского, гостинной сотни Гаврила Кудюмова, ларешного Стретенской сотни Антипа Михайлова и целовальников Конюшенной слободы Ив. Курбатова, Мещанской слободы Николая Грека и посадского человека Степана Третьякова.

Посольский Приказ дал Шорину проезжую грамоту на русском, латинском и монгольском языках за большою печатью для проезда „от Иркутска и от Нерчинска“ до китайской границы и далее. Как и в грамоте Осколкова, здесь повторяется фраза, чтобы пропускали „того нашего купчину с нашей ц. в-ства казной и со всеми при нем будущими людьми“, т. е. состав каравана в точности заранее не был обозначен, и сам купчина мог, сообразно требованиям текущего момента, видоизменять численность каравана²⁾.

Шорину было поручено купить китайские товары для царского обихода, но ему не суждено было все это исполнить, потому что 17 мая 1706 г. произошло переназначение, и Шорин получил указ быть на Ямышевской ярмарке для таможенных дел и надзора в сборе всяких заповедных товаров, а на место его был назначен гость Петр

¹⁾ „Памятники сибирской истории XVIII в“, П., 1882 г., кн. I, с.с. 278—279, № 69 (Енисейская книга, 5, акт № 54).

(Эти „Памятники...“ извлечены из портфелей Миллера, принадлежащих Российской Академии Наук).

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел., Снош. Рос. с Китаем, карт. 6а, д. 1704—1711, № 1. Тут же русский и монгольский тексты этой проезжей грамоты.

Родионов Худяков¹⁾). Поэтому проезжая грамота тогда была наново составлена на имя купчины Петра Худякова²⁾).

Петр Худяков в то время был уже очень опытным государственным специалистом по торговле, потому что он долгое время состоял таможенным головой в Нерчинске (с 1698 по 1702 г.), заслужив благодарность правительства за свою службу, а после этого был назначен в 1703 г. на ответственный пост верхотурского таможенного головы³⁾. Этот выбор купчины нужно считать очень удачным со стороны правительства. Я и полагаю, что, так как первоначально меха собирались для Шорина, а потом и для Худякова, а Худяков был человек искушенный именно в сибирских таможенных сборах, было собрано для каравана небывалое до того времени количество мехов и товаров на 184 тыс. р., между тем как раньше государственные караваны вывозили всего на 25—48 тыс. р.

Пока в Москве происходило переназначение купчины, правительственные распоряжения о подготовке для этого каравана мехов шли своим чередом, и в октябре 1706 года в Нерчинске была получена грамота отпустить в Китай с купчиной гостем Мих. Шориным (в действительности, уже тогда замененным Худяковым) собором стоимостью 150 р. за сорок и дешевле, и всяких лисиц, кроме черных, чернобурых и бурых, также белки, горностаев, песцов, ушканину, волков; и велено впредь такие меха оставлять в Нерчинске для отдачи купчине по настоящей городской (нерчинской) оценке, а в Москву

¹⁾ Вантыш-Каменский, „Дипломатич. собр. дел...“, с. 75.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел. Снош. Рос. с Кит., карт. ба, д. 1704—1711, № 1. Переназначение купчин, очевидно, создало в литературе путаницу, и поэтому здесь необходимо подробнее остановиться на этом вопросе.

Как мы уже знаем, когда возник вопрос об отравлении упомянутого каравана, предназначался в 1705 г. главой его Михаил Шорин, официальное же его назначение купчиной каравана состоялось только в марте 1706 г., но уже в мае этого же 1706 г. он был назначен в Ямышевскую таможню, а купчиной каравана—Петр Худяков. „Летопись губернского гор Иркутска“, однако, сообщает, что еще 16 октября 1704 г., т. е. в самый год прибытия купчины Ив. Саватеева из Китая в Иркутск, прибыл (из Москвы) в Иркутск купчина Михаил Шорин с караванной казной и того же года (т. е. 1704) отправился в Китай, из Китая же возвратился и из Иркутска отбыл (в Москву) в 1706 году. (Моск. Гл. Архив Мин. Ин. Дел., портфель Баснина II, д. 60). Из этого вытекает, принимая свидетельство „Летописи“ за достоверное, что М. Шорин был в Китае в 1705 г., однако это противоречит вышеприведенным мною данным, по которым уже в 1705 г. Шорина решено было сделать купчиной, в 1706 г. это было сделано официально, но в мае этого же года он был замещен более опытным лицом—Худяковым. Кроме того, в китайских грамотах мне не приходилось встречать опоминаний, что Михаил Шорин был в Пекине в качестве купчины каравана.

В подкрепление того же, можно указать на то обстоятельство, что, когда в 1715 г. были затребованы из Тобольска сведения, сколько всего было отпущено казенных караванов, оказалось, что в 1703 г. был отпущен Григорий Осколков, который вернулся в 1706 г., а в 1706 г. Петр Худяков, потом в 1708 г.—Иван Саватеев. Таким образом, эти вполне официальные документы совершенно не упоминают о Мих. Шорине („Памятники сибирской истории XVIII в.“, II, 1885 г., кн. II, 64—66, № 21,—Енис. кн. 5, акт. № 84).

Все это показывает, что в данном случае „Летопись“ неточно и неполно передала события, тем более, что о караване Осколкова, который именно в те годы должен был проходить через Иркутск, она ничего не сообщает, и, очевидно, отождествила его с М. Шориным. Поэтому я заключаю, что М. Шорин в качестве купчины каравана совсем не был в Пекине.

Между тем Х. Трусевич („Посольския и торговые сношения Рос. с Китаем“, Москва, 1882 г., с. 95) неправильно считает, что в 1706 г. (год отправки) по 1707 г. (год возвращения) купчина „Шарин“ вывез в Пекин товаров на 184.000 р. Я же этот караван приписываю именно—Худякову, а тот караван, о котором упоминает „Летопись“,—Осколкову.

³⁾ Б. Курц, „Нерчинск...“.

присылать соболей только выше 150 р. стоимостью, также черных, чернобурых и бурых лисиц, медведей, росомах, оленей, лосей, „i которых не надлежит отпускать в Китай“¹⁾. Но 17 июня уже 1707 г. пришло в Нерчинск приказание отпускать в Китай с купчиной соболей ценою сорок только ниже 100 р. (т. е. еще худших соболей), а собольи пупки совсем не посылать, а отправлять их в Сибирский Приказ²⁾.

Чтобы обеспечить этому каравану наибольший успех и в виду того, что в бытность каравана Саватеева в 1703/4 г. в Китае ему сделал подрыв бухарский караван, прибывший через степи от озера Ямышева и привезший много обской пушины, купленной в Верхотурьи и Тобольске, 6 сентября 1706 г. грамотой было запрещено бухарцам торговать в Верхотурье и Тобольске и разрешено приезжать им из своей степи только в Тару, где они могли свободно, но пошленно, торговать и покупать русские товары, однако, лишь незаповедные. Заповедными же товарами могла торговать только казна, и, как говорится в указанной грамоте 6 сентября 1706 г., „для того, что китайскому торгу указали мы, в. г., быть из нашей, в. г.-я, казны, а кроме нашей, в. г.-я, казны ни чьих товаров в Китай и в Мунгалы и от Ямышева в степь пропускать никого не велено, потому: в прошлом 1704 г., по ведомости в Сибирском Приказе от купчины, что в Китайском государстве бухарской караван при нем был, а с теми бухарцы обской мягкой рухляди в привозе было множество, а продажею той обской рухляди в Китайской государстве русским товаром остановка была не малая“³⁾.

Все эти меры, предпринятые с целью поставить государственной караван Худякова в невыгодные условия, привели к тому, что этот караван оказался равным по количеству товаров 4—6 прежним караванам, так как вывоз в Китай мехов и других товаров на 184.000 р., а от китайских товаров получил прибыли 270.000 р., т. е. в 5—6 раз больше предыдущих караванов⁴⁾. По донесению Сибирского Приказа за 1709 г., цена привезенных китайских товаров показана в 426.636 рублей⁵⁾. Это был, безусловно, необычайный успех государственной монополии в торговле России с Китаем.

Получив в мае 1706 г. назначение, Худяков в 1707 г. уже был в Иркутске с караванной казной, а в товарищах с ним—сын боярский Лука Кочмаров. В том же году они отправились в Китай⁶⁾.

В Пекине Худяков был весной и летом 1708 г. Китайцы 13 июня 1708 г. вручили ему для передачи князю Гагарину грамоты, в которых они отказывались удовлетворить просьбу Гагарина (от февраля 1707 г.) о пропуске в Пекин более, чем 200 человек, отговариваясь боязнью беспорядков, но зато они согласились, чтобы впредь русские караваны ходили более сокращенной дорогой, именно через Монголию, пересекая ее реки Орхон и Толу (т. е. из Селенгинска,

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Пр., кн. № 1494, л. 82 и след.

²⁾ Там же, л. 84—85.

³⁾ „Памятники сибирской истории XVIII в.“, II, 1882 г., кн. I, с. 288, № 70. (Верхот. кн. 3, № 210).

⁴⁾ Семенов. „Изучение исторических сведений о рос. внешней торговле и промышленности...“, ч. III, 1859 г., с. 197.

⁵⁾ Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии“, 1905 г., V—VI, отдел III, с. 234. (Журнал Мин Нар. Просвещения 1890 г., XI, 57).

⁶⁾ Фокеродт указывает, что караваны обыкновенно привозили товаров на 300—400 тысяч рублей. Чтения в И. Общ. Ист. и Древ. Рос., 1874 г., кн. II, с. 62).

⁷⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел., портфель Васнина II, д. 60, „Летопись губ. гор. Иркутска“.

а не через Манджурию из Нерчинска). Сам Петр Худяков шел в Пекин этой дорогой и ею же возвратился обратно. Покинув летом 1708 г. Пекин, Худяков в том же 1708 г. прибыл с китайскими товарами в Иркутск и направился дальше к Уралу¹⁾. Из этого можно заключить, что караван мог прибыть в Москву в 1709 г. и приступить к расходуванию своих товаров, но точных цифровых данных о расходе не имеется. Только известно, как выше сказано, что от китайских товаров было получено прибыли 270.000 р., но каким образом вычислена эта прибыль и какие были основания подсчетов—нет никаких указаний.

Во всяком случае следует думать, что Худяков хорошо торговал в Пекине, и, как опытный человек в тогдашнем счетоводстве, сумел представить правительству отчет, показывающий успех его каравана, и, несомненно, вследствие этого в том же 1709 г. было решено вторично послать его в Пекин. В это время в очередном государственном караване состоял купчиной Саватеев, который в следующем 1710 г. уже прибыл и торговал в Пекине.

ГЛАВА V.

Караван Саватеева 1707—1710—1712 г.г.

В 1707 г. „был послан“ в Китай с пушиной купчина гостинной сотни Иван Прокофьев Саватеев с товарищами, уже бывший купчиной в караване 1703/4 г.²⁾ Но указ об этом последовал только 28 марта 1708 г.³⁾, согласно которому ему приказано дать из Посольского Приказа проезжую грамоту „от Иркутска и от Нерчинска до Китайского государства“ на русском, латинском и монгольском языках, как это было сделано для Худякова, за большой государственной печатью. Эта проезжая грамота в марте же была выдана Саватееву, и в ней, как и в предыдущих, повторяется обычная фраза: „чтобы пропускали того нашего купчину с нашей, ц. в-ства, казной и со всеми при нем будущими людьми“⁴⁾.

Меры, стесняющие частную торговлю в интересах казенной, предпринятые в предыдущем году, продолжали действовать и в 1708 г. Вот почему в Нерчинске в этом году было собрано совсем мало десятичных пошлин, т. е. с продажи - купли, и таможенная нерчинская книга такими словами объясняет это явление: „а против 1707 г. в нынешнем 1708 г. по сей пошлинной приходной книге китайских и наунских (т. е. манджурских) и мунгалских товаров по цене многого числа недобрано для того, что по указу в. г-я на Наун (т. е. Цицикар) и в Мунгалы ходить и торговать никому не велено, и мунгалы для торгу в Нерчинск не ходят, и против сбора прошлого 1707 году в нынешнем 1708 г. пошлины собрать было столько не с кого“⁵⁾. Разумеется, что это должно было обеспечить успех каравану Саватеева, как был обезпечен успех Худякову. Частные же купцы, видимо, тогда еще не успели приноровиться к вновь

¹⁾ Там же. „Летопись...“ Cahen, „Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Gierre le Grand 1689—1730“, Paris, 1912, p. 104.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел, Сн. Р. с К., картон ба, д. 1704-1711, № 1.

³⁾ Бантыш-Каменский, „Дипломатич. собрание дел...“, с. 75. Но Саватеев не был тогда еще гостем, а только гостинной сотни.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел, карт, ба, д. 1704—1711, № 1.

⁵⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Приказ, нерч. кн. № 1502, л. 14.

создавшимся условиям и найти окольные пути для торговли с Китаем, как они вскоре сделали это, усиливая тем контрабанду.

В Иркутск караван купчины Саватеева пришел в 1710 г. и отбыл, согласно летописи Иркутска, в Селенгинск. Летом этого же 1710 г. он уже прибыл в Пекин, как можно заключить из китайской грамоты, посланной от 23 мая 1710 г. относительно перебежчиков сибирскому губернатору Гагарину. Караван пробыл в Пекине более 80 дней. К концу 1710 г. караван вернулся на русскую границу и в 1711 г. через Иркутск проследовал в Москву¹⁾. Отсюда следует, что расхождение привезенных караваном китайских товаров должно было происходить в 1712 г.

Подробных сведений о материальной стороне этого каравана у меня нет, и известно только, как узнаем из труда А. Семенова, что караван Саватеева повез в Китай товаров на 142.000 р., а получил прибыли от китайских товаров на 223.000 р.²⁾

ГЛАВА VI.

Караван Худякова 1709—1712—1713 г.г.

Хотя еще в 1709 г. был указ послать с пушиной из Москвы из Сибирского Приказа для торгу в Китай „над купечеством *комиссара*“ Петра Родионова Худякова с товарищами, но только 30 июня 1710 г. он получил окончательное назначение, и было велено выдать из Посольского Приказа проезжую грамоту (на трех языках), прислав ее в Сибирский Приказ для передачи Худякову (этот порядок выдачи проезжей повторялся и во всех предыдущих отпусках)³⁾.

Таким образом, с 1710 г. наименование „купчина“ заменяется иностранным „комиссар“, и вновь мы видим известного тогда П. Худякова, как опытного дельца, во главе государственного каравана.

Прежние строгости, с воспрещением торговать заповедными товарами, остаются в силе. Однако можно полагать, что сама жизнь нарушала эти запреты, и, кроме того, в Москве скопилось уже столько китайских товаров, вымененных правительством в Китае, что оно затруднялось их сбытом. Указом 1709 г., в мае, было велено уволить казенные товары в народ, за исключением поташа, смольчуги, вывозимого хлеба за границу, табака, водки и пива, и в Сибири разрешено вольно торговать всякими товарами с уплатой „уложенного вперед пошлиной“, „кроме собелей и мягкой рухляди, которая вперед до

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфель Баснина II, д. 60, „Летопись губ. гор. Иркутска“.

²⁾ А. Семенов, „Изуч. истор. сведений о рос. внешней торг. и промышленности“, ч. III, 1859 г., с. 167. (караван отпуска 1707 г.).

Согласно Словцову (II, с. 211), прибыль от (возвратившегося) каравана 1711 г. была свыше 223.550 р., но о каком именно караване идет речь у Словцова — не ясно.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Иност. Дел, Снош. Рос. с Китаем, картон 6а, д. 1704-1711, № 1.

Относительно проезжих грамот, выданных Посольским Приказом купчинам Осколкову—1704 г., Шорину, а потом взамен его Худякову—1706 г. и Саватееву—1708 г., была составлена в 1710 г. справка в Посольском Приказе, в которой говорится: „те грамоты писаны на александрийских листах, государеву титло по московского и заставицы золотом, а дело чернилы; к ним же прикладываются списки по латине и по мунгалски, печатаны государственной большой печатью“.

указу имеют содержаться попрежнему, как и прежде сего была“¹⁾. В том же 1709 г. Сибирский Приказ запретил пропускать „через сибирские города русских людей и иноземцов в Мунгалы с товары и без товаров“²⁾. Согласно же грамоте 1710 г., 19 января, посланной в Енисейск, приказано присылать в Москву соболей ценой за сорок выше 100 р. и лисиц выше полтины каждая, а соболей и лисиц ниже этих цен позволить купцам продавать в Китай³⁾. Что же касается тех китайских товаров, которых купчины привезли в Москву, то правительство, в виду малой емкости русского рынка для таких товаров, организовало продажу их в иностранных государствах, и поэтому в 1710 г. „по памяти из Сибирского Приказа дана в г-я проезжая грамота по государствам посланному в Лифляндию и в прочие окрестные государства для продажи и мены на заморские вещи китайских товаров и мягкой рухляди купчине Федору Полонянкину“⁴⁾.

Таким образом, один караван отправился из Москвы на запад-а другой на восток. К этому же году относится повторная попытка завязать торговлю даже с Японией и командированному в 1710 г. на Камчатку казачьему десятнику велено проведать о Японии и японской торговле⁵⁾.

Из истории каравана нам известно, что в августе 1710 г. Петр Худяков был в Енисейске, где принял имевшиеся там меха на сумму всего 5740 руб.⁶⁾.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфель Миллера. № 133, V, д. 449.

²⁾ „Памятн. сиб. ист. XVIII в.“, II, 1885 г., кн. II, с. 367-368 (Красноярская кн. акты № 144 и 145).

³⁾ „Памятники сибирской истории XVIII в.“, II, 1882 г., кн. I, с. 409, № 93. (Енисейск, кн. 5, акт № 68).

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 6а, д. 1704-1711 г., № 1.

⁵⁾ До этого попытка при Петре I была сделана в этом направлении в 1702 г., когда посланному на Камчатку русскому прикащику было наказано „домогаться ему всякими мерами, по которое время прислану будет с Москвы из спальников, и чтоб учинить ему с Японским государством меж русскими тарги немалые, как и у китайцев с русскими людьми бывают тарги и посылаются с Москвы в г-ря товары купчины, чтобы в тех новоприискных таргах в г-ря казне учинить многую прибыль, и проведывать ему, какие у них в Японском государстве узорочные товары обретаются, также и русские товары в том государстве какие надобны, и на которые походу больше бывают, и станут ли они с русскими людьми тарги иметь...“. Наказ же казачьему десятнику был дан 9 сент. 1710 г.

„Памятники сибирской истории XVIII в.“, кн. I, 418, 420, № 99 (Якутск. кн. 5 акт. 29).

⁶⁾ Именно, согласно приемочной росписи 20 авг. 1710 г., „комиссара купечества“ Петра Родионова Худякова, им было принято в Енисейске в китайский отпуск следующие меха:

3 сорока 10 соболей с пупки без хвостов, ценой 95 р. 8 гр. 100 сор. 4 лисицы красных сиводушчатых (в том числе чернодушчатая) — 166 р. 1 гр., 683 лисицы красных белодушчатых — 546 р. 13 а. 2 д., 12 рысей — 23½ р., 23 выдры — 21 р., 16.300 белок по 19 р. тысяча — 309 р. 7 гр., 2 сорока 37 соболей с пупками без хвостов — 89 р., 347 лисиц красных белодушчатых — 242 р. 30 а., 73 лисицы красных сиводушчатых — 67½ р., 14 рысей — 24 р., 41 выдра — 31 р. 11 а. 4 д., 7.690 белок по 18 р. тысяча — 138 р. 14 а., 430 белок — 7 р. 24 а. 4 д., 2 соболя с пупками без хвостов — 2 р. В Монголии еще куплено в караван, согласно указу, мягкой рухляди: 1.825 песцов белых — 263 р. 6 а., 5.700 белок — 80 р. 7 а. 2 д., 414 горностаев — 34 р. 4 а. 5 д., 5 сум оленьих — 1 р. 5 а. Взято таможенной десятины: 3 сорока и 1 соболь с пупками и хвостами (в том числе 63 соболя без пупков) 8 сороков 5 пупков собольих, 28 рысей, 61 лисица белодушчатая, 1811 песцов белых, 156 горностаев, 5489 белок — на 740 р. 10 а. д., 2 соболя с пупками и хвостами (в том числе 24 соболя без пупков), 5 сор. 27 пупков собольих, 270 лисиц чернодушчатых, сиводушчатых и белодушчатых, 32 рыси, 4.179 песцов белых,

В апреле, 9 дня, 1711 г. „купчина“ Худяков прибыл с караванной казной в Иркутск и в том же году отправился дальше в Китай¹⁾. В 1712 г. он уже торговал в Пекине, а летом этого года, очевидно, выехал обратно, потому что китайцы послали вместе с ним грамоту, помеченную 9 июня 1712 г. Можно предположить, что Худяков пробыл в Пекине продолжительное время, месяца 3—4, и сумел, благодаря своей большой опытности, знанию торговых дел и Китая, справиться с возможной для него задачей. Он между прочим требовал от китайцев разрешения являться в Пекин с караваном не в 200 человек, а 220—230 чел., но китайцы согласились только на 220 чел. и то лишь в исключительных случаях, именно при наличии большого количества товаров, а „когда немного будет товаров, то, согласно уже (существующему) положению, позволено приходить только 200“. Китайцы также согласились, по просьбе комиссара, разрешить ездить каравану через Монголию еще более прямой дорогой, чем раньше ездили, преследовать злоупотребления и кражи, пропускать в Монголию русских купцов только имеющих при себе пропускные грамоты от русских властей. При этом китайцы называют Худякова уже „комиссаром“, т. е. они приняли перемену этого наименования и признали за ним права, порученные ему, как наблюдателю за порядком в русско-китайских торговых делах. Худяков в том же 1712 г. прибыл в Иркутск с караванной казной и в том же году отбыл дальше, в Россию²⁾. Таким образом, караван мог быть в Москве в 1713 г. и приступить к расходованию китайских товаров, но дальнейших данных об этом у меня нет, и неизвестно насколько был прибылен этот караван и вообще его размеры.

Согласно же А. Семенову, Худяков вывез мехов (отпуск 1710 г.) в Китай на 200.000 рублей³⁾.

65 недопесцов голубых и норников, 14.201 белка, 463 горносталя—на 1955 р. 12 а. 2 д. Из конфискованных „пожитков“ бывших якутских воевод стольников Юрья и Мих. Шишкиных взято: 1 одеяло соболье пластинчатое без крышки—180 р. 6 соболей в косках—25 р., 1 соболь с хвостом без пупка—3 р., 3 соболя пластинчатых без хвоста—7 р., 5 одеял лисьих—22 р., парка соболя пластинчатая якутская короткая—35 р., 2 меха лисьих лапчатых красных—12 р., 8 мехов лисьих хребтов красных—82 р., мех и пола лисьи лобковые красные—7 р., 24 лисицы красных—10 р., 14 хребтов лисьих красных—11 р., 8 одеял песцовых белых—44 р., 8 мехов, 4 полы песцовых, недопесцовых и лапчатых песцовых белых—46½ р., 7 мехов рысьих хребтовых—56 р., 2 меха 3 лоскута рысьих лапчатых—35 р., 19 песцов и 10 хребтов песцовых белых—2 р. 30 а., 22 рыси поротые и без голов—25 р., 2 одеяла белых хребтовые—3 р., 900 белки плохой—2½ р., 100 горностаев—7 р., 27 мехов белых хребтовых и черевых—32 р. 30 а. И всего енисейской и мангазейской ивзято у Ю. и М. Шишкиных вышеписанной мягкой рухляди принято по цене на 5.488 р. 18 а. 4 д.; да еще к тому же комиссар принял покупную рухлядь (куплено в Мангазее и Енисейске); 697 песцов белых, 900 белки, 2 рыси, 1 лисицу чернодущатую, 124 горносталя, 8.000 белки, всего на 252 р. (Подпись: комиссар купечеств Петр Худяков).

Моск. Архив Мин. Юстиции, Сиб. Приказ, книга 973, л. л. 91—92. „Роспись ценовая пожиткам“ (состоящим из мехов) воевод Шишкиных оценила их всего на 648 р. 26 а. 4 д., и все они были отданы Худякову под расписку. Л. л. 87-90.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, портф. Баснина, II, д. 60, „Летопись губ. гор. Иркутска“.

²⁾ Там же, Летопись Иркутска, упоминая, что Худяков прибыл в Иркутск из Китая в 1712 г., продолжает называть его по-старому „купчиной“, а не „комиссаром“ Китайская Грамота 9 июня 1712 г. изд. в выдержках в материалах G. Cahen, „Histoire...“, р. XL, 105.

³⁾ А. Семенов, „Изучение историч. сведений о росс. внешней торговле и промышленности с половины XVII ст. по 1848 г.“, ч. III, Пет., 1859 г., с. 197.

ГЛАВА VII.

Караван Осколкова 1711—1714—1716 г.г.

В 1711 г. была выдана 4 июля¹⁾ проезжая грамота купчине Григорию Афанасьеву Осколкову с товарищи²⁾. Этот караван, однако, задержался в Москве на год, потому что, по справке 1715 г. в тобольской канцелярии: „Григорий Осколков отпущен (с Москвы) в 712 г.“³⁾. В 1713 г. купчина Гр. Осколков с караванной казной Прибыл в Иркутск и в том же 1713 г. отправился дальше в Китай⁴⁾. Когда он проезжал через Нерчинск, он получил в Нерчинске (1713 г.) в жалованье 4 плохих соболя⁵⁾.

Летом 1714 г. караван Осколкова должен был уже отправиться в Пекин, где пробыл почти 4 месяца, на всем готовом, т. е. на содержании китайцев. Особенно удачно были проданы карманные часы с драгоценными камнями. Здесь Осколков опять домогался от китайцев разрешения на пропуск в Китай караванов не в 200 человек, как раньше бывало, а вдвое больше—до 400 человек, потому что русских товаров бывало много и было большое число сопровождавших их, но китайцы на это не согласились, а только опять разрешили, если будет очень много товаров, пропустить сверх двухсот лишь 20 человек, а если не много, то, „согласно прежнему положению, пропустить не больше, как только 200 человек“⁶⁾.

На возвратном пути караван лишился своего „купчины“: „Осколков, идучи из Китая, помер“, так что караван прибыл в Иркутск без него. Еще раньше, 9 апр. 1715 г., из Москвы приехал в Иркутск князь Ал. Долгорукий для разных дел и отбыл дальше, за Байкал, навстречу этому каравану. По прибытии в Иркутск караванной казны, она в том же 1715 г. была отправлена из Иркутска в Россию и двумя партиями прибыла в Москву: 26 декабря 1715 г. и 2 января 1716 г.⁷⁾

Отсюда следует, что расход привезенных этим караваном китайских товаров производился уже в 1716 г., но об этих операциях, как и о том, какие товары были ввезены и вывезены из Китая и как удачно торговал караван в Пекине,—у меня не имеется сведений.

ГЛАВА VIII.

Караван Гусятникова 1714 — 1716/7 — 1719 г.г.

8 февраля 1714 г. был отправлен в Китай с казенной пушиной „комиссар купечеств Михайло Яковлев сын Гусятников“. Мих. Гусятников еще в 1705/6 г. путешествовал в качестве това-

¹⁾ У Бантыш-Каменского, „Диплом. собр. дел между Рос. и Кит. госуд.“, с. 75, ошибочно сказано 4 „марта“ 1711 г.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 6 а, д. 1704—1711, № 1. В тексте этой грамоты, впрочем, было первоначально написано, что послан в Китай для торга „над купечеством комисар Петр Радиоивич сын Худяков с товарищи“, но потом фамилия П. Р. Худяков была зачеркнута и сверху приписано другим почерком: „Григорию Афанасьеву сыну Осколкову“.

³⁾ „Памятники сибирской истории XVIII в.“, П., 1885 г., кн. II, с. 64—66.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел, портфель Баснина, II, дело 60, „Летопись губ. гор. Иркутска“.

⁵⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. дела, нерч. кн. № 1591, л. 174 об.

⁶⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел., Снош. России с Китаем, письма 1704—1717 г.г., д. 39. Издано в выдержках у G. Cahen, „Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre Grand (1689—1730)“, Paris, 1912, приложения, XL—XLI, 105—106.

⁷⁾ Там же, портфель Баснина, II, д. 60, „Летопись губ. гор. Иркутска“.

рища купчины Осколкова в Китай и таким образом уже был знаком с китайским рынком.

Комиссар и целовальники не получали жалованья, но зато Гусятникову было дозволено „на питание ему“ провезти в Китай беспошлинно своих товаров на 3.500 р., а также беспошлинно вывезти возвратные (т. е. китайские) товары. Целовальники же имели право провезти беспошлинно через Верхотурье товаров на 2.000 р., а через Селенгинск беспошлинно же провезти товаров только на 1.000 р. и на 1.000 же беспошлинно вывезти из Китая китайских товаров, а что сверх того, то с этого приказано брать десятину товаром¹⁾.

В сентябре, 1 дня, 1715 г. М. Гусятников прибыл в Иркутск и лишь во второй половине следующего 1716 г. отправился в Китай²⁾. Лето же 1716 г. Гусятников провел в Селенгинске, где к нему присоединился известный потом швед Лоренц Ланге, которого Петр I послал сопровождать английского врача, отправленного им в Пекин к китайскому императору.

В Пекин караван прибыл 11 ноября 1716 г. и после 28 августа 1717 г. выехал отсюда³⁾. Вместе с Гусятниковым прибыл в Пекин и караван Надеина, и Чулков сообщает, что Гусятников нарочно задержал Надеина, вследствие чего оба эти каравана пришли в Пекин одновременно, производя соперничество, умножение и удешевление товаров⁴⁾. Но какова была именно стоимость казенных товаров, каковы были его обороты, об этом у меня не имеется материалов. Сохранилась только сказка М. Гусятникова 1717 г. о пекинских ценах на русские товары, по каким он продал меха в Пекине и по каким он покупал китайские товары⁵⁾. Лишь из китайских источников нам известно, как торговал Гусятников в Пекине в 1717 г., потому что 10 окт. этого года китайцы послали в Тобольск к князю Гагарину грамоту, ставя русским ограничения в их торговле в Китае. Из этой грамоты 1717 г. узнаем, что в Китай приезжали не только караваны упомянутых нами выше купчин и комиссаров, но и другие лица, которых тобольский губернатор (а может быть и другие сибирские правители) отправлял с государственной перепиской или под ее видом (с письмами) к китайским властям, при чем такие посланцы всегда везли товары и сопровождались известным количеством людей. Этот обычай сочетать государственные дела с торговыми или, скорее, наоборот, торговые дела прикрывать государственными поручениями, как мы раньше видели, был глубоко вкоренен в практику сибирских воевод, и русское правительство много раз строго запрещало это делать, требуя, чтобы всякая посылка кого то ни было в Китай непременно исходила бы из Москвы, именно из Сибирского Приказа. Но на деле, как явствует из этой грамоты, этот приказ не исполнялся, и князь Гагарин, следуя старинной привычке своих предшественников, сибирских воевод, продолжал применять ту же систему: торговать под видом дипломатии. Китайцы поэтому и различали два рода русских торговых посылок: 1) „знатное“ (или „большое“) купечество, т. е. когда приезжал государственный караван,

1) „Памятники сиб. истории XVIII в.“, кн. II, с. 34—35, № 10 (списки Иркутского, Илимского, Баргузинского и Верхотурского архивов, акт № 83).

2) „Летопись губ. гор. Иркутска“, Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфель Баснина, II, № 60.

3) G. Cahen, „Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand“, Paris, 1912 p., 107—108, 178.

4) М. Чулков, „Историческое описание Рос. коммерции при всех портах и границах от древних времен...“, СПб, 1781—1788 г., т. VII, с. 74.

5) Бантыш-Каменский, „Дипл. собр. дел...“, с. 512.

посланный непосредственно из Москвы, с большим количеством товаров и соответственным числом обслуживающих этот караван людей, и 2) „малое“ купечество, когда приезжали с „письмами“ торговые люди (китайцы тоже называли их „купчинами“) от сибирского начальства и привозили для торговли товары, но уже в малом количестве и с меньшим количеством сопровождавших их людей. Так, в 1717 г., когда Гусятников уже выехал из Пекина, тобольский губернатор кн. Гагарин послал с „письмом“ Василия Ифина, поручив ему товары и дав ему в помощники 30 человек. Как следует из китайской грамоты, кн. Гагарин в „письме“ сообщал, что эти товары отданы Ифину „по указу его ц. в-ства“, т. е. как будто этот караван исходил от Москвы, но у нас нет данных этому доверять, и можно полагать, что все это исходило, главным образом, от Гагарина.

Как бы там ни было, но „купчина“ или „от купчества управитель“ Ифин, как его именует китайская грамота, явился с 30 людьми и с товарами в Китай, с просьбой принять его в Пекин, предоставив ему подводы и провожатых, по заведенному обыкновению. Китайцы навели справки и оказалось, что последний русский комиссар (т. е. Гусятников) плохо торговал в Пекине потому, что никто из китайцев не платил наличными, а все брали в долг, а потом комиссар требовал, чтобы китайские чиновники заставили должников уплатить деньги. Все это вызывало споры, и поэтому китайцы решили, что, если русские захотят давать свои товары в долг, пускай дадут, но пускай сами потом требуют от своих должников уплаты денег, и китайское правительство не будет препятствовать в этом комиссару. Если же купчина и при таком условии не найдет себе покупателей, то он должен отвезти свои товары обратно в Россию. При этом русские не должны больше посылать в Пекин караванов, „разве по прошествии нескольких годов“. Обо всем этом и было написано в Россию через упомянутого комиссара (Гусятникова).

Далее, в той же китайской грамоте сообщается, что в предыдущие годы, т. е. до 1717 г., часто приезжали в Пекин не только казенные караваны („знатные купцы“), но и отдельные лица с разными поручениями („для общих дел с письмами“) и при этом, „хотя с малым купечеством“, но зато безпрестанно приезжали, и все привозили меха. Между тем китайские провинции тоже промышляли пушным промыслом, и поэтому сами китайцы своих „довольно мехов имели“, по причине чего и сам Гусятников уехал из Пекина, не сыскав себе покупателей. А тут вдруг еще приехал Ифин с мехами. Китайцы хотели отослать его обратно, но, так как он имел бумаги от Гагарина, то разрешили ему торговать на границе („в границах“) ¹⁾. Однако они обещали в будущем людей только „с большим купечеством“ (т. е. казенные очередные караваны) принимать по-прежнему через Калган в Пекине, а тех лиц, которые „приезжают с письмами или для отправления малого купчества“, как писали китайцы русским, „извольте оных посылать чрез Нибтшу (Nibtschu) до Тизикару (Tsitskar), где оные купечество отправлять имеют..., понеже в Тизикаре и в окрестных местах тако ж многое число купцов обретается“. Таким образом, пограничные жители освобождались от излишних тягот по доставке лошадей и фуража для русских в Пекин, тем более, что в самом Пекине было „мало охотников“ покупать русские меха. Тем не менее и те русские, которые будут приезжать в Цицикар, должны иметь удостоверение от Гагарина.

¹⁾ Русский перевод сделан с латинск. текста этой китайской грамоты.

Таково содержание этой интересной китайской грамоты, посланной в Тобольск через Ифина. Она была написана 10 октября 1717 г. и послана одному хану, который должен был сыскать на границах еще бывшего там Ифина и передать ему эту грамоту для вручения Гагарину¹⁾. Этот Ифин есть никто иной как Иванов, фамилию которого китайцы переделали по-своему. Он, таким образом, так и не был в Пекине, и поэтому справедливо „Летопись губ. города Иркутска“ сообщает, что в Иркутск прибыл в 1717 г. (месяц не указан) „с казной“ „купчина“ Василий Иванов и в том же году для торгу отправился из Иркутска в Мунгалы в Ургу, а в Китае не был²⁾.

Слова летописи, что Василий Иванов (= Ифин) „в Китае не был“, а только в Урге, вполне совпадают с выражениями вышеприведенной грамоты, что Ифину разрешено торговать „в границах“, т. е. в провинциях Китая, а потом и даже на самой границе³⁾.

Таким образом, из вышеприведенной китайской грамоты 10 октября 1717 г. в общем узнаем, что русская торговля в Китае не ограничивалась только казенными большими караванами, но и более мелкими и, несомненно, частными, проникающими под разными видами в Китай, как это было и в XVII ст. Итак, строгости, особенно введенные с 1706 г., постепенно ослабели, и китайский рынок стал наводняться в большом количестве русскими мехами. Китайцы пытались стеснить пребывание русских в Пекине, предлагая в 1717 г. (октябрь) вышеуказанной грамотой мелким купцам торговать в Цицикаре, т. е. стараясь перенести торговлю к границам. Из дальнейшего увидим, чем окончились эти попытки.

В декабре 1717 г. караван Гусятникова находился в Селенгинске, и со всех его участников тогда были взяты тут пошлины иркутским таможенным надзирателем Ф. Клепиковым⁴⁾. Сам иркутский воевода Ракитин выехал за Байкал для принятия каравана Гусятникова и, согласно приказанию кн. Гагарина, взял у него золото и другие вещи, за что впоследствии Гагарину была „голова отсечена“. Из Петербурга в марте уже следующего 1718 г. прибыл в Иркутск поручик Иван Невельский и направился за Байкал встречать этот караван. В июле он вернулся в Иркутск с караваном и „купчиной“ Гусятниксым и в том же июле (1718 г.) отбыл с казной в Россию⁵⁾.

Караван Гусятникова должен был прибыть в Москву только в следующем 1719 г., и, несомненно, к этому каравану относится доне-

¹⁾ Отрывок из грамоты приведен у Бантыш-Каменского, с. 82, но с иным текстом, чем имеющийся у меня.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфель Баснина II, № 60.

³⁾ Поэтому Бантыш-Каменский („Диплом. собр. дел..“, с. 81) ошибочно сообщает следующее: „В начале 1717 г. отправлен в Пекин в комисарах купчина Василий Ифин с тридцатью человеками для купеческого промысла. Он не мог сыскать там купцов на свои товары, а поэтому в назначенное время выслан был для продажи оных на границу“.

G. Saheu, делая выписку из „Летописи губ. гор. Иркутска“, переводит ее так: „et la même année il partit pour son commerce Mongolie, a Ourga, mais il ne fut pas en Chine“. Но в подлиннике, согласно нашим выпискам, сказано, „для торгу“, а не „для своего торгу“, что совсем меняло бы смысл фразы и давало бы повод считать, что В. Иванов отправился торговать своими товарами, что, может быть, в действительности отчасти и было так, но что вовсе не вытекает из данного текста. (Histoire des relations de la Russie avec la Chine...“, p. 111, 2).

⁴⁾ М. А. М. Юст., книга Иркутского разряда № 1596, л. 1—29 и др., „1717 г., сентября 17, книга записная“ пошлин при выходе из Китая купчины М. Гусятникова.

⁵⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфель Баснина II, д. 60, „Летопись губ. гор. Иркутска“.

сение французского консула Лави, который в марте 1719 г. сообщал своему правительству: „Получены известия, что в Москву прибыл китайский караван с богатыми товарами, и его ц. в-ство желает, чтобы на будущее время караваны эти направлялись прямо сюда (в Петербург), не останавливаясь нигде, что должно значительно увеличить с.-петербургскую торговлю“¹⁾.

Сведений о материальной стороне каравана Гусятникова, как и за предыдущие караваны, не имеется в моем распоряжении, и можно только отметить участие в этом государственном караване частного капитала. Но и само правительство еще до этого не имело соответствующих данных за прошлые караваны и не могло надлежащим образом разобраться в их экономической сущности. Поэтому 17 февраля 1717 г. состоялся указ доставить из Енисейска в Тобольск ведомости о купчинах, отпущенных в Китай с товарами за время губернаторства кн. М. Гагарина²⁾.

К тому времени строгости казенной торговли ослабевают. В 1709 г., как выше сказано, было запрещено ездить в Монголию с товарами и даже без товаров, но в 1714 г. кн. Гагарин дозволил пропустить „купеческих людей по челобитью их для торгу в Мунгальскую землю в Ургу с объявлением товаров и платежом пошлин“³⁾. Сохранившиеся же данные о частных оборотах последнего государственного каравана подтверждают, что русские люди умудрялись с казенным караваном проникать в Китай и там торговать, под видом целовальников, служилых и работных людей каравана. Таможенные правила 1713 г. кн. Гагарина, статьи и указ его иркутскому таможенному надзирателю (= голове) Ф. Клепикову (в 1717 г.) доказывают, что торговые люди ходили в Китай, Монголию, Манджурию и с них собирали пошлины⁴⁾. Если их что ограничивало в проезде в Пекин, то, очевидно, только невозможность попасть в штат казенного каравана, обусловленного 200 человек, а поэтому они, вероятнее всего, старались проникнуть с ним под видом целовальников, провожатых (служилых) и работных людей, и указания на такие приемы со стороны торговых людей находим в документах⁵⁾. Поэтому указ Гагарина требует от таможи непременного взыскания со всех участников каравана следуемых с них пошлин за их личные товары.

1) Сборник Импер. Русского Историч. Общ., т. 40, с. 21, 22.

2) „Сколько купчин было отпущено при нем в Китай и с которым купчиною и из которого города сколько было отпущено каких товаров, денег, также и другой мягкой рухляди и на сколько по цене?“ „А по справке с Тобольской канцелярией отпущено было купчин...“

Григорей Осколков отпущен с Москвы из Сиб. Канцелярии в 703 г., возвратился в 706 г.

Петр Худяков отпущен в 706 году.

Иван Саватеев отпущен в 708 г.

Петр Худяков отпущен в 709 г.

Григорей Осколков отпущен в 712 г.

Михаил Гусятников отпущен в 714 г.“

Енисейский воевода должен был составить об этом подробную ведомость. „Памятники сибирской истории XVIII в.“, кн. II, с. 64—66, № 21 (Енисейская кн. 5, акт № 84, л. 161).

3) „Памятники сиб. ист. XVIII в.“, кн. II, с. 367—368, № 80 (Красноярская кн., акты № 144 и 145).

4) Моск. Арх. Мин. Юст, кн. Ирк. разряда № 1596, таможенные статьи Гагарина, л. 30—37.

5) Напр., один сольвычегодец со своими товарами из Селенгинска пошел с караваном Осколкова в 1704 г. в Пекин в качестве провожатого (вместо одного иркутского служилого). Моск. Арх. Мин. Юст, Сиб. Пр., столбец 1055.

Остановливаясь подробнее на частном капитале исследуемого казенного каравана, видим, что он был значительным. Комиссар Мих. Гусятников, отправляясь в Китай, привез в 1716 г. в Селенгинск много своего личного товара, именно оплаченные пошлиной меха (платежная рухлядь) по двум тобольским выписям и еще купленные им на неявленные деньги 19.800 нерпечьих (тюленьих) кож. Эти кожи в Селенгинске были оценены в 5.640 р., и согласно статьям 1717 г., по выходе Гусятникова из Китая, с него было взято (в декабре 1717 г.) за неуплаченную явку денег — 10% и за перекуп кож 10%, т. е. всего „десятой вдвое“ — 1128 р. В счет 1.128 р. у него было взято 300 тюней китайки, по 3½ р. тюнь, так что в общем вышло, что он уплатил тюнями на 1050 р., а деньгами 78 р. 60 к.

С привезенных же Гусятниковым китайских товаров у него взято по статьям 1717 г. десятой двое: за отпуск в Китай и вывоз из Китая, как видно из нижеследующей таблицы:

Таблица личного привоза Гусятникова 1717 г. 1).

	У Гусятникова было полных десятков	Взято с них 20%	Полученная селенгинская оценка в руб.	Общая стоимость вывезен. товаров по селенг. оценке в руб.
Голей	435 поставов	87 пост.	13	5.655
Камок штиланых	55 „	11 „	8	440
Камок пятиланых	445 „	89 „	4	1.780
Байбереку	5 „	1 „	5	25
Канф	60 „	12 „	7	420
С метлеками (шелков.)	15 „	3 „	13	195
Атласов штиланых	25 „	5 „	6	150
Камок и атласов разн. р.	35 портиц	7 „	8	280
Стамеди	1465 шт.	293 шт.	½	732½
Флеров	15 „	3 пост.	4	60
С травками золотыми	20 поставов	4 „	13	260
Усов	90 „	18 „	6	540
Крышки одеяльной	5 „	1 „	12	60
Китайки тюневой	2452 тюня	490 т. 4 конц.	3½	8.582
Также товаров или дру- гих, но недостающих до полного десятка, по оценке на	272 р.	54 р. 40 к.		272
Итого на 3.890 р. 30 к.			Итого на 19.451½ р.	

1) Таблица эта составлена мной на основании следующих данных Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Пр., книги Иркутского разряда. № 1596 (1717 г.).

На л. 1 — 29 имеется: „1717 г., сентября 17, книга записная в г-я селенгинскому таможенному збору при выходе из Китая купчицы Михаила Гусятникова при бытии в Селенгинску Иркутской таможни надзирателя Федора Клепикова, с кого имяни взято будет пошлин и то писано ниже сего“. На 9 л. этой записной книги, с указанием на месяц декабрь (но числа нет), идет перечень, что взято у комиссара Гусятникова с его вывозного из Китая товара, „по статьям 1717 г. десятой двое за отпуск в Китай и вывоз из Китая“; далее следует перечень этих 20% пошлин с подписью: „Взято. Мих. Гусятников“. С неполных десятков было взято деньгами по селенгинской оценке, при чем селенгинская оценка тюневой китайки обозначена по 3½ рубля тюнь („настоящая цена“). Потом идут записи (л. 2 — 3 и после л. 9) с ценовальников и казенных работных людей. Итогов книги нет.

На л. 63 об.—64 помещена ведомость: „30 дек. 17 г. в казну, по доношению иркутских таможенного надзирателя Федора Клепикова с тов. десятинного збору в Селенгинску по выходе из Китая комиссара купечества Мих. Гусятникова и

Таким образом, сам Гусятников вывез из Китая своих товаров на сумму 20.000 р.

Этот общий подсчет можно считать приближающимся к истинному, но рискованнее посредством таких косвенных выкладок делать заключение об относительном количестве вывезенных родов товаров, потому что при сборе пошлин могли брать разными товарами, особенно если речь шла об уплате за вывоз 10% или за перекуп мехов тоже 10%, раз они своевременно не были уплачены. Например, Гусятников вывез в Китай до 20 тыс. нерпечьих кож, купленных им на неявленные деньги, и за это он должен был, при выезде из Китая, уплатить эти 20% (за неявку денег 10% и за покупку кож 10%) в размере 1.128 р., и в эту сумму таможня взяла у него 300 тюней китайки тюневой (на 1050 р.), а деньгами 78 р.¹⁾ Но если считать, что указанные в таблице две десятые (20%), как сказано в источнике, взяты с полных десятков, то можем сделать заключение, что Гусятников привез больше всего (до 45% вывоза) китайки (как товар более дешевый и легче раскупаемый населением), на значительно меньшую сумму — голей (шелковых материй, как товар дорогой, до 30%), байбереков (до 10%) и т. д.

Другие участники каравана, т. е. целовальники и работные люди, тоже вывезли из Китая своих личных товаров, и с них тоже было взято „с вывозных их товаров китайских с неполных десятков и за явку денег и за перекуп мягкой рухляди“ деньгами и с полных десятков товарами 20%. Исходя из данных этого сбора со всех участников каравана, получим следующую картину вывоза этим караваном частных товаров (см. табл. на след. стр.).

Из приведенной таблицы заключаем, что с товаров было взято всего до 11.000 р. двух десятых пошлин, но в действительности должно было быть больше, потому что в таблице не учтено, как замечено мною в примечании, количество тюневой китайки, а также некоторое количество оберточных китаек, 1 даба и 3 самцев. Также не все товары, привезенные из Китая поименно попали в эту таблицу; так, например, сам Гусятников вывез ценную посуду, один работник привез 3 пуда бадьяна, другой привез китайской мелочи (на 5 р.),

при нем с целовальников и с работных людей с вывозных их товаров китайских с неполных десятков и за явку денег и за перекуп мягкой рухляди денежной казны в наличие 579 р. 9 а. 2 д. да товаров:“ и дальше идет общий перечень товаров по родам их, с указанием их поштучной цены.

То же самое буквальное перечисление товаров с ценами их видим и на л. 423 об. — 424: „цена караванного збору“. Книга расходная денежной и в г. казне 1717 г. с генв. с 1 числа“ (по 1 янв. 1718 г.) г. Иркутска и его разряда — л. 308 — 424; и тут имеется общий итог: Всего с 1 янв. (1717 г.) по 1 янв. 1718 г. в расходе денег в Иркутске 30.700 р. „... (истлело)... цать один алтын одна деньга“ да товаров по цене на 12.841 р. 10 а., а после расходов осталось от 1717 г. на 1718 г. — 7.336 р. 14 а. 5 д. и товаров по ценам: „караванного збору“ (идет перечень товаров, известный уже нам, с обозначением цены), „итога по цене караванного збору на 10. (? 48 р.“ (цифру сотни нельзя разобрать). Дальше бумага истлела и нет последних листов.

В приводимой мною таблице привоза Гусятникова сбор двойной десятой (20%) приведен с л. 9 и след., цены товаров — с л. 63 — 64, и только цена тюневой китайки указана мной из других листов (с л. 9 и сл., л. 22, л. 52), так как на л. 64 об. имеется только упоминание о китайках одиночных, конец которой обозначен в 1 руб. (если же тюневой китайки тюнь стоил 3½ р., то конец тюневой китайки стоил 3½; 10 = 35 к.).

Данные же рубрики, сколько Гусятников привез из Китая товаров и их общая стоимость, выведены уже лично мною посредством умножения размера взятой двойной десятой на 5 (20% = 1/5 данного товара), а уже полученного количества — на цену их.

¹⁾ Там же, л. 9 и сл.

Таблица частного вывоза каравана в 1717 г. 1).

Товаров в полных десятках	Комиссар Гусятни- ков	Целоваль- ники и ра- ботн. люди	Все уча- стники каравана	Со всех их взято 20%	Цена селен- гинская, штука, Рублей	Стоимость взятых в 20% това- ров. Рубл.
Голей поставов	435	670	1115	221	13	2873
Канф-голей травчатых, по- ставов	—	55	55	11	12	132
Канф разных рук, пост. . . .	60	60	120	24	7	168
Камок семилан., пост. . . .	—	135	135	27	8	216
Камок и атласов семилан- ных большой р., постав	35	10	45	9 ²⁾	8	72
Комок штиланых, пост. . . .	55	20	75	15 ³⁾	8	120
Атласов штиланых, пост. . . .	25	35	60	12 ⁴⁾	6	72
Камок пятилан., пост. . . .	445	2755	3200	640	4	2560
С травками золотыми, п. . .	20	—	20	4	13	52
С метляками шелк, пост. . .	15	—	15	3	13	39
Камка больш. руки, пост. . .	—	5	5	1	12	12
Камок „лянхо“	—	15	15	3	12	36
Камок разн. рук, пост. . . .	—	90	90	18 ⁵⁾	8	144
Камок, атласов и байбере- ков разн. рук, поставов	—	185	185	37 ⁶⁾	8	296
Байбереков, пост.	5	108 ⁵	1090	218	8	1744
Бархатов, шт.	—	27 ^{1/2}	27 ^{1/2}	5 ^{1/2}	7	38,5
Усов, поставов	90	675	765	153	6	918
Флеров, шт.	15	10	25	5	4	20
Стамеди, шт.	1465	—	1465	293	1/2	146,5
Шпалеров, поставов	—	10	10	2 ⁷⁾	30	60
Крышки одеяльной, пост. . .	5	—	5	1	12	12
Завесы, шитые шелком, шт.	—	10	10	2	30	60
Шелка сканного	—	20 фун и 10 гин.	20 фун и 10 гин	4 фун и 2 г.	3	18
Китайки тюневой, тюней . .	2452	?	2452 + ?	490 т. 4 к. + ?	3 ^{1/2}	1716,4 + ? р. 8)
Китайки одной, концов	—	1280	1280	256	1	256
Бобра, шт.	—	20	20	4	4	16
Жемчуга половинчатого ра- ковинного, зерен, в ты- сячах	—	1485 т.	1485 т	297 т.	1	297
Тех же товаров или дру- гих, но не достоящих до полного десятка, по оценке на	272	2624 р. 25 к.	2896 р. 25 к.	579 р. 25 к.	—	579,25
Итого на						10.957 р. 25
(а считая с китайкой тюневой						12.673 р. 65
						+ ? рб.)

1) Эта таблица составлена на основании тех же данных книги № 1596, что и предыдущая, и эти данные помещены в рубриках: „Со всех взято 20%“ и „Цена“, а первые три рубрики и последняя выведены мною косвенным путем из этих данных и сбора с Гусятникова.

2) 9 поставов большой руки разбивных, „в том числе 1 разбивной малой руки“.

3) „в том числе 1 атлас“.

4) „в том числе 1 разбивной (постав)“.

5) „в том числе 2 канфы большой руки“.

6) поставов и в портищах (в том числе 5 атласов разбивных), по 8 руб. постав.

7) 2 постава кос шпалеров (л. 63 об), а на л. 424 просто написано: „2 постава шпалеров“, т. е. слово „кос“ опущено.

8) Относительно китайки в моих архивных выписках—какая-то невязка которую я лишен возможности в настоящее время выяснить, сверившись с

третий—махавки (веера) и т. д., но со всех этих товаров было взято деньгами, и они должны войти в счет тех товаров, с которых было уплачено деньгами 579 р. 25 к. (Интересно отметить, что никто не привез чая). Тем не менее, выведенный мною итог пошлин в 10.957 р. 25 к. (если отнять из него еще 579 р. 25 к. пошлин полученных деньгами) приближается к единственному известному мне архивному итогу караванных товаров, но при этом дефектному, „итога по цене (товаров) караванного збору на 10.(?)48 рублей“¹⁾.

Если же мы, согласно указанным возможностям, будем считать (присоединяя сюда и тюневую китайку) весь сбор с этого каравана в общем до 13.000 руб., то можно сделать вывод, что с означенным государственным караваном было привезено из Китая частных товаров приблизительно на 65.000 рублей²⁾. В виду же того, что Гусятников имел право вывезти беспошлинно товаров на 3.500 р., а целовальники по 1.000 р., эту сумму нужно еще увеличить. Предполагая же, что этот караван вывез в Пекин государственных мехов, сколько и предыдущие караваны, на 150—200 т. р., то участие капитала в этом караване следует признать значительным: около 40%.

подлинниками. Дело в том, что на л. 9—29 при перечне взятой у Гусятникова в счет двух десятых товаров сказано (как у меня записано в моих выписках): 490 т. 4 конца китайки тюневой, а на л. 64 об., где указан тот же сбор со всех (в том числе и с Гусятникова) участников каравана, сказано (как записано у меня): „256 концов китаек одиновых, конец 1 р. Да товарах в обертках на тюках—2 тюня 7 концов китайки тюневой, 1 даба, 3 самцы“ (эти оберточные материи я не внес в таблицу).

Таким образом, здесь совсем не упомянуты тюневые китайки, а только одиновые, а между тем это имеет большое значение на определение стоимости вывоза, и ошибка ли это в документе или недочет в моих архивных выписках,— я не могу теперь выяснить.

Несомненно только, что тюневых китаек участники каравана привезли много, и таможня должна была много собрать их в счет пошлин с этого каравана. Так, я выше уже указывал, что с самого Гусятникова в счет неуплаченных пошлин за явку и перекуп было взято (за вывоз из Сибири нертечьих кож)—300 тюней китайки тюневой (по $3\frac{1}{2}$ р. тюнь), за привоз из Китая китаек—490 т. 4 к.: с одного казен. целовальника взято 121 т. 3 к. (с 606 тюней 3 концов) за вывоз (из Китая), а за явку денег и перекуп с него же—54 т. 3 к. (л. 1); у одного казенного работника—2 т. 8 к. и т. д.

Цена (по селингинской оценке) тюня тюневой китайки в „записной книге“ 1717 г. указывается везде $3\frac{1}{2}$ р., почему я и выставил ее в рубрике цен (а цена одиновой китайки—за один конец—1 р. выставлена на л. 62 об.). Сам же Гусятников в своей „сказке“ о ценах в Китае (в 1717 г.) писал, что „китайскую камку они брали по 3 и по 5 руб. косяк, понеже она разных видов суть. Тюнь китайки по 3 рубля и меньше, смотря по товару“. (Бантыш-Каменский, приложения, с. 512; косяк = постав).

¹⁾ Цифра сотен не ясна, см. об этом предыдущее примеч. 1 на стр. 21—22. Этот итог приведен в „Книге расходной денежной и в. г. казне 1717 г. с генв. с 1 числа“ (по 1 января 1718 г.) г. Иркутска и его разряда, в которой при подитоживании говорится сколько денег и товаров было в расходе в течение 1717 г. и сколько их осталось на новый 1718 г., а так как с каравана пошлины поступили в казну 30 декабря 1717 г., по донесению Клепикова, т. е. в самом конце года, они, очевидно, если не целиком, то почти все, еще не были израсходованы и остались на 1718 г., почему и говорится об этих товарах, что они „караванного збору“, и дальше идет перечень тех же караванных товаров (л. 423 об.—424), что и раньше (л. 63 об.—64) в другом месте книги. Впрочем, Клепиков вносил в иркутскую казну таможенные сборы Селенгинска в разные сроки; так, 1 авг. (л. 52) прислал из Селенгинска в Иркутск десятиного таможенного сбора этого 1717 г. 54 тюня китайки тюневой, ценою тюнь по $3\frac{1}{2}$ р. 2(?) постава камок пятиланых по 7 руб. постав, всего тех и других по цене на 196 р. (очев. $54 \times 3\frac{1}{2} + 1 \times 7 = 196$ р.). Но эти сборы не были с каравана Гусятникова, так как он тогда еще был в Китае.

²⁾ В какой степени этот вывод приближается к действительности, за невозможностью более детальной разработки всего архивного материала, относящегося к данному каравану, я не решаюсь утверждать.

Поголовных пошлин с участников каравана было взято 78 р., т. е. с тех лиц, которые везли свои личные товары ¹⁾. Отсюда делаем другой вывод, что, если состав каравана доходил до 200 чел., то только 120 чел. не имело своих товаров и ехало в Пекин лишь по чисто служебным караванным делам, а остальные производили и свои личные торговые операции.

ГЛАВА IX.

Караван Истопникова 1718—1721/2—1723 г.г.

Сибирский губернатор кн. Черкасов 29 июля 1718 г. послал в Москву донесение, что в Китай по указу Петра I послан дворянин комиссар Федор Степанович Истопников, целовальник Петр Лобашков, „а при нем послано несколько товаров да пять человек рабочих людей“. Истопников имел рекомендательное письмо от иркутского ландрата Степана Ракитина ²⁾.

История этого каравана не совсем ясна, вследствие отрывочных данных, которые имеем о нем.

Новый караван (Истопникова) в 1719 г. уже находился на границе, готовясь двинуться в Пекин, но оттуда не приходило разрешения на пропуск.

Китайцы, наоборот, прислали лист, писанный в 58 г. царствования Кан-Хи (Кан-Си), IV луны, 16 дня (= 3 июня 1719 г.) на имя сиб. губернатора кн. Гагарина, в котором заявляли, что хотя они послали принять Истопникова, и он прибудет в Пекин, но он потерпит убытки, так как никто у него не купит ничего, потому что китайцам сейчас не нужно русских товаров, и пускай лучше русские торгуют на границе. В общем в этой грамоте китайцы просто отказали принять Истопникова. В ней китайцы сообщали, что раньше много русских торговало в Китае, и китайцы в дороге провожали и кормили их, но теперь в Китае „не только имеем в мякотном товаре довольство“, так как не только сами китайцы много промышленляют на границах звериной охотой, но и „повсегодно корабли европейские приходят в Кантон, Фаукиен и в другие сим подобные морские порты со всякими различными вещами“, отчего никто и не покупает русских мехов. К тому же в Китае тепло, так что не нужно носить шуб, и только богатые и знатные покупают меха, но русские берут с них очень дорого; кроме того, русские скрывают от двора богдыхана лучшие меха и тоже требуют от него очень дорого, а вместо этого продают свои меха в долг бедным купцам, требуя потом возвращения долга; бедные же купцы не имеют чем уплатить, русские тогда заводят ссоры, и китайское правительство поэтому принуждено само уплачивать долги за своих бедных купцов. Раньше, когда русские купцы приезжали „через многие годы, была тишина и мир между обоими государствами“. Теперь же, если русские и придут в Пекин, то они разоряться, потому что некому будет покупать их товары, и поэтому пускай купцы остаются в Селенгинске и торгуют с близь живущими китайцами, и сами китайцы велели объявить своим купцам, „чтоб со своими товарами шли в Селенгинск

¹⁾ „да в том караване собрано поголовных пошлин с целовальников и с рабочих людей 78 р.“ (кн. № 1596, л. 64 об.).

²⁾ Моск. Главный Архив Мин. Ин. Дел, Сношения Рос. с Китаем, картон ба, д. 1718—1719 г. г.

и с вашими бы торговались“, а также, чтобы торговля совершалась через город Нерчинск („старую дороною“) ¹⁾.

Эта китайская грамота 1719 г. с отказом принимать караваны, в Пекин, таким образом, была уже третьей грамотой русскому правительству, стесняющей постепенно русскую торговлю в Пекине. О предшествующих грамотах я уже упоминал в своем месте, в главе VIII, но тут, для ясности выявления настойчивости Пекина в оттеснении русской торговли с внутренних китайских рынков на границы,—необходимо проследить по этим грамотам последовательное развитие этих домоганий Китая по стеснению внешней торговли России.

Именно, первая грамота об этом была вручена самому Гусятникову, который в 1717 г. был в Пекине и в общем торговал неудачно, потому что должен был отдавать товары китайским купцам в долг, а потом, при требовании их уплаты, не мог получить денег. Поэтому в данной ему китайской грамоте 26 августа 1717 г. ²⁾, как видно из грамоты привезенной Иффиным ³⁾, было сказано, чтобы Гагарин „впредь суды (в Пекин) купцов не присылал, разве по прошествии нескольких годов, и тогда (все-таки только) в границах наших купечество отправлять имеют“, т. е. вне Каменной Стены, и в частности не в Пекине, а в Монголии и на самой границе.

Когда в том же 1717 году небольшой караван Иффина (=Иванова) пытался пройти в Пекин, его совсем не допустили, приняли только в Ургу, а потом даже выпроводили доторговываться на границу. И Ифину тогда вручили вторую грамоту, по содержанию в общем схожую с первой. Эта грамота 10 октября 1717 г. подтверждает решение китайцев не пропускать в Пекин малых караванов, под предлогом, что в Пекине некому покупать русских мехов, а относительно больших караванов русский перевод грамоты звучит совсем не вразумительно: „и когда ваши люди с большим купечеством сюда приедут, то оным един путь учредить не оставим“ ⁴⁾.

Вообще китайские грамоты отличаются неясностью мысли, двусмысленностью выражений, и это отсутствие простоты дипломатического языка было причиной многих излишних недоразумений между обоими государствами. Плохой перевод русскими этих грамот усиливал этот недостаток, а при составлении их в Пекине, несомненно, нарочно допускалась эта туманность выражений, удобная для свободы действий при могущих измениться в будущем обстоятельстве.

Наконец, третья грамота от 3 июня 1719 г. по тому же вопросу, уже упомянутая выше, была послана из Пекина по поводу присылки на границу государственного (= „большого“) каравана Истоппникова; в ней китайцы в общем отказывались принять в Пекине этот караван, повторяя прежние доводы и желая, чтобы торговля происходила на границах ⁵⁾. Поэтому я полагаю, что Бантыш-Каменский

¹⁾ Моск. Гл. Архив Мин. Ин. Дел. Снош. Рос. с Китаем, карт. 6а, д. 1718—1719 г.г. Текст этого листа издан у Б-Каменского, с. 83—84, но он несколько отличен от наших архивных выписок. Вообще же текст китайских грамот, переведенный на русский язык того времени, не ясен и не отчетлив. Незначительная выдержка из этой грамоты по латыни у G. Cahen, „Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1683—1730)“, Paris, 1912, p. 111, 1 (упоминается также на p. 160)

²⁾ G. Cahen, p. 108, rem. 1.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел. карт. 6а, д. 1717 г. окт. 10, № 2.

⁴⁾ Там же, № 2.

⁵⁾ Бантыш-Каменский, „Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами“, Казань, 1882 г., с. 83—84.

(с. 82) ввел себя в заблуждение, говоря, что, не ведая о недопущении Ифина в Пекин и о недовольствии китайцев на частые посещения Пекина русскими караванами, комиссар Ф. Истопников в 1718 г. прибыл с казной в Пекин и был отпущен в апреле 1719 г. (с. 83). При этом Бантыш-Каменский ссылается на Ланга, который в бытность в Пекине в 1728 г. упоминает в своем журнале, что китайцы шпионили за Истопниковым, не давая ему ни шагу ступить. Означенные замечания Ланга, как увидим дальше, должны быть отнесены к более позднему времени.

Эта пекинская грамота, в связи с предыдущими, должна была доказать русским, что китайцы серьезно решились противиться посылке караванов в Китай, т. е. стремились нарушить и обойти Нерчинский договор 1689 г. Ведь, условия жизни к тому времени уже сильно изменились: Китай вел упорные войны за расширение своих пределов и чувствовал потребность точнее оформить свое отношение к России в области границ и перебежчиков.

Последняя грамота китайцев была послана, итак, в Tobольск, а оттуда 20 декабря 1719 г. ее направили дальше в Москву¹⁾. Но в Петербурге, уже на основании предыдущих двух китайских грамот, решили, что вопрос о препятствиях, столь упорно проводимых Китаем против русских караванов, серьезен и необходимо его уладить миролюбиво, в виду невозможности в то время прибегать к оружию в Азии, вследствие продолжающейся войны России со Швецией. Поэтому Измайлов (при нем секретарями были Ланге, и Глазунов) получил приказание ехать чрезвычайным посланником в Пекин и мирным путем добиться от пекинского правительства выяснения всех торговых вопросов, т. е. свободной торговли между обоими империями.

Выехав из Петербурга 16 июля 1719 г., Измайлов лишь 28 мая 1720 г. был в Селенгинске. Тем временем, по получении упомянутой выше третьей китайской грамоты о непропуске караванов в Пекин, тобольскому губернатору князю А. М. Черкасскому 7 января 1720 г. было приказано сообщить в Пекин, что еще до получения этой грамоты послан из Петербурга в Пекин посланник Измайлов, который должен выяснить все вопросы; что князь Гагарин уже смнен и вместо него назначен Черкасский; и чтобы пока было позволено отправленному из России небольшому каравану, который стоит уже на границе, по-прежнему итти в самый Пекин, тем более, что находящиеся при этом караване люди не только не учинят никакого своевольства, но ни подвод ни кормов в Китайском государстве не будут требовать²⁾. Сам же посланник Измайлов, в свою бытность в Селенгинске (28 мая—16 сентября 1720 г.) напрасно просил китайцев пропустить караван вместе с ним. Ему в этом отказали, и тогда, следуя инструкции, Измайлов лично поехал в сопровождении лишь 90 человек разрешенной ему свиты. Он только взял от Истопникова 10.000 р. на покупку в Китае вещей про обиход государя³⁾. Измайлов прибыл в Пекин в ноябре 1720 г., а караван Истопникова продолжал оставаться на границе.

Согласно инструкции, данной в 1719 г., Измайлов должен был объявить хану, что царь просит позволить русским ежегодно и безвозвратно ездить с товарами в Китай, там продавать их и покупать китайские товары (п. 8); если же хану убыточно предоставлять русским подводы и корм для переезда в пределах Китайской империи (китайцы на

1) Бантыш-Каменский, с. 83, пр. 1.

2) Бантыш-Каменский, с. 88—89.

3) Там же, с. 91.

это жаловались), то русские будут ездить на своих подводах и со своим кормом, только хан дозволил бы свободно нанимать и покупать лошадей и верблюдов на границе, а также харчи людям и корм лошадям; товары позволить продавать вольной ценою, неопределенное время и где угодно, отчего „на обе стороны может превеликая прибыль обоим государям быть, и подданные обоих государств из сего купечества могут пользу из того иметь“; Измайлову было приказано заключить об этом договор. Кроме того, Измайлову было поручено жаловаться китайцам, что против Нерчинскому договору, постановленному в 1717 году, долгое время на границе, в Селенгинске, задержан малый русский караван, отчего произошли убытки; домогаться разрешения иметь в Пекине русского консула, а этот консул уже от себя назначит подчиненных ему консулов в других городах Китая; чтобы русские могли плавать по китайским рекам и в приморские гавани безвозбранно и без определения числа служителей, как это до сих пор было по договору. Чтобы русские могли торговать в Китае не только с китайскими, но и с другими нациями; чтобы русские могли торговать в Китае всеми товарами, своими и чужими, и покупать все товары, в том числе золото, серебро, золотую парчу, и, наконец, чтобы русские были освобождены от пошлин и налогов по всему Китаю, т. е. могли бы вести совершенно безошлинную торговлю. На это китайцы ответили Измайлову: „У нас здесь купеческое дело невеликое и поставляем купечество невеликое дело, самые убогие люди торгуют и служители. А у нашего государя торгов никаких нет, ныне мы видим, что вы купечество свое в великое ставите; в государевой грамоте о купечестве не написано, и написано у вас, что для пользы обоих государств, а какая вам прибыль от купечества есть, о том не сведомы. А нам де в том, пользы никакой нет, и товаров русских у нас де много, хотя б ваши и не возили нужды нет: с наших границ много товаров привозят также и кораблями, а пошлины де у нас збирается с своих мало и о пошлине у нас богдыханово величество не сведом. И когда ваши купцы приезжают на границу, то посылали навстречу многие тысячи верст и от того в кормах и в подводах становится убыток, так же и в провожании пограничным людям не без тягости... Однакож де богдыханово величество для любви его имп. в-ства караваны из Сибири пропускать повелит, только де консулу русскому у них не быть, не для чего: обыкновения у них такого нет“.

Что касается внешней торговли, то Измайлову заявили, что китайцы ходят торговать только до Селенгинска, а дальше нет, потому что далеко; а что касается подданных Китаю бухарцев, то они не могут ездить в Россию, так как теперь война с контайшей; кроме того, Китаю стало известно, что русские теперь не пропускают через нерчинскую дорогу русских купцов, „а прежде из порубежного города Нерчинского без указа императорского величества ходить было не велено, токмо повелено было ходить с казной императорского в-ства, и для того сюда без указа не пускавали, и слышали, что по нерчинской дороге не ходят, и оттого они, нерчинские жители, оскудали“. Китайцы предлагали Измайлову взаимно отпускать купцов с обеих сторон с печатями своего государства. С этим Измайлов согласился и дал от себя 100 печатных бланков китайцам, а те—100 от себя Измайлову.

Относительно же „малого каравана“, задержанного в Селенгинске, богдыхан все-таки решил пропустить его, но спрашивал, сколько в нем человек. Измайлов ответил, что в мирном договоре ничего не

говорится о числе людей, и он не знает состава каравана, „однакож по разсуждению, не чаю, чтобы в нынешнем (караване) более двухсот было“. Китайцы выразили удовлетворение, что в караване не больше 200 человек, и потому, сказали они, велено принять караван и можно оставить агента Ланга для разрешения порученных ему дел. При этом китайцы заявили, что, если русские сами будут себя содержать, то пошлин с них не будут брать, но чтобы не было прежних драк и худых поступков, а также торговли в долг: „а все от того, что много рухляди навезено, и еще привозят непрестанно, а покупать охотников мало, к тому же еще цену держат высоко, и знатным дешевле, будто с убытком, не отдают, а за большую раздают неведомым людям в долги, и после собрать не могут, отчего бывают многие драки, для чего несколько серебра принуждены из казны платить; и чтобы впредь в долги отдавать было запрещено“¹⁾.

Таким образом, 3 февраля 1721 г. китайцы, наконец, согласились, чтобы Ланге остался в Пекине в качестве агента, но на ханском содержании (а не на русском, т. е. этим подчеркивалось призрачное подданство русских от богдыхана), и чтобы находящийся столь долгое время в Селенгинске караван в 200 человек, но не больше, был пропущен в Пекин, при чем, когда он распродаст товары, Ланге тоже должен был с ним уехать. Русские караваны и впредь могли приходить в Пекин без задержки, однако письменное соглашение об этом китайцы отказались составить, предварительно требуя выдачи бежавших в Россию монгольских перебежчиков²⁾. Измайлов 2 марта 1721 г., в общем ничего не добившись от пекинского правительства, выехал из Пекина, прибыл в Селенгинск 8 апреля, а в Иркутск 20 апреля того же 1721 г.

„Летопись губ. гор. Иркутска“ отметила пребывание Измайлова в Иркутске дважды. Именно в ней говорится, что прибыл в марте 1720 г. (из Москвы) посол Измайлов, с ним секретарь Ланге, и весной Измайлов отправился за Байкал, а летом в Китай „и с ним купчина Федор Юринский“. Под 1721 г. летопись отметила уже возвращение Измайлова: вернулся из Китая Измайлов, Ланге—секретарь—остался при границе и караване агентом; Измайлов отбыл из Иркутска (в Москву) „и с ним купчина Юренской“³⁾. Упомянутый здесь какой-то купчина Юренской, очевидно, если и ездил в Пекин с Измайловым, то в качестве свиты, и о нем мне ничего не известно более положительного, но его ни в коем случае нельзя смешивать с комиссаром тогдашнего государственного каравана Ф. С. Истошниковым, столь долгое время стоявшего на границе⁴⁾.

Итак, главным результатом поездки Измайлова было только то, что он добился пропуска в Пекин ожидавшего на границе государственного каравана, но письменного урегулирования будущих отношений не было достигнуто.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел. Сношения Рос. с Китаем, картон 7. д. 1722 г. апр. 8, № 3 Дело о даче паспорта из Коллегии Ин Дел отправляющемуся в Пекин для торгу купчине Степану Третьякову с будущими при нем.

²⁾ Бантыш-Каменский, с. 96—97.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Иност. Дел. Снош. Рос. с Китаем, портфель Баснина, II, № 60.

⁴⁾ Между тем Х. Трусевич („Посольския и торговья сношения Рос. Китаем“, М 1882 г., с. 96) упоминает караван Юринского, 1720—1722 г., который по его словам, был „не пропущен“. Откуда Трусевич взял сведения, что у Юринского был караван и он не был пропущен в Китай, вследствие отсутствия у Х. Трусевича соответствующего критического аппарата, нельзя ни принять на веру, ни проверить. Караван же Истошникова Трусевич ошибочно сливает с караваном Третьякова.

Ланге остался в Пекине ожидать караван, вышедший из Селенгинска. 29 июля 1721 г. караван был уже на р. Толе ¹⁾. Между тем Ланге, будучи в Пекине, занялся подготовкой к приему каравана, но китайцы ни чем не помогли Лангу, а только строго следили за ним. Он попытался получить с китайских купцов те долги, которые остались должны эти купцы „комиссару Гусятникову, который был последний раз в Пекине с караваном из Сибири“. Так сказал Ланге мандаринам ²⁾, и эти слова Ланга важны тем, что они подтверждают сказанное мною уже раньше, что Истоппников в 1719 г. т. е. до Измайлова, не был пропущен в Пекин, а все время до 1721 г. ждал пропуска в Пекин, и что, таким образом, до него последним караваном в Пекине был караван Гусятникова, бывший в этой столице в 1717 г. В своем журнале Ланге, кроме каравана Гусятникова, упоминает, как его предшественника, караван Осколкова, и больше не говорит ни о каких других комиссарах бывших в Пекине ³⁾. Все это доказывает, что, кроме известных уже нам караванов, в Пекин действительно не приходил никто.

Караван Истоппникова подвигался к Пекину медленно. По дороге сюда через монгольскую степь он испытывал очень большой недостаток в воде, провиванте, фураже, но, прибыв к Каменной Стене, он и здесь был на долгое время задержан китайцами. Они были раздражены против Петра I за поддержку, оказанную им их врагу контайше. Но Ланге настойчиво домогался пропуска Истоппникова, и, наконец, богдыхан приказал его пропустить, и 29 сентября 1721 г. караван благополучно прибыл в Пекин, во главе с комиссаром Фодором Степановичем Истоппниковым ⁴⁾. Из журнала Ланга узнаем, как упорно и неуспешно следили китайцы за каждым шагом русских ⁵⁾, и, очевидно, к этому моменту относится позднейшее упоминание в журнале Ланга в его бытность в Пекине уже в 1728 г., что китайцы установили чрезвычайный шпионаж за каждым движением Истоппникова ⁶⁾.

Мандарины прежде всего потребовали отобрать для богдыхана наилучшие меха и, выбрав самых лучших соболей, давали по 3 лана за пару таких, которые в действительности стоили по 20 лан, а другие меха тоже оценивали весьма низко, отчего произошли споры ⁷⁾.

¹⁾ „Journal du sieur Lange“, „Recueil de voyages au Nord“, t. VIII, Amsterdam, MDCCXXVII, p. 281.

²⁾ „Journal du sieur Lange“, p. 230.

³⁾ Там же, p. p. 280, 281.

⁴⁾ Бантыш-Каменский, с. 103. „Journal du sieur Lange“, p. 290—291.

⁵⁾ „Journal...“, p. 291 и др.

⁶⁾ Именно Бантыш-Каменский (с. 82), думая, что Истоппников уже в 1718 г. был в Пекине, пишет: „В бытность его в Пекине китайское министерство столь любопытно было, что для узнания поступков и намерений сего человека, от первого дня его приезда по самый отъезд, содержало в его доме шпионов, которые, замечая его действия, всякий день письменно о том доносили. Шпионы сии были его, комиссара, прежние знакомцы и добрые друзья; он их ни в чем не опасался, и они ежедневно почти у него обедали. Из сих повседневных об нем примечаний, а именно: что он всякий день делал, что говорил, к кому ходил, или кто к нему приходил, что ел и пил, сколь долго после обеда спал, что он покупал и продавал и проч., целая книга в десять составлена и, по отъезде его, богдыхану поднесена“.

⁷⁾ Количество требуемых китайцами мехов отчасти служит показанием, как был велик караван по своему торговому капиталу. 17 ноября 1721 г. они представили следующие требования, с указанием цены на каждый мех (по словам Измайлова 1721 г., „российский рубль — лан, который весом чистого серебра 8½ золотников“, карт. 7, д. 1722 г., № 3, Статейный список): 1.234 соболя в косках; 125 соболей в парах, пара 3 лана; 1.700 пупков соболевых, пупок 8 чин 5 фун.; 35 лисиц черных и чернобурых; 300 лисиц сиводушек; 5.800 лисиц

Ланге же требовал от Китайского Трибунала, чтобы он допустил к торговле китайских купцов, чего, наконец, и достиг, но зато в подрыв русской торговле китайцы одновременно с этим сами стали распродавать из богдыхановой казны соболей, вследствие чего в две недели продали 20.000 пар самых лучших соболей, к большому убытку русского каравана, под предлогом, что у богдыхана столь много в казне соболей, что они могут попортиться. Но китайцы не удовлетворились этим и в конце-концов объявили Лангу, чтобы он выехал вместе с караваном из Пекина, прекратив торговлю, в виду невозвращения русскими монгольских перебежчиков и враждебных для китайцев переговоров России с контайшей. Поэтому 17 июля Ланге и Истопников выехали из Пекина и 26 августа того же 1722 г. прибыли в Селенгинск, где Ланге остался жить, ожидая дальнейших распоряжений от своего правительства¹⁾.

Таким образом, караван Истопникова пробыл в Пекине более 9½ месяцев (с 29 сент. 1821 г. по 17 июля 1722 г.), т. е. очень долгое время, но без пользы для себя²⁾, и фактически был выслан китайцами из Пекина³⁾.

Может быть Ланге вел себя очень самоуверенно и не давал правительственным чиновникам должных подарков, во всяком случае караван был выслан, не окончив торгова. При нем были и частные русские купцы. Именно президент Трибунала указывал, что русские купцы приезжают в Китай только для своей личной выгоды, стремятся только себя обогащать, как можно дороже продавать, и было бы лучше, если Ланге перестал бы стараться о торговле, потому что китайцы с российскими купцами не хотят иметь ни малейшего дела⁴⁾.

Оставив Ланга в Селенгинске, Федор Истопников прибыл в июне уже 1723 г. в Иркутск и в июне же отбыл из Иркутска в Россию⁵⁾. Ланге же послал русскому правительству донесения о своем пребывании в Пекине⁶⁾.

желтых, по 1 лану лисица; 2.504 песца белых, по 4 чина 3 фунта песец; 2.500 недопесков, 5 чин недопесок; 8.300 корсаков. по 3 ч. корсак; 50 песцов голубых, 5 ч. песец; 30 рысей, по 3 л. рысь; 1.200 горностаев, сто по 24 л. 8 ч.; 11.300 белки, сто по 4 л. 3 ч. 5 ф.; 93 меха белых черевых, по 4 л.; 210 мехов русачьих хребтовых, по 3 л. 5 ч. мех; 238 мехов заячьих черевых, по 2 л. 5 ч. мех; 50 мехов недопесцовых, по 9 л. мех; 50 мехов черевых песцовых, по 8 л. мех; 100 мехов черевых русачьих, по 3 л. 5 ч. мех; 100 кож черных и красных, по 3 л. кожа. Моск. Главный Арх. Мин. Иност. Дел. Сношения России с Китаем, картон 11. 1725 г. (№ 6), копия № 11.

¹⁾ Бантыш-Каменский, с 104—105. „Journal du sieur Lange“, p. 307, 358.

²⁾ Как сообщается в „Белевых путешествиях“, китайцы уже 22 мая заявили Лангу, чтобы он уехал с караваном, а когда пограничные споры уладятся, то и новый караван может приехать и с ним может вернуться и Ланге. Поэтому Ланге и уехал, пробыв в Пекине около 17 месяцев. При этом комиссар уехал из Пекина 12 июля, а Ланге выехал 18 июля (согласно „Белевым путешествиям“) и в Селенгинск прибыл 26 авг. того же 1722 г. (т. III, с 116, с. 150).

³⁾ На это обстоятельство русское правительство указало посланнику С. Владиславичу в инструкции ему сент. 1725 г. Бантыш-Каменский, с. 434.

⁴⁾ В 1730 г. Ланге указывал, что богатые купцы ездили в Пекин с караванами в качестве целовальников („якобы с целовальники ездили“).

Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел. Снош. Рос. с Китаем, карт. 68, „Выписка...“, л. 60-61.

⁵⁾ „Летопись губ. гор. Иркутска“, Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфель Баснина II, № 60.

⁶⁾ Указ 10 января 1722 г. о присылке Лангом разных ведомостей; копия Ланга о ценах 1721 г. в Пекине; копия Криснида, в его бытность в Пекине, о пути из Китая в Москву, стоимости провоза, о пекинских ценах на товары, „известие о вещах японских, о коих я успел проведать“—все это издано, кроме Чулкова, в „Памятниках сибирской истории XVIII в.“, Пет., 1885 г., кн. II, с. 374—386, № 82 (Енисейская кн. 5, акты № 127—131).

Относительно же расходования привезенных караваном китайских товаров нам известно, что в 1723 г., 1724 г. и 1725 г. часть была привезена и попала в Петербургскую Рентерею, где в 1728 г. как потом оказалось, не все товары еще были проданы и от долгого лежания попортились¹⁾.

Итак, история этого каравана весьма продолжительна: снаряженный в 1718 г., он долгие годы простоял на границе, наконец, в 1721/2 г., будучи допущен только вследствие посольства Измайлова в Пекин, там более 9¹/₂ месяцев неудачно торговал, потому что китайцы всеми силами портили торговлю, и, наконец, был выслан из Пекина и вернулся в Россию в 1723 году, т.е. караван Истопникова существовал более 6 лет.

ГЛАВА X.

Караван (I) Третьякова—Дмитрия Молокова. 1719—1722—1727/8—1730—1735 г.г.

В мае 1719 г. Петр I, „милосердствуя к купечеству Российского государства указал... товары, которые продаваны из казны, уволить торговлей в народ, токмо с прибавкой сверх обыкновенного пошлиною“, и об этом опубликовать повсюду в России и Сибири²⁾. Но все-таки казна оставила за собой торговлю с Китаем, в надежде на улучшение отношений с ним. Если с 1717 г., в виду ряда неудач в казенной торговле с Пекином, могли возникнуть среди русского правительства колебания об ее пользе для казны, то, с возвращением Измайлова и принятием Истопникова в Пекине, положение как-будто бы улучшилось, и поэтому государственный надзор за сибирской торговлей стал вновь проявляться.

Указом 17 июля 1722 г. „велено купецких людей из Сибири отпускать, а давать проезжие через Верхотурье, а иными дорогами отнюдь не пропускать. А в Мунгалы для торгового промыслу, по прежним его имп. в-ства указом, до указа, купецких людей по выписям отпускать с товары, кроме тех, которые в китайский отпуск годны, чтобы в китайском торгу какова помещательства не учинилось. А которые товары явятца у купецких людей в китайский отпуск удобны и оного товару не отпускать, и в пашпортах о том писать имянно... Купецких людей для торгового промыслу по выписям с товары в Мунгалы отпускать с такими же товары, которые в китайский отпуск неудобны“³⁾.

Этот указ, составленный в столь общих выражениях, с одной стороны расширял пределы частной торговли, а с другой—сужал их, предоставляя таможенным властям индивидуально определять товары подлежащие только казенной торговле и не определяя точно их по отдельным названиям.

В том же году правительство, вследствие заявления русского консула (= агента) Ланга в Пекине о необходимости построить или нанять в Пекине помещение для русских товаров, указом 25 июня

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиции, Каммер-Коллегия (Опись 225), в. 27, д. 31 1728 г., л. 474 и об.

²⁾ Архив Конференции Российской Академии Наук, „Копии с грамот и других документов из Архива Тюмени... (и др. городов), приложенных к VI и VII кн. „Сибирской Истории“ Г. Ф. Миллера

³⁾ „Памяти сибирской истории XVIII в.“, Пет., 1885 г., кн. II, с. 367—368, № 80 (Красноярская кн., акты № 144 и 145).

1722 г. через сибирского губернатора приказало Лангу нанимать, впредь до указа, в Пекине двор, нужный для склада товаров ¹⁾. Но этот указ не мог уже дойти до Ланга, потому что, как мы уже знаем, 17 июля 1722 г. он был выслан с караваном из Пекина.

Русское правительство, конечно, не знало, как поступили китайцы с караваном Истошникова, и так как Измайлов сообщил, что в Пекине словесно согласились и впредь принимать без всякой поддержки караваны, то оно в 1722 г. снарядило новый караван в Пекин.

Сенат поручил указом выдать из Коллегии Иностранных Дел паспорт отправляющемуся в Пекин для торговли купчине Степану Михайловичу Третьякову „с будущими при нем людьми“ ²⁾. Как увидим ниже, товары для этого каравана уже собирались с 1720 г., а другие документы относят начало этого каравана даже к 1719 г. При караване было 10 целовальников, из них главный Дмитрий Молоков. По примеру прежних караванов, Третьяков получил право вывезти в Пекин свои товары (на 3.000 р.), а целовальники свои (всем в общей сумме тоже на 3.000 р.), но они должны были продавать прежде казенные товары, а потом—свои. По подсчету, произведенному уже на границе Китая и при том в 1727 г., оказалось, что казенных мехов и денег было в караване всего на 285.403 р. 76¹/₄ к. Для надзора за порядком при караване был послан сержант лейб-гвардии Иван Ножнев.

1 февраля 1724 г. караван Третьякова с Ножневым прибыл из Тобольска в Иркутск ³⁾, а в июне уже был в Селенгинске. Однако китайцы отказались пропустить караван, пока спор о перебежчиках-монголах не будет окончательно выяснен.

Во избежание недоразумений, был усилен со стороны русских надзор за своими купцами, ездившими торговать в Ургу. Тем не менее в октябре 1724 г. партия казанских и других русских купцов с 40 повозками, не имея разрешения ни от русских властей ни от китайских, учинили побойще с монгольским караулом, пробываясь силою в Ургу. Удалось ли этим воинственным купцам тогда поторговать в Монголии, мне неизвестно, но только китайцы потом запретили русским торговать даже в Урге, а государственный караван в Пекин все-таки не пропустили и в следующем 1725 г., обещая допустить торговлю и выпустить караван не раньше, как после определения границ и выдачи перебежчиков. Хотя прибывшие в Селенгинск к Лангу два китайских министра для переговоров по этим делам, при своем отъезде 30 июля 1725 г., взяли паспорт Третьякова выданный ему, как комиссару каравана, русским правительством, и уверили, что богдыхан без всякого промедления согласится на пропуск каравана, однако не сдержали своего слова, и один из этих министров даже был казнен в Пекине за какие-то проступки, а другому, очевидно, тогда уже было не до каравана ⁴⁾.

Сменившее в 1725 г. Петра I правительство Екатерины I, для улажения всех этих вопросов, в июне 1725 г. назначило чрезвычайным посланником графа Савву Владиславича-Рагузинского ⁵⁾.

¹⁾ „Памятн. сиб. ист. XVIII в.“, кн. II, л. 394—496, № 87 (Енисейская кн. № 5, акт № 141).

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел. Сн. Р. с. К., картон 7, дела 1722 г. 8 апр., № 3.

³⁾ Бантыш-Каменский, с. 109. „Летопись губ. гор. Иркутска“ неправильно датирует его прибытие октярем. G. Cahen, „Histoire...“, р. 228.

⁴⁾ Бантыш-Каменский, с. 112.

⁵⁾ Бантыш-Каменский, с. 110—114.

В марте 1726 г. Владиславич прибыл в Иркутск¹⁾. Комиссар Третьяков тем временем, дожидаясь еще с середины 1724 г. пропуска южнее Селенгинска близь границы, на Стрелке, скоропостижно умер 2 мая 1726 г., и Савва Владиславич назначил тогда на его место комиссаром первого целовальника каравана тобольского сына боярского Дмитрия Молокова. Целовальников в то время было, очевидно, только 5: Филат Лянгусов, Иван Иконников и, вместо Максима Боброва, Юдас Хмелев, а вместо Пантелея Непейна—Иван Суханов и, наконец, Иван Пивоваров (каждый из них имел право везти своих товаров на 300 рублей)²⁾.

Между тем китайцы разрешили 300 телегам русских купцов, в свою очередь полгода ожидавшихся на границе пропуска, вступить в китайские пределы, но позволили им ехать только в Ургу и ни одного русского не пустили в Пекин. Караван же продолжал, конечно, ждать на границе пропуска. Впоследствии (в 1734 г.) Владиславич писал, что этот караван был задержан на границе около 8 лет (очевидно, около 3 лет: с середины 1724 г. до осени 1727 г.; но, если считать с 1719—1720 г., т. е. с начала сбора товаров для каравана, то, действительно, до пропуска в Китай прошло ок. 8 лет), а ургинский торг был прерван на 9 месяцев³⁾.

Савва Владиславич—Рагузинский напрасно домогался, чтобы китайцы вместе с ним пропустили караван, и поэтому, подобно Измайлову, должен был один отправиться в Пекин. Впрочем, сам Рагузинский считал, что караван Молокова, даже торгуя в Пекине, не принесет государству прибыли, вследствие большого соперничества со стороны русских купцов, провозивших в Китай много мехов и тем подрывающих в основе казенную торговлю. Петербургское правительство это понимало, и поэтому 14 декабря 1726 г. Верховный Тайный Совет запретил русским купцам торговать мехами в Китае, пока караван Молокова не продаст своих мехов, но другими товарами русские купцы могли свободно торговать. Тогда же было постановлено в будущем совсем не посылать государственных караванов, предоставив весь торг частным купцам, чтобы они могли поправиться от предыдущих запретов, но все это не было проведено в жизнь, и караваны продолжали посылаться от имени казны⁴⁾.

Прибыв в Пекин с секретарем Лангом, Владиславич—Рагузинский настаивал на скорейшем пропуске каравана, который, вследствие очень долгого пребывания на границе, в условиях крайне неблагоприятных для товаров, терпел большой убыток. Однако китайцы опять отказались впредь до улажения вопросов о границах говорить о торговле. Посол поэтому был принужден вести переговоры о границах, но, вследствие несговорчивости, непостоянства и уловок китайских уполномоченных, счел целесообразнее выехать обратно на границу и, будучи там более свободным в своих поступках, действительно добился благодаря своей настойчивости того, что в августе 1727 г. был подписан Буринский договор, определявший в общих чертах границы между обоими государствами, после чего началось

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, порт. Баснина, II, № 60, „Летопись губ. гор. Иркутска“.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, Снош. Рос. с Китаем, картон 16. G. Cahen, „Le livre de comptes de la caravane russe à Peking en 1727—1728“, Paris, 1911, p. X, rem 2. „Histoire des relations...“, p. 231, rem. 6.

3) Бантыш-Каменский, с. 375.

4) Б. Курц, „Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII стол.“ Харьков, 1929 г., гл. XII.

фактическое межевание границ ¹⁾. Только после этого караван получил возможность отправиться в Пекин, и поэтому Рагузинский выехал из своего лагеря, разбитого на реке Буре, в Стрелку, на Чикой, куда прибыл 30 августа 1727 г. Здесь, на реке Чикое, тогда была построена новая Петропавловская крепость ²⁾.

По уговору с китайцами, Рагузинский приказал каравану пробыть в Урге 40 дней и потом направиться в Пекин. Вместе с Молоковым поехал и Ланга, как русский торговый агент и фактический глава каравана. В 1729 г. Владиславич сообщал, что он с караваном отпустил в Пекин Ланга в качестве „директора“ и агента, и считал Ланга хорошим человеком, старающимся о государственных интересах. 13 сентября караван, приготовившись в далекий путь, наконец, вышел (I эшелон пошел 5 окт., II—13 сент.) в Монголию и пришел в Пекин 26 декабря того же 1727 г.

В этом караване было 205 людей, 1.650 лошадей (из них 400 полковых лошадей), 474 телег с товарами, 162 телеги с провиантом и 556 голов скота ³⁾.

В Пекине китайцы притесняли караван, указывая, что он навез такое количество товаров, какое не может быть продано на китайском рынке, вследствие „плохости товаров и жарким временем года“.

В июне 1728 г. был разменен на берегу реки Кяхты обеими сторонами Кяхтинский трактат, и таким образом все вопросы были окончательно выяснены и улажены и в частности все касающееся казенной караванной торговли.

Караван Молокова был пропущен в Пекин уже на основании положений, лежащих в основу Кяхтинского договора, потому что все вопросы о торговле, будучи предметом весьма длительных обсуждений, были решены еще до выезда каравана из Чикойской Стрелки, и в то время текст Кяхтинского трактата уже был фактически выработан, и уже в ноябре 1727 г. китайцы должны были разменяться им с Рагузинским, но с их стороны тогда была сделана попытка хитростью изменить в свою пользу текст трактата, против чего Рагузинский категорически воспротивился, угрожая даже войной, и достиг, что богдыхан велел в конце-концов утвердить выработанный первоначальный текст трактата. Однако, вследствие всего этого, размен трактата затянулся и произошел только 14 июня 1728 г. ⁴⁾.

Таким образом, когда караван уже был в Пекине, именно тогда особенно обострились отношения между обоими державами. Китайцы угрожали Рагузинскому, в случае его упорства, задержать караван в Пекине, но Рагузинский на это ответил, что шведы, за несправедливое желание захватить у русских одну провинцию, потеряли пять провинций и более 100 городов, и также персы, разграбившие русский караван, заплатили за него пять же провинций и более 40 городов ⁵⁾. В самом Пекине китайцы чинили русским затруднения в производстве торговли.

¹⁾ Бантыш-Каменский, с. 131—141.

²⁾ Эта крепость—то же, что и Чикойская—была построена тобольским полковником Бухгольцем, который одновременно сделал на речке Кяхте четыре пруда, мельницу, офицерские избы, амбары и кладовые (Бантыш-Каменский, с. 140, 142).

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел, портфель Баснина II, № 55, „Из копии журнала агента Ланга“ о бытности его в Пекине 1727—1728 г., поданный им в Государственную Коллегию Иностр. Дел, 9 марта 1730 г. Бантыш-Каменский, 501, 142.

⁴⁾ Бантыш-Каменский, с. 148, 154.

⁵⁾ Бантыш-Каменский, с. 148—149.

В виду того, что этот караван был, итак, прямым результатом условий, выработанных между русскими и китайцами и легших в основу Кяхтинского трактата, то этот караван был I караваном, отправленным согласно условиям данного трактата, хотя фактически размер этого трактата совершился только в июне 1728 г.

Согласно этому Кяхтинскому трактату, количество людей при каждом караване должно быть не более 200, торговля производится безпошлинно, и караваны имеют право ходить в Пекин через каждые три года, купцы сами себя содержат, имеют право покупать вьючный скот, при чем постоянно жить в Пекине нельзя, однако самый срок пребывания каравана в Пекине не был определен. Относительно содержания караванов следует заметить следующее. В 1725 г. русское правительство информировало посланника Владиславича, что „прежние караваны всегда в Китай на их китайских подводах и проторях вожены“, но если китайцы будут жаловаться, что это причиняет им убытки, то Владиславич должен был предложить им, что русские, как купчины, так и частные торговые люди, будут на свой счет провозить товары, лишь бы китайцы позволили на границах (и в Китае) свободно покупать лошадей, верблюдов, корм и прочий провиант и харчи ¹⁾. По п. 4 Кяхтинского договора и было установлено, что прежняя дача корма купцам отменяется, и они сами покупают себе лошадей и пр. ²⁾. Однако во время переговоров Владиславич выяснил (как он писал в 1729 г.), что „подвод китайцы под караван российский, кроме проводников, никогда не давали, а корм из древних лет даван был (только) до каравана Истопникова“; самому же Истопникову корма не давали (1721/2 г.), в чем было отказано и сказано посланнику Измайлову (1720/1 г.).

Таким образом, 4 п. Кяхтинского договора только подтвердил фактическое положение вещей, установив, что прежняя дача корма купцам (но послы и посланники по-прежнему получают подводы и корм) отменяется, и они сами покупают себе все, что им нужно при продвижении по китайским землям. Это, конечно, относилось только к тем людям, которые шли в государственном караване в Пекин, т. е. по существу касалось самого каравана с его служащими. Что же касается частной русской торговли, то отныне русские купцы не смели торговать в пределах Китайской Империи, а только во вновь построенных тогда пограничных городах—Кяхте и Цурухайте, при чем торговля из Урги переносилась в Кяхту, а из Науна в Цурухайту.

По поводу Кяхтинского трактата Г. Миллер в своей записке „О торгах российских с Китаем“ писал о казенных караванах: „Еще с 1698 г. караванные (подразумевается: казенные) торги отправлялись (т. е. совершались), но в 1727 году, в котором граф Савва Владиславич заключил свой трактат (т. е. Кяхтинский), было то дозволено, чтобы и приватные купцы, под защитением онаго (т. е. Владиславича? или Нерчинского трактата? или казенного каравана?), могли в Пекин ходить караванами. Сия вольность пресекалась помянутым трактатом, и потому в Кяхте и Зурухайту построены купеческие слободы“, и только там русские должны были торговать ³⁾.

¹⁾ Бантыш-Каменский, с. 443.

²⁾ „Сборник договоров Рос. с Китаем“, СПб, 1889, с. 54. Также Бантыш-Каменский, с. 368, 492—493.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфель Миллера № 391, тетр. 3 („Разные записки и примечания о рос. торг. с китайцами“), Записка „О торгах рос. с Китаем“ (л. 37-л. 46), л. 39 об. Портфель Миллера № 349, II, д. 8). „Разсужде-

Но этот текст, написанный Миллером, не ясен. Я привел выдержку по архивному подлиннику, но и у Флоринского она издана точно так же, а потому неясность ее должна быть отнесена за счет самого Миллера. В скобках вставлены слова, которые я сам ввел для ясности. Миллер, очевидно, хотел выразить следующую мысль: Еще с 1698 г. частные купцы могли ходить с караванами в Пекин, и в 1727 г. это так и было, и частные купцы могли ходить в Пекин под защитой и вместе с казенными караванами, но в этом году, в виду заключения Кяхтинского трактата, это было прекращено, и частные купцы должны были торговать только на границах, а казенные караваны сами ходили в Пекин. Лишь такое понимание этого текста Миллера соответствует истории, но, разумеется, жалко, что Миллер, который в 1735 году был в Кяхте и мог получить сведения от сибирских сторожилов о предыдущей торговле, коснулся этого вопроса так поверхностно и при этом в столь неясной редакции.

Уже после ухода каравана 13 сентября 1727 г. из Чикойской Стрелки в Пекин Владиславич-Рагузинский в том же месяце и в следующем сообщил в Петербург, что частным русским купцам („из которых и десятый с товаров пошлин не платил“) запрещено провозить меха в Ургу, Наун и другие китайские поселения. При этом Владиславич писал: „Из сего немалая польза и прибыль Российскому государству ныне и впредь произойти может. В противном случае, ежели бы всякому было вольно в Урге и прочем китайском владении мягкой рухлядью торговать, то не токмо бы казенным караванам не было прибытку, но и всякий непорядок и остановка могла бы произойти от двора китайского, и коммерция паки бы пресекалась. А как никто иной, кроме государственного каравана, уже торговать мягкой рухлядью не будет, то первый караван (хотя некоторое число товаров и попорчено, и торги ныне zelo не прибыточны) может возвратиться без убытку; второй же караван получит втрое или вчетверо против отпуску, а третий более, нежели в десять раз. Следовательно, караван не малая есть государственная прибыль, которую не должно партикулярным уступать“¹⁾. „При том же немалый государственный прибыток и сей, что по нынешнему договору (1727 г. Кяхтинскому) не будут платить в Пекине пошлин, которых бы обошлось с двадцать процентов, как нынешний хан на всех народов великие пошлины наложить повелел“²⁾.

В другом месте Владиславич обращал внимание, что через Ургу с сибирских границ производится частными торговцами „немалые торги“, при чем торговля происходит „через разные пограничные места“, и ургинцы и монгольцы, скупая меха, пересылают их в Пекин и в др. места, так что „караванам российским с казенными товарами и места нет“, китайцы не принимают каравана, и казенные товары продаются „весьма небольшой ценой и купцов сыскать трудно“, почему и следует запретить русским торговать мехами³⁾.

В своем „Мнении о партикулярном торге“ Владиславич высказывал мысль разрешить только сибирским жителям торговать на установленных двух пограничных местах всеми товарами, за исклю-

ние о посольстве в Китай г. Миллера, 1763 г.“ (на 55 ст. + 12 листах, стр. 34—35). Оно же издано Флоринским: „Б.-Каменский. Дипл. собрание дел между Рос. и Кит. государствами“, Казань, 1882 г., с. 405.

¹⁾ Бантыш-Каменский, с. 143.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, Реляция Владиславича государю 1727 г., 28 сент., картон 19, дело 1727 г., № 9, л. 34.

³⁾ Там же, картон 9, д. 1725 г., № 4, л. 125.

чением мехов, которыми торгуют лишь казенные караваны, скота и провианта. Великороссийских же и иных (иностранных) купцов совсем не допускать к границам Китая, позволив им закупать меха в Сибири, но только для вывоза в Россию, Польшу, Турцию, Персию и др. страны, но не в Китай. При этом он жаловался, что в сентябре 1727 г. в Урге находилось непроданными на 200 тыс. мехов, принадлежащих преимущественно трем российским капиталистам-купцам¹⁾.

Для улучшения постановки государственной торговли Владиславич предложил следующий проект (28 сент. 1727 г.). В виду того, что раньше комиссар, целовальник и пр. караванные служащие имели право, в виде жалованья, иметь свои товары, частных товаров в караване было более $\frac{1}{3}$, а только $\frac{2}{3}$ казенных, при чем самые лучшие меха попадали в руки караванных служащих (т. е. в виде жалованья или подмены), которые промышляли в своих интересах казенными телегами, лошадьми, провиантом, рабочими и пр., получая себе великую прибыль, а в караване оставались наихудшие меха. В Китае эти служащие раньше продавали свои меха, а потом государственные. Поэтому необходимо: 1) Безусловно никому не торговать в Китае мехами, никого туда не отпускать. 2) Весь караванный состав перевести на денежное жалованье (агенту—2.000 р., комиссару—более 1.000 р., 12 целовальникам—свыше по 200 р., писарю—100 р., двум под'ячим—по 50 р.,— все в год, при чем выбирать комиссара по его смерти или, как и целовальников, на 10 лет), именно на всех в год назначить 5.600 р., и, конечно, никто не имеет права получать жалованья никакими товарами и иметь их в караване. 3) Назначить в помощь каравану 50—100 чел. рекрут или солдат для всякой караванной работы. 4) Караван отпускать через каждые три года. 5) Не менее $\frac{1}{3}$ караванного состава, после отпуска каравана в Китай, должно оставаться на Стрелке в Чикойской крепости (= Чикойская Стрелка) для приемки ясашных мехов и покупки товаров годных в казенный отпуск, складки их в караванные казенные амбары (которые нужно построить в Чикойской Стрелке), чтобы следующий караван всегда был своевременно готов к отходу. 6) Род товаров и вещей, какие следует принимать и покупать для каравана в отпуск, оставить на определение агента и комиссара, которые, езда в Пекин, лучше всех знают, какие товары нужно туда везти²⁾.

Уже позже, в 1734 г., когда оказалось, что и в следующем „караване прибыли нет“, Владиславич видел причину этого не в том, что им был установлен пограничный торг (так как раньше он был в Урге), а в том, что нужно было бы, по крайней мере, „за год до отпуску каравана все потребное изготовить, прибрать и убрать, и закупить те вещи, которые суть лучшие в прибыли, а не так, чтоб через несколько месяцев то исправить, как ныне следовало в последнем караване“, т. е. уже Ивана Молокова. Владиславич указывал, что он, вернувшись из Китая на границу, „множкратно, и письменно и словесно представлял тогдашнему правительству, каким способом караванную экспедицию готовить надлежит, но никакой резолюции на ту мою репрезентацию никогда учинено не было“, и все приготовления

¹⁾ Там же, карт. 19, д. 1727 г., № 9, л. 125, карт. 15 (том II), л. 676—679.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, картон 19, д. 1727 г., № 9, приложение № 6, л. л. 112—114, Мнение гр. С. Владиславича о рос. государственном караванном торгу с Китайским государством.

Это „Мнение“ также находится в карт. 26, 1729 г., д. 4. Издано с пропусками у G. Cahen, „Histoire...“, р. LXXIII—LXXIV.

к каравану откладывались на самый конец, а при таких условиях, конечно, никогда не будет прибыли государству¹⁾.

Возвращаясь к соображениям Владиславича-Рагузинского 1727 г. о возможных выгодах первого каравана, отправленного им в силу Кяхтинского трактата, мы видели, как осторожно он сообщал, что караван Дмитрия Молокова, который тогда только что приближался к Пекину, „может“ на этот раз вернуться только без убытка, т. е. без всякой прибыли, вследствие неблагоприятных условий торговли.

В самом Пекине каравану пришлось еще испытывать притеснения от китайцев, несмотря, что, по силе Кяхтинского трактата, они не смели этого делать. Этот трактат, как известно, был окончательно разменен 14 июня 1728 г., а всего месяц спустя, т. е. 13 июля, караван, проведя в Пекине 6¹/₂ месяцев, вынужден был выехать из Пекина и 30 сентября того же 1728 г. на своих подводах и нанятых у туземного населения он прибыл на русскую границу в Кяхту, 4 октября—в Петропавловскую крепость на р. Чикое, оттуда—в Селенгинск. В Селенгинске Ланге ожидал дальнейших приказаний из Петербурга, и Верховный Тайный Совет, желая получить более подробные известия о пограничной торговле и следует ли посылать в 1731 г. в Пекин казенный караван или частный, приказал Лангу немедленно прибыть в Москву, взявши с собою все счетные книги каравана. Поэтому Ланге, уезжая из Селенгинска 23 октября 1729 г., передал надзор за караваном своему писарю Давиду Граве и сам 25 февраля 1730 г. уже был в Москве.

История пребывания Дмитрия Молокова в Пекине в общем была сходна с историей каравана Истошникова, которого, как раньше выяснено, сопровождал тот же Ланге²⁾. Однако здесь необходимо несколько подробнее остановиться на условиях пребывания Дмитрия Молокова в Пекине, потому что эта обстановка охлаждающим образом действовала на сторонников государственной монополии и, наоборот, подбодривала ее противников.

Уже по дороге в Пекин караван Молокова терпел большие лишения и убытки, но, по прибытии в столицу Китая, он первое время был хорошо принят, и по всему городу было объявлено, что всякий может через десять дней прийти на русский двор и свободно производить торговлю. Русских в караване было 205 человек, и китайцы сочли нужным поставить вокруг русского двора 500 часовых, под видом охраны караванных вещей, а у самых ворот караул в 250 человек. Тут же у ворот было устроено сыскное отделение, которое каждого из приходивших торговать китайцев подвергало допросу: кто он, где живет, каково его состояние, откуда его достал; некоторых подвергали тщательному обыску, разыскивая секретную переписку, а потом только с писанным пропуском допускали во двор. Этим китайцы хотели обнаружить кто среди них являются богатыми купцами (богдыхан питал пристрастие к их богатству) и выследить политический шпионаж в пользу русских. В результате этого, богатые китайские торговцы не осмеливались показаться в рус-

1) Бантыш-Каменский, Информация 1734 г. Владиславича, с. 377.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел. Снош. Рос. с Китаем, карт. 20, д. 1727 г., № 6, Статейный (немецкий) список бытности при караване в Пекине агента Лоренца Ланга с 1727 по 1730 г. (л. 174). Картон 68, „Выписка (беловая) (1721—1739 г.) о посланных в Китай рос. караванах (составлена в 1776 г.) (109 листов), где о „первом“ караване (т. е. Дм. Молокова), посланном в силу Кяхтинского трактата, упоминается на л. л. 17—57.

ском дворе, а приходили лишь бедные купцы и то спустя только две недели, и, конечно, с плохими товарами. Поэтому караван ничего не мог ценного продать, товары лежали без движения и портились, китайцы же безпрестанно требовали, чтобы русские быстрее распродала свои меха и именно за ту цену, какую им дают. Ланге, конечно, не раз и безуспешно протестовал против такого несправедливого отношения к каравану, но китайцы только настаивали на ускорении торга и даже назначили срок выезда, угрожая в противном случае насильно выслать его. Издеваясь, они спрашивали Ланга, не собирается ли он умереть в Пекине, что так долго здесь живет.

На все это Ланге отвечал с достоинством, что он не боится никаких угроз, и за всякое насилие Китай будет отвечать, но все-таки, видя, что при таком крайне недружелюбном отношении к русской торговле караванные операции лишены свободы, что всех мехов нельзя будет скоро продать, и если, действительно, китайцы насильно вышлют русских, то возвращение их из Пекина будет весьма тяжелым, вследствие отсутствия денег на дорогу, русские, посоветовавшись между собой, решили сами выехать и назначили день отъезда 1 августа. Ланге сообщил об этом в письменной форме китайскому правительству, но при этом указал, что караван по принуждению возвращается с немалым количеством непроданных товаров. Бохдыхан, при личном прощании с Лангом, сказал ему, что раньше никогда не случалось, чтобы пришедшие иностранцы отпускались обратно с непроданными товарами, „но понеже ныне времена весьма переменялись, коммерция совсем упала, купцы все обнищали, ваших товаров в нынешнее время zelo мало употребляют, и никто такого великого числа товаров, сколько у вас осталось, купить на может.“ Китайцы поспешили назначить день отъезда каравана 13 июля, т. е. задолго до срока принятого самими русскими (именно 1 августа). Письменно же китайцы объяснили неудачу каравана только вследствие того, что, „за плохостью товаров и за жарким временем, мало купцов сыскалось“¹⁾.

Таким образом, несомненно, что вследствие недоброжелательства пекинского правительства караван не мог распродать своих товаров и дольше остаться в Пекине, тем более, что в трактате срок пребывания каравана в Пекине не был ограничен определенным временем. Караван, может быть, окончательно выехал из пределов Пекина 14 июля, потому что, как видно из счетной книги, караван еще в этот день продавал свои меха, но 13 июля он, действительно, ничего не продал, очевидно, собираясь в путь.

Рассмотрим материальную сторону этого многострадального каравана.

Хотя этот караван был назначен к отпуску в 1722 г., но товары для него собирались уже с 1720 г. и даже потом во время стояния его на границе, вплоть до 1726 г. Всего с 1720 г. по 1726 г. из Тобольской Губернской Канцелярии и в разных сибирских городах

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел. Снош. Рос. с Китаем, картон 24, дело 1728 г., № 3, „Реляция агента Ланга с чинимых в Пекине ему притеснениях в торговле караваном“, писанная им из Селенгинска 31 дек. 1728 г.

Тот же Архив М. И. Д., портфель Баснина II, № 55, „Из копии журнала агента Ланга“ о бытности его в Пекине 1727—1728 г., поданная им в Государствен. Коллегию Иностранных Дел 9 марта 1730 г.

Там же, Сношения Рос. с Китаем, карт. 89, „Выписка из журнала Ланга, отправленного в Китай 13 сент. 1727 г. с I караваном после заключения трактата 1728 г.“

Бантыш-Каменский, с. 160, 161, 164.

было принято для каравана казенных мехов, а также купленных для каравана же русских мехов и других русских товаров:

Ясашной и десятинной мягкой рухляди на 194.351 р. 71¹/₂ к.
Покупной мягкой рухляди и прочих тов. на 78.458 р. 12¹/₂ к.

272.809 р. 84 к.

Из этих товаров было произведено много расходов по разным делам. Согласно караванной ведомости, при комиссаре Третьякове с 1720 г. по его смерть в 1726 г. и при комиссаре Дм. Молокове с 1 июля 1726 г. по 13 сент. 1727 г., т. е. всего с 1720 г. по 1727 г., было издержано 122.514 р. 52¹/₂ коп., из которых около 78¹/₂ тысяч рублей пошло на покупку мехов и других товаров.

К сентябрю 1727 г. оказалось поврежденными от моли: 100.000 горностаев, 120 белых песцов, 100 корсаков, 44 выдры, 19 рысей, 183 лисиц белодушек, 32.500 белок и пр., несмотря на то, что „онные товары повсягодно пересматриваны и сушены, но томко в толикие годы ни по которой образе уберець было невозможно, понеже товар пушной к год от года тратится“. Повреждение мехов было совершенно естественно, так как некоторые меха лежали даже с 1720 г., а кроме того, караван ожидая многие годы пропуска на границе, не имел соответствующих помещений для хранения мехов.

По окончательному подсчету в Китай пошло в сентябре 1727 г. в караване Молокова:

Ясашной и покупной мягкой рухляди и других товаров на	268.035 р. 62 ¹ / ₂ к.
Взято от вдовы комиссарши Третьяковой (в погашение долгов ее мужа) товаров и вещей на	6.869 р. 70 к.
Денежной казны было на	9.596 р. 23 ¹ / ₂ к.
(+ прочего на)	902 р. 20 к.)
Итого на	285.403 р. 76 ¹ / ₂ к.

Такую ведомость („ведение“, „тетрадь“) о ценности государственного каравана сочинил комиссар Дмитрий Молоков в 1727 г., а агент Ланге отправил ее в Коллегию Иностранных Дел из Чикойской Стрелки 13 сентября 1727 г., т. е. в день выступления каравана из Сибири в Китай¹⁾. Владиславич же в своем докладе, несомненно, округляя указанную сумму, определял стоимость товаров каравана почти в 300.000 р.²⁾

Другие источники, иначе комбинируя числа, именно прибавляя к стоимости вывезенных товаров и денег (285.403 р. 76¹/₄ к.) стоимость текущего оборудования каравана (48.805 р.), выводили итог в 334.209 р. 41¹/₄ к., что, конечно, не характеризует размера вывоза этого каравана³⁾.

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, картон № 21, дело 1727 г., № 16.

2) Сборник Импер. Русского Географич. Общества, т. 94, с. 424.

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, Китайские книги 1687—1742 г., „Выписка о посыланных (1648—1742 г.) в Китай рос. караванах, учиненная из архивных китайского двора бумаг в 1776 г.“, л. 40.

Здесь сказано, что С. Владиславич дал в 1727 г. пропуск каравану „всего в двухстах человек“ (комиссар Дм. Молоков, агент Ланге), и приводится сле-

По роду и количеству товары каравана были следующие, согласно суммарному и обобщенному моему подсчету: бобров камчатских 582, выдр 2.006, рысей 3.583, рысех лап 3.040 пар, соболей 51.800, собольих лап 46.425 штук, собольих пупков 14.025 шт., собольих хвостов 3.253, лисиц всяких, песцов, корсаков 144.644, лап лисьих 45.255 пар, горностаев всяких и ластиц 512.279, белок 1.416.112, мехов разных (т. е. уже сшитых шкурок) 642, одеял меховых 3, кож нерпечьих (тюленьих) 2.300, кож красных 47¹/₂ юфтей и 3 кожи, кости моржовой 214 п. 31 ф., сукна голландского 477¹/₂ аршин, часов стенных и столовых 2, зеркал в золотой бумаге 1.192 шт., королек 6 ф. 30 золотников. Сюда еще должно прибавить: куниц 9, котенков морских (котиков) 11, кошек степных 7, хорьков 2, черев непесцовых 10. Кроме того, уже в самом Пекине оказалось подмочено водой и повреждено молью 1.900 лисиц всяких, 5.570 белок и 1 лисий хребтовый мех. Сюда же нужно еще присоединить товары, привезенные за перепродажей их из Пекина и принадлежавшие комиссарше Третьяковой: 400 мехов беличьих, 205 заячьих и др. товары.

Произведенный мною подсчет, разумеется, не является абсолютно точным, но почти приближается к истинному положению

дующий отчет, который я здесь помещаю, сохраняя распределение граф и цифр документа, обозначив свои приписки в скобках (л. 40).

„Генеральный караванный вкратце счет“.

	Р.	К.	Р.	К.
„ПРИХОД“.				
Денежной казны по разным статьям, рублей	—	—	139.857	69 ³ / ₄
Ясашных товаров	—	—	194.351	71 ¹ / ₂
„РАСХОД“.			Сумма прихода	334.209
В отпуске в Китай пошло из вышеписанного числа товарной казны ясашной и покупной Приемных товаров и вещей от комиссарши Третьяковой	268.036	62 ³ / ₄		
	6.869	70		
Всего товарами на рублей	274.905	32 ³ / ₄		
Денежной казны, в том числе рублей 234 96 ¹ / ₄ , которые приняты у оной же комиссарши за доимочной товар, по разным статьям	9.830	19 ¹ / ₂		
Серебра китайского 4.766 золотников, по 14 коп.	667	24		
Всего товарами и деньгами пошло в Китай на рублей	285.403	76 ¹ / ₄		
В расходе денежной казны, рублей	44.056	40		
За 40 лошадей, взятых у комиссарши в платеж	210	—		
В расходе товарной казны	4.539	25		
(Всего произведено расходов на караван)	48.805	65		
(Итого стоимость всего каравана)	334.209	41 ¹ / ₄		

вещей. В основу этого подсчета мною взято количество товаров, проданных караваном в Пекине и привезенных, за непродажей их, обратно в Сибирь; сумма этих количеств и дает истинное представление о первоначальном грузе каравана.

Количество проданных в Пекине товаров в хронологическом порядке подробно указано в „Книгах записных“ этого каравана¹⁾, а оставшиеся товары перечислены в отдельной ведомости, составленной по возвращении каравана из Китая²⁾.

А сколько чего пошло в Китай при караване лошадей, телег, хомутов и прочих к ним принадлежностей, скота рогатого, провианту, фуража и прочего, произшедших из вышепоказанных денежной и товарной казны расходов, следует:

1.250 лошадей караванных.
400 лошадей полковых.
<hr/> 1.650 лошадей.
475 телег под товарной казной, при них хомуты, крышки, топоры, скобели, напарьи, долота, веревки и прочее.
162 телеги припасных и запасных.
<hr/> 637
200 ведер подмази тележной, дегтя, смолы и жиру нерпечья.
200 лагушек смольных.
562 рогатого скота.
3 полугодовых телят.
<hr/> 565
600 пудов сухарей на работников.
100 пудов круп яшных.
200 пудов овса на корм лошадям.
400 пудов ржи.

Другой экземпляр этого „Генерального караванного вкратце счета“ можно найти в том же Арх. Мин. Ин. Дел. Снош. Рос. с Китаем, картон 68 (на 109 листах, беловая „Выписка о посланных в Китай (1721—1739) российских караванов“ (получена при рапорте из Моск. Арх. в 1776 г. и учинена из архивных Китайского двора бумаг в 1776 же году), л. 22.

Состав же каравана, когда он пошел в Китай, был такой:

Агент Ланге и его свита	9 чел.
Комиссар Дм. Молоков и его свита	6 чел.
Целовальников	8 чел.
Солдат	18 чел.
Работников	140 чел.
Других	24 чел.

Всего . . . 205 чел., а лошадей 1.650

Снош. Рос. с Китаем, карт. 68, „Выпись (беловая) о посланных в Китай рос. караванах“, л. 29.

В числе „других“ были три ученика, посланных в Пекин учиться китайскому и монгольскому языкам (Б. Каменский, 142)

¹⁾ Они изданы G. Cahen, „Le livre de comptes de la caravane russe à Pékin en 1727—1728“, Paris, 1911. G. Cahen свел данные этих книг в таблицу, которой я пользуюсь при обозначении количества проданных караваном товаров в Китае (с. 85, 93).

Разумеется, при таких подсчетах возможны неточности, напр., Cahen (на с. 93) указывает, что караван продал „12 кож русских красных“, а по моему подсчету, согласно тексту этой же счетной книги каравана (там же, с. 9, 14, 39, 46), продано: 26 нб.—3 кожи, 24 марта—4 юфты, 18 июня—8 юфтей и 9 июля—1 кожа, т. е., кроме 12 юфтей красной кожи, было продано еще 4 штуки такой же красной кожи Но, понятно, подобные недочеты не имеют значения для общих выводов.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел. Снош. Рос. с Китаем, карт. 28, дело 1730 г. № 6. Доношения возвратившегося из Пекина Ланга, счетная книга и другие дела. Книга счетная каравана 1727—1729 г. под заглавием: „Книги записныя, продано, променено будет ис каравана российского в Китайском государстве..“.

Еще по дороге в Пекин караван продал (при урочище Хара Обо) три красных кожи. Прибыв в Пекин (26 дек. 1727 г.), караван уже 10 января 1728 г. открыл торговлю продажей 250 пар лисьих лап. Торговые сделки совершались не каждый день, иногда с значительными перерывами, через два, четыре и больше дней. В Пекине администрация каравана, очевидно, раскрывши свои токи и найдя нужным произвести сортировку мехов, в большем количестве отрезало уже тут от рысей, соболей и лисиц лапы, которые продавались отдельно. На первых же порах удалось продать самый дорогой мех, именно 5 февраля—580 бобров камчатских. Русским иногда помогали продавать пекинские „барышники“: местный маклер новокрещенный пекинский житель „барышник“ Ефим Савин, который получал от русских за свое посредничество 3% с вырученной суммы: „барышник“, тоже новокрещенный, Семен Сахалтуй получал 2%, новокрещенный „барышник“ Александр Ильин—2½%, „барышник“ Санге Люгин—2½%, „барышник“ Данжилай—ок. 1½% и, наконец, „барышник“ Сыге—по 1½%. Меха продавались за китайские материи, вещи, лекарства, за серебро и золото и пр., а однажды (10 июля) даже было продано 1.375 корсаков за 412 рублей 50 коп. русскими деньгами, а другой раз (22 июня) уплачено за меха—3 рубля тоже русскими деньгами. Как уже упоминалось выше, последняя продажа была совершена 14 июля 1728 г. (хотя самый выезд каравана был назначен на 13 июля).

Несомненно, что под давлением китайцев русские все-таки спешили с продажей. До 12 июля, например, было продано лишь около четвертой части наличного количества белок, а этого числа почти 1.000.000 белок. Но все-таки Ланге предпочел остальные меха везти обратно, чем распродавать их по дешевой цене в Пекине. Уже по пути из Пекина караван при урочище Шабартае 9—11 августа променял несколько тысяч лисиц¹⁾.

Из предыдущего нам уже известно, что китайцы торопили русских продавать меха и выехать скорее из Пекина. Ланге отвечал, что это невозможно, потому что караван еще мало продал мехов. Поэтому в июне он послал китайским министрам список непроданных мехов: соболей 40.000 штук, пупков собольих 9.400 шт., лисиц всяких 57.685 и т. д.²⁾ Правда, что после этого караван еще много продал мехов, но когда русские, опасаясь, что китайцы, действительно, могут насильно выслать их (Ланге это испытал на себе, в бытность агентом при караване Истопникова в 1721/2 г.), решили на своем совете сами выехать 1 августа, о чем и довели до сведения китайского правительства, то они рассчитывали за это время все-таки успеть продать меха. Но китайцы срок отъезда, как я указывал выше, ускорили, назначив его на 13 июля, и 7 июля Ланге уже имел прощальную аудиенцию у богдыхана. Ниже мы увидим, что у русских после выезда из Пекина действительно осталось такое количество товаров, какое они смогли бы продать в Пекине до 1 августа, но вынужденный ускоренный отъезд лишил их возможности это осуществить.

По прибытии каравана из Китая в самом начале октября 1728 г., он расположился в Селенгинске, как в приспособленном для жизни.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт 28, д. 1730, № 6. Тоже: G. Cahen. „Le livre de comptes de la caravane...“, p. 10—53.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 20, Статейный список Ланга (по-немецки), лист 158.

месте. Тут и остался жить Ланге, ожидая распоряжений, что делать дальше, и тем временем была составлена ведомость тем товарам, которые остались в караване непроданными. Оказалось, что из Китая было вывезено непроданных мехов: 606 сороков 4 соболя, 235 сороков 25 пупков собольих, 9 куниц, 232 лисицы и недолисок чернобурых и бурых, краснобурых, седых и крестовок, 4.290 лисиц и недолисок, сиводушек, чернодушек и красных, 39.886 лисиц и недолисок красных, белодушек и других, 2 рыси + 160 рысей, 392 песка, 10 лап песцовых, 5 черев непесцовых, 257 корсаков, 1 бобер камчатский, 253.699 горностаев всяких, 30.560 ластиц, 8.140 белок всяких, кроме телеуцких, 31.512 белок телеуцких, 80 белок канкараганских, 4 меха собольих, 2 меха пупчатых собольих, 1 мех лисий завойчатый, 1 мех лисий лапчатый, 1 мех лисий, 339 мехов больших хребтовых, 88 мехов больших белых (беличьих) черевых московской работы, 178 мехов русачьих, 3 меха непесцовых черевых, 2 одеяла лисьих чамровых, 35 $\frac{1}{2}$ юфтей кож красных, 176 пудов 13 фунтов кости моржового зуба, 472 $\frac{1}{2}$ аршин сукон голландских, 1 часы столовые, 6 ф. 30 золотников корольков, 99 дюжин 3 зеркала в золотой бумаге, 11 котенков морских, 7 кошек степных, 2 хорка.

Кроме того, из товаров вдовы комиссара—Третьяковой осталось: 400 мехов белых московской работы, 205 русачьих хребтовых, черевых и другие товары.

Далее, в Пекине оказалось подмочено водой и повреждено молью: 1.900 лисиц всяких, 5.570 белок и 1 мех лисий хребтовый красный ¹⁾.

Когда караван пришел в Кяхту (отсюда, именно „с границ, вблизи Кяхты“, он ушел в Пекин двумя партиями: 5 и 13 октября 1727 г., а сюда, в Кяхту, вернулся 30 сентября 1728 г.) ²⁾, Кяхта, как торговый пункт, уже тогда существовала. Рагузинский сообщал, что торговля там уже происходит. Поэтому, когда караван прибыл с непроданными мехами в Кяхту, разумеется, что тут же можно было тотчас же продолжать их продавать, что и было сделано, и об этом свидетельствует ведомость товаров, промененных в Кяхте с 6 декабря 1728 г. по 13 июня 1729 г. ³⁾. Кроме того, мы имеем сведения, что с 1 августа 1729 г. по 1 апреля 1730 г. было продано мехов (очев., из Селенгинска) на 23.829 р. 33 $\frac{1}{2}$ коп. ⁴⁾.

На основании всего вышесказанного, я привожу таблицу товаров каравана 1727/8 г., с указанием, сколько он повез товаров в Пекин, сколько там продал и сколько привез обратно:

Наименование	Всего было	Продано в Пекине	Привезено обратно
Бобров камчатских	582	581	1
Вьдр	2.006	2.006	—
Рысей	3.583	3.421	162
Рысьих лап, пар	3.040	3.040	—
Соболей	51.799	27.550	24.244
Собольих лап	46.425	46.425	—
Собольих пупков	14.025	4.600	9.425
Собольих хвостов	3.253	3.253	—

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 28, дело 1730 г., № 6, Доношения возвратившегося из Пекина Ланга, счетная книга каравана 1727—1729 г. и др. дела.

²⁾ G. Cahen, „Le livre de comptes...“, p. VIII, „Histoire des relations...“, p. 232.

³⁾ Там же, p. XI.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 28, дело 1730 г., № 6, Доношения Ланга. и др. дела.

Наименование	Всего было	Продано в Пекине	Привезено обратно
Лисиц всяких, песцов, корсаков	144.644	99.587	45 057
Лисьих лап, пар	45 255	45.250	5
Горностаев всяких и ластиц	512.279	228 029	284.259
Белок всяких	1.416 112	1.376 380	39.732
Куниц, котиков и пр. ¹⁾	39	—	39
Мехов (шитых) разных	642	35	617
Одеял меховых	3	1	2
Кож нерпечьих (тюленьих)	2.300	2.300	—
Кож красных, юфтей	47 ¹ / ₂ + 4 кожи	12 + 4 кожи	35 ¹ / ₂ + 4 кожи
Сукно голландское, аршин	477 ¹ / ₂	5	472 ¹ / ₂
Кость моржовая	214 п. 31 ф.	38 п. 18 ф.	176 п. 13 ф.
Часы	2	1	1
Зеркал в золотой бумаге	1 192	1	1.191
Корольков	6 ф. 30 зол.	—	6 ф. 30 зол.

Включая сюда еще испорченные в Пекине водой и молью лисиц (1.900 шт.), белок (5.570 шт.) и 1 лисий мех, как и товары Третьяковой (605 мехов и др.) мы, таким образом, на основании этой таблицы, имеем достаточно точное представление о количестве товаров, бывшую в этом караване, и, как выше упоминалось, на сумму в 285.403 р. 76¹/₄ к.

В Пекине караван выменял свои товары на следующие:

Канф (толстый атлас)	1.370 поставов и 39 портиц	} 4.090 пост. 42 порт.
Атласов	216 поставов и 3 портица	
Усов (тонкий и узкий атлас)	2.504 постава	} 3.578 пост. 69 порт.
Камок пятиланых	724 пост. 3 порт.	
„ шестиланых	59 пост.	
„ семиланых	2 365 пост.	
„ более семиланых	430 пост.	
„ и атласов разных	„ „ 66 порт.	
Байберек	854 пост. 3 портица	
Гродетур	360 пост. 3 порт.	
Свистунов	193 пост. 2 порт и 13 шт.	
Парчи	110 пост. 22 порт и 27 шт.	
Флеров	100 пост. 525 штук	
Соломенки	76 пост. 2 порт. и 8 штук	
Бархата	24 штуки, 10 аршин	
Обери	9 ³ / ₄ аршина	
Ленз	3 штуки	
Китайка	14.705 тюней 42 конца	
Золото в коробках (коробочное)	1.749 лан 57 ¹ / ₂ фуна	} 2.186 лан 61 ¹ / ₂ фуна
„ битое в листах	30 лан	
„ торговое	407 лан 4 фуна	
Серебро торговое	19 990 лан 38 фун	} 23.961 лана 28 фун
„ ханское 3.609 л. 91 ф. = сер. торгов. 3.970 л. 90 ф.		

Вещи из золота: „складень“ и разные вещи („трясуньки“ и пр.), украшенные жемчугом и камнями, на 760 лан.

Вещи из серебра: кувшин, кунганы (вазы) и разная посуда на 295 лан 80 фун.

Жемчуга мелкого на нитках весом 31 лана и 350.000 штук половинчатого разного жемчугу.

Лакированные вещи: 2 столика, 6 ящичков, 2 „кабинетца“ (поставца с ящиками) золоченые, 27 рамок зеркальных.

¹⁾ А именно: куниц 9, „котенков морск.“ (= котиков) 11, кошек степных 7, хорьков 2 и черев недопесцовых 10, т. е. всего 39 штук.

Чайников финифтяных (эмалированных)	11 шт.	
Чая джулана (зеленого I с.)	2.619 гин	} 25.103 гина
„ лахюа (зеленого же II с.)	21.902 гина	
„ черного	582 гина	
Аниса звездчатого	1.500 гин	
Табака шарового	751 бакча	
Лекарств разных на	1.002 лана	
Занавесей, пологов, шпалер (обоев) шелковых разных	70 шт.	
Одеял шелковых разных	4 „	
Матрасов	2 „	
Кафтанов	3 „	
Кож сырых бычачьих	205 „	

Таковы были товары приобретенные караваном в Пекине и отчасти по дороге туда и оттуда, т. е. в Монголии.

Стоимость же этих товаров определяется в следующих суммах:

Товаров, золота и серебра обменено в Пекине на	152.534 лана	49 фун.
в Монголии на	7.462 лана	90 фун.
	159.997 лан	8 фун.

Считая лан = 1 рублю 40 копейкам (1729 г.) и отсчитывая 2.202 лан 52¹/₂ фуна, уплаченных „барышникам“, получаем в переводе на тогдашние деньги — 221.325 рублей 31 копейка, а с платой барышникам — 224.408 р. 84 к. ¹⁾

Припомним, что стоимость каравана в русских товарах была определена в 285 тыс. и считая, что выручка его в Китае равнялась указанным 221 тыс. заключаем, что караван понес убыток и, конечно, ни о какой прибыли не приходится говорить.

Если бы даже, по прибытии каравана в Сибирь, уже распродажа его остатков принесла какой-нибудь доход, то он едва ли мог бы покрыть этот убыток и все расходы, которые были сделаны в течение этого каравана по его содержанию, передвижениям, изнашиванию караванного имущества и процентам на товарный капитал (285 тыс.), который в течение стольких лет (4 — 8 лет) лежал втуне, без оборота.

Вот почему Ланге в июне 1730 г. заявил, что „нынешний торг в Пекине весьма убыточен“ ²⁾. Но уже по возвращении каравана из Китая, известие об этом, очевидно, успело дойти до Москвы, так как С. Владиславич в своем мнении о своевременности посылки нового каравана в Пекин дипломатично сообщил 29 мая 1729 г., что „теперь караван ничего не принес“ ³⁾. Неприбыльность этого каравана, однако, учитывалась еще раньше знатоками караванной торговли, потому что Владиславич, как я отметил выше, тотчас после отбытия каравана в Китай доносил еще из Сибири в Москву, что этот „первый кара-

¹⁾ G. Cahen. „Le livre de comptes de la caravane russe á Pèkin en 1727—1728“, Paris, 1911, p. 85—95. Гина = 604 гр. (p. 117).

„К этим 221.325 р. 31 к. чистого обмена в Пекине и Монголии, следует прибавить 145.120 р. 74 к., составляющих партикулярные продажи и мены каравана в Кяхте до 1729 г., всего будет: 366.446 р. 5 коп. тогдашней стоимости...“ (p. 95). G. Cahen, однако, не указывает откуда именно он взял эту сумму. Впрочем, для нас важно знать только оборот каравана именно в пределах Китайской империи, а не в пределах России или на ее границах, так как сущность казенной торговли караванами лежала в стремлении продавать меха именно в Пекине, а не на русских землях, потому что тогда не к чему было заниматься такой дорогой и трудной организацией торговли, как караванная.

Вот почему выручку каравана фактически следует считать в 221.325 р., относя все остальное уже к стадии его ликвидации.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 28, д. 1730, № 6, Доношения Ланга и др. (издано у G. Cahen, „Histoire...“, p. LXXXIV).

³⁾ Издано там же, p. LXXI.

ван (хотя некоторое число товаров и попорчено, и торги ныне зело не прибыточны) может возвратиться без убытку“, но все-таки надеялся, что следующие караваны будут приносить все более и более возрастающую прибыль¹⁾.

Что же касается тех китайских товаров, которые были привезены караваном, их, конечно, нужно было отправить в Европейскую Россию, хотя незначительная часть их (напр., чай) могла разойтись и в Сибири. Поэтому Ланге остался (как торговый агент по сношениям между Россией и Китаем) в Селенгинске распродавать оставшиеся меха и регулировать русско-китайские дела, а комиссар Дмитрий Молоков с целовальниками и с сержантом Ножневым прибыли из Забайкалья в Иркутск в июне 1729 г. и в июне же отправились из Иркутска дальше в Россию²⁾.

24 мая 1729 г. Владиславич уже из Москвы указал Лангу непроданные меха в Пекине продать в Кяхте, а что и там не будет продано, привезти на продажу в Москву, „понеже ныне на Москве мягкой рухляди, наипаче всяких рук лисицам, цена велика, а в Кяхтах зело мала“³⁾.

Но сам Ланге, как мы уже знаем, в октябре 1729 г. экстренно выехал из Селенгинска в Москву для обсуждения вопроса о посылке следующего каравана в Китай и в феврале 1730 г. уже прибыл в Москву.

Теперь посмотрим, как, по возвращении каравана, происходил расход привезенных им китайских товаров, что было сделано с непроданными мехами, и вообще как и когда закончились операции по этому каравану.

Хотя в этой же главе я выше уже указал на количество вывоза и привоза каравана и его баланс, но данные, которые я сейчас приведу, будут сильно разниться от этих цифр, и это объясняется различными основаниями, лежащими при тех или других подсчетах, так как определенных точно установленных бухгалтерских подсчетов тогда еще не было выработано. К тому же, теперь, как и в 1743 г., этому обстоятельству мешает также и то, что в 1737 г. во время пожара Сибирского Приказа многие приходные и расходные счета и документы каравана Третьякова — Дмитрия Молокова сгорели⁴⁾.

По отчетности каравана были составляемы в 1729, 1730, 1731, 1732 и 1733 г.г. счетные выписки и потом экстракт. Счет (= проверка) каравана Дм. Молокова был закончен только 20 декабря 1733 г.⁵⁾, но и то караван не успел к тому времени распродать всех китайских товаров, и они перешли в приход уже следующих годов, так как тогда уже были привезены товары нового китайского каравана (Ивана Молокова).

Когда Дмитрий Молоков вернулся из Пекина в Кяхту, у него, как знаем, было много непроданных в Китае мехов. Эти меха в 1729 г. он сдал в Кяхтинском форпосте целовальнику Филату Лянгусову, чтобы он тут разменял их на китайские товары.

Здесь для нас имеет значение отметить обстоятельство, что документы, сообщая об этом, относят начало каравана Дмитрия

1) Бантыш-Каменский, с. 143.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, портфель Баснина II, д. 60, „Летопись губ. гор Иркутска“.

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, Сношения Рос. с Китаем, картон 26, д. 1729 г., № 4, п. 3.

4) Петроградский Арх. Департамента Таможенных сборов, Каталог 1888 г., Дела Сиб. Пр., № 7, Св. 1, д. 17 (дело 1743 г., июля), л. 24.

5) Там же, л. 9.

Молокова к 1719 г., почему я и считаю годом его начала 1719 год, т. е., когда еще караван Истоппникова стоял на границе, ожидая разрешения двинуться в Пекин, было положено начало организации следующего каравана, именно Третьякова—Дм. Молокова. („А те и товары он, Лянгусов, принял в Кяхтинском форпосте у комиссара Молокова остаточные от китайского 719 году каравана, которые в Пекине в продажу и мену не пошли“) ¹⁾.

Самый процесс вымена этих „остаточных“ мехов на границе я не могу выяснить из сделанных мною выписок в Петроградском Архиве Деп. Тамож. Сборов. Очевидно, что в этом промене участвовали, кроме целов. Ф. Лянгусова, и другие целовальники — Нечаевский и Бобров.

Всего в 1729 г. Лянгусов принял в Сибири от Д. Молокова:

Денег	4.157 р. 5 ¹ / ₄ к.
Серебра	695 лан
Российских товаров на	102.994 р. 65 ¹ / ₂ к. ²⁾
Товаров Третьяковой (за недочет в товарах и деньгах при комиссарстве ее мужа) (в том числе алмазных вещей и бурмицкого жемчуга на 2.400 р.) на .	5.979 р. 16 к.

Итого денег и товаров на 113.131 р. 86³/₄ к.
+ серебром 695 лан.

Вычитывая из 113 т. стоимость алмазных вещей и жемчуга, купленных в Китае, и не принимая во внимание стоимости лан, тоже приобретенных в Китае, получим, что в Китае не было продано караванных товаров, по крайней мере, на 106 тыс. рублей, а с русскими деньгами, полученными Лянгусовым, очевидно, для расходов, можно считать — 110 тыс. рублей.

Этой цифрой — 110 тысяч рублей я воспользуюсь ниже при своих окончательных выводах.

В дальнейшем операции выразились в следующем:

Целов. Лянгусов на рос. товары в 77.450 р. 86 ⁹ / ₂₀ к.	
выменял кит. товаров на	81.057 р. 1 ¹ / ₈ к.
Целов. Нечаевский на рос. товары в 10.564 р. 87 к.	
выменял кит. товаров на	10.566 р. 87 к.

Итого . . . 88.015 р. 73⁹/₂₀ к. . 91.623 р. 88¹/₈ к.

Это — архивный итог, при чем с отданными в Иркутске и призенными в Москву алмазами и жемчугом было товаров всего на 105.711 р. 33³/₅ к.

„Китайских товаров (говорится в документах), вымененных на российские товары в 731 г. целовальником Бобровым, а в 733 г. целовальником Лянгусовым, в Москву привезено на 91.623 р. на 88¹/₈ к. А по московской оценке на 125.332³/₄ к. А у тех китайских товаров против российских товаров по московской оценке прибыли 37.317 р. 4³/₁₀ к.“ ³⁾

¹⁾ Там же, л. 5. Раньше я указал, что в 1734 г. сам Владиславич считал, что караван был задержан на границе 8 лет, т. е. 1719 + 8 = 1727 г., что, при таких обстоятельствах, вполне соответствует действительности.

²⁾ В том числе товаров у целовальника Нечаевского на 22 506 р. 9 к.

³⁾ Там же, л. 6.

При отчете у целов. Лянгусова не хватило серебра и товаров на 2.811 р. 36 к., у цел. Нечаевского на 995 р. 52 к. и цел. Боброва товаров на 48 р. 25 коп. ¹⁾.

Из другого дела узнаем, что также у целов. Ив. Суханова, бывшего в этом караване, не хватило товаров на 82 р. 57 к., и в 1737 г. они взысканы на выборщиках ²⁾.

По окончании проверки каравана 20 дек. 1733 г., оказалось по счетным выписям комиссаров умершего Третьякова и самого Дмитрия Молокова:

„В приходе: Денег	168.071 р. 45 ¹ / ₄ к.	} (Итого 447.694 р. 18 ¹ / ₂ к.)
Рос. товаров на	279 622 р. 73 к.	
Китайских на	167.255 лан 43 ¹ / ₂ фуны	
Да на рос. деньги	9.521 р. 1 ¹ / ₄ к.	
В том числе серебра 25.492 ланы 20 ¹ / ₂ ф.		} (Итого 243.678 р. 62 ¹ / ₂₀ к.) ³⁾ .
„В расходе: Денег за покупные товары и мягкую рухлядь	78.591 р. 18 ¹ / ₂ к.	
За покупное и вымененное и сплавлен. серебро	2.529 р. 2 к.	
На караванные расходы	63.687 р. 16 к.	
	Итого (в расходе)	144.807 р. 36 ¹ / ₂ к.
Товаров. рос. променено на китайские товары на	145.280 р. 57 к.	
	4.472 л. 40 ф. ⁴⁾ .	
	(Итого в расходе)	151.541 р. 32 к.)

На другой же странице тех же документов приведены несколько иные цифры привоза: привезено китайских товаров на 166.799 лан 94¹/₂ фуны да на российские деньги на 9.521 р. 1¹/₄ к. ⁵⁾.

Такие сведения о караване Дм. Молокова были собраны в 1743 г., после случившегося пожара в 1737 г. в Сибирском Приказе в Москве, по тем документам, которые сохранились после пожара, но уже тогда не имелось в этом архиве данных относительно времени отправки этого, как и последующего (т. е. Ивана Молокова), каравана в Пекин ⁶⁾.

Посмотрим сейчас, как расходовались привезенные китайские товары.

Их начали продавать с 1730 г., продавали в 1731 г. и в следующие годы ⁷⁾. Они были привезены двумя партиями в 1730 и 1731 г.

¹⁾ Там же, л. 6 об.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Приказ, дела в вязках (Опись 154), вязка 3, 1 полов., д. № 4, Доношения Соликамской провинциальной канцелярии о взысканных с выборщиков — посадских умершего целовальника бывшего китайского каравана Ив. Суханова за неявившиеся товары — 82 р. 57 к. 1737 г. 30 июля.

³⁾ Все взятое в скобки в этой архивной выписи вставлено мною для большей ясности. Что же касается итога 243.678 р. 62 ¹/₂₀ к., он мною получен, считая 1 лан = 1 р. 40 к. Этот итог вывезенных товаров, как видим, на 19 т. р. больше выведенного выше, на основании подсчета отдельных товаров, G. Cahen'ом. Но итог 243.679 р., как сделанный современниками на основании всех имеющих у них данных, является более полным, почему я его и принимаю для своих окончательных выводов.

В сент. 1727 г. С. Владиславич определял 1 лан = 1 р. 40 коп., в 1729 г. архимандрит в Пекине покупал 1 л. тоже по 1 р. 40 к., в сент. 1730 г. Ланге писал, что за 1 л. берут 1 р. 43 к. или 1 р. 30 к., очевидно, смотря по качеству денег. „Le livre de comptes de la caravane russe à Pékin en 1727—1728“ par Gaston Cahen, Paris, 1911, p 122—123.

⁴⁾ Петроградский Архив Департамента Таможенных Сборов, Каталог 1888 г., Дела Сиб. Пр., № 7. Св. 1, д. 17, л. 9 и 10.

⁵⁾ Там же, л. 11.

⁶⁾ Петр. Арх. Деп. Тамож. Сборов, Каталог 1888 г., Дела Сиб. Приказа, № 7, Св. 1, д. 17, л. 4 и л. 24.

⁷⁾ Там же, л. 12.

Из Сибирского Приказа, при заведывании им купчиной Иваном Лакомкиным, китайские товары в 1732 году покупали купцы, также чиновники гражданские и военные (генералы, статские советники, поручики, сержанты, артиллерийские служащие) и др. Покупка производилась поштучно, оптом, на 1 р., 2 р., 10 р., 25 р., 32 р., 40 р., 50 р., 70 р. и т. д.; один купец купил свистунов на 300 р.; только чай продавался на несколько тысяч рублей. В феврале 1732 г. продан чай привоза 1730 г. и 1731 г., и купил его купец I гильдии на 1.550 р. (пуд по 15¹/₂ р.); в мае было продано одному покупателю 15 фунтов зеленого чая по 60 коп.; в июле купецкие люди Андрей и Василий Евреиновы купили чай зеленый простой насыпной на 8.045 р. 10 к. (пуд по 14 р.); один покупатель взял 2 ф. зеленого чая (по 60 коп. фунт), другой (новгородец) купил этого чая на 5 р. 50 к., третий, первогильдейский купец, купил зеленого чаю на 200 р. (по 20 р. пуд). Таким же образом продавались камки, голи, бархат, канфы, гродетуры и проч.

После 1732 г. на 1733 г. остались непроданными такие товары:

От привоза 1730 г.: китайские материи на 48.054 р. 30 к., чай жулан — 37 р. 75 к., чай зеленый — 5 р. 55 к., а также лекарства, шири, бутылка, а всего осталось на 48.438 р. 79¹/₄ к.

От привоза 1731 г.: китайских материй на 27.254 р. 60 к. барсов — 154 р., чаю бахчевого — 266 р. 66 к. (333 бахчи, весом 11 п. 4 ф., в том числе бумаги в каждой бахче по 5 золоти., итого в бумаге весу 17 ф. 33 зол., т. е. чистого веса 10 п. 26 ф. 63 з., по моск. оценке по 25 р. пуд), чаю зеленого насыпного в цыбиках — 168 р. (10 п. 20 ф., по моск. оценке по 16 р. пуд), алмазов — 495 р., перья алмазные — 60 р., два „перла бурмицких зерен“ (в 70 зерен) — 400 р., два перла в нитках (в 100 зерен) — 50 р., а всего осталось китайских товаров от привозу 1731 г. на 28.848 р. 26 к. Общий итог непроданных китайских товаров привоза 1730 и 1731 г. выразился в 1733 г. в 77.287 р. 5¹/₄ коп.¹⁾

В 1733 и 1734 г.г. эти оставшиеся товары, очевидно, продолжали продаваться и в 1735 г., когда вернулся в Москву новый караван Ивана Молокова, оставшиеся товары были сданы ему в приход. Я это заключаю из счета 1736 г. каравана Ивана Молокова, в котором сказано, что „итого денег и товаров и с остаточными от 1734 г. в приходе на 225.710 р. 34 к.“²⁾ Сколько же было этих „остаточных от 1734 г.“ китайских товаров не имеется в моих архивных выписках указаний, если они вообще имеются, но возможно предположительно думать, что этих остальных товаров было немного, так как за 1733 г. и 1734 г. можно было достаточно распродать товаров, которых на 1733 г., как мы уже знаем, осталось на 77 т. р. Также из другого документа нам известно, что оставшиеся в 1735 г. (от 1734 г.) товары от каравана (Дм. Молокова) вступили в приход 1736 г.³⁾

В то время стоимость товаров показывалась только по московской оценке, а прибыль и пошлины не принимали во внимание (не прикладывали), как это делали позднее при подсчетах других кара-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиции, Ревизион-Коллегия (дела по Сиб. Прик.) (Опись, 276), в. 33, д. № 1, Книга расходная ее имп. в-ства китайского каравана товарной казне Сибирскому Приказу 1732 года купчины Ив. Лакомкина, с.с, 2, 87, 108, 117, 155, 175, 180, 198 и др.

²⁾ Петр. Арх. Деп. Тамож. Сборов. Каталог 1888 г., Дела Сибирского Приказа, № 7 (дела 1743 г. июля), Св. 1, дело 17, л. 13.

³⁾ Там же, л. 24.

ванов, так что в 1743 г. тогдашние бухгалтера не могли определить прибыли (или убыли) этого каравана. При этом нам еще известно, что в 1733 г. было приказано составлять счет каравана только по продаже им всех его товаров¹⁾. А так как мы знаем, что не все товары каравана Дм. Молокова в этом году были проданы, то такие ведомости не были тогда составлены по этому каравану. Однако мы можем во всяком случае с полным основанием считать, что торговые операции каравана Третьякова — Дм. Молокова продолжались и в 1733 г., а в 1735 г. слились с операциями нового каравана.

Из всего сказанного относительно материальной части каравана я делаю следующие выводы.

Этот караван получил начало еще в 1719 г. (т. е. когда текущий караван Истопникова стоял уже на границе), окончательно был отправлен в 1722 г., в 1727/8 находился в Пекине, в 1730—1731 г. китайские товары были в Москве, где их Сибирский Приказ продавал в течение нескольких лет населению, но в 1733 г., очевидно, третья часть всех привезенных китайских товаров не была израсходована, а в 1735 г. остаток их был слит с новым привозом. Таким образом срок существования этого государственного каравана определяется, по крайней мере, в 16 лет.

Караван при в'езде в Китай имел российских товаров на 275 т. р. (а с деньгами — 285 т. р.).

В Пекине:	На границе допол- нительно:	Следовательно осталось:
Продано на . . . 151 т. р. ²⁾	Продано на 88 т. р.	Непроданным на 36 т. р.
Привезено на . . . 244 т. р. ³⁾	Привезено в Моск. 92 т. р.	
Расход карав. . . . 64 т. р.	Расход ?	

С такими итогами нам приходится считаться при определении значения этого каравана. Выведенные мною эти итоги не могут считаться вполне точными, но приблизительно дающими картину того, что было. Выделить из одних цифр другие при тогдашнем характере счетоводства трудно и даже представляется невозможным. Но я все-таки попытался сделать возможную оценку каравана по только что приведенной схеме. Из этой схемы видим, что меха, проданные в Пекине, дали больше всего выгоды. Это понятно: караван был принужден сбывать в Пекине лучшие меха, потому что торговля была вообще скверная, и вследствие этого остались у него худшие товары. Эти худшие, „остаточные“, товары пришлось продавать уже на границе, и, так как они были плохие, за них получено очень мало прибыли. Очевидно, после всего этого остались товары уже совсем плохие (вспомним, что меха лежали в караване целые годы, были попорчены молью, непогодой, вследствие необычайной продолжительности этого каравана), и хотя в документах я не встречал указаний, что после этого каравана остались меховые товары, но это следует из сопоставления вышеприведенных цифр. Разумеется, что эти меха в конечном результате были проданы или вообще пошли на расход, но во всяком случае мы должны зачесть их в убыток каравана. Если бы мы хотели быть очень точными, то в этот же убыток мы должны были бы включить и те товары, которые целовальники уже после выезда каравана из Китая допродали на границе, потому что прямое назначение

1) Там же, л. 14.

2) Именно, согласно окончательной проверке Дм. Молокова, у него в расходе оказалось промененных русских товаров на китайские на 151 т. р.

3) Согласно окончательной проверке Дм. Молокова, у него в приходе было китайских товаров, переводя ланы на русские деньги, всего на 243 678 р.

каравана было продавать меха именно в Пекине, а не в России. Но учитывая убыток каравана только в 36 тыс. рублей от непроданных меховых товаров, мы все равно видим, что караван в целом потерпел крах. В самом деле, считая организационные расходы каравана (подвижной состав, продвижение) в 64 т. р. (всего караван израсходовал 145 т. р., — я везде цифры округляю, — вместе с добавочной покупкой мехов и серебра), убыток от непроданных товаров в 35 т. р., получаем — 110 т. р. расхода. Меха же, проданные в Пекине, стоили по подсчету казны — 151 т. р. Прикладывая сюда расход (151 + 110), получим 261 т. р. Караван же взамен этого вывез китайских товаров из Пекина, всего на 244 т. р., т. е. из этого ясно, что он вывез на меньшую стоимость, чем самому обоплились все эти операции.

Чтобы выручить свои деньги правительство должно было продавать китайские товары дорого, и при высоких ценах, разумеется, сбыт их не мог быть большим. Мы уже знаем, что даже в 1733 г. в Сибирском Приказе числилось непроданными китайских товаров еще на 77 т. р. Но если эти товары и дали бы, вследствие продажи по высоким ценам, прибыль, то и она не могла бы покрыть остальных убытков, потому что в убыток нужно зачесть пошлину, которую правительство потеряло на 280 тысячах рублей и которая была бы уплачена, если бы эти меха продавались не государством, а частными лицами (пошлин было бы не менее 28 т. р.), а также и с китайских товаров казна взяла бы пошлину (16 т. р., т. е. всего пошлин получилось бы около 44 т. р.); правительство ценило стоимость своих мехов гораздо дешевле, чем это было на вольном рынке, потому что целовальники, во избежание начета, всегда старались оценить как можно ниже меха, а покупая меха в казну, также обезценивали их, и поэтому были в состоянии продавать китайцам эти меха с прибылью, но эта прибыль была кажущаяся и т. п.

Все это приводит меня к заключению, что караван Третьякова — Дм. Молокова потерпел очень большой убыток, а если вспомнить, что капитал, вложенный в этот государственный караван, в общем равнялся по одним (ранним, см. стр. 41) подсчетам до 300 т. р., а по другим (более поздним, см. стр. 50) — 448 т. р. (считая с денежными суммами), то этот капитал, хотя отдельные его части находились в обращении неодинаковое время и переходили из одного вида товарного капитала в другой, находился прикованным к этому казенному предпринятию если не все 16 лет его существования, то, по крайней мере лет 9, а учитывая сколько раз такой капитал мог обратиться с прибылью в руках частных лиц и за все это время во сколько раз он мог увеличиться, придется признать, что более убыточного государственного каравана не было за все время существования государственной монополии в торговле России с Китаем. Поэтому прав был Ланге, который, как я уже говорил, сообщал в 1730 г., что эта пекинская торговля была для казны „весьма убыточной“.

Таким образом, первый государственный караван, торговавший в Пекине в силу Кяхтинского трактата 1727 г., не оправдал надежд приверженцев торговой монополии.

ГЛАВА XI.

Караван (II) Ивана Молокова 1731 — 1732 — 1738 г.г.

По заключении Кяхтинского трактата и прибытии графа Саввы Владиславича-Рагузинского в Москву, русское правительство, естественно, приступило к обсуждению вопроса о пользе государственной

торговой монополии с Китаем. 29 мая 1729 года. Рагузинский составил доклад по этому вопросу и подал его 4 июня. Уже заранее было известно, что торговавший в 1728 г. в Пекине караван Дмитрия Молокова не принесет прибыли, вследствие переполнения китайского рынка русскими мехами, и поэтому Владиславич-Рагузинский в данном докладе полагал, что, если посылать следующий караван, то следует отправить частный и небольшой, чтобы только не прекращать торговли с Китаем, потому что, если пренебречь хотя один раз правом посылки, согласно Кяхтинскому трактату, очередного каравана в Пекин, то китайцы, со свойственным им непостоянством, воспользуются этим случаем, чтобы в будущем совсем отказать в приеме караванов¹⁾. Но еще раньше, в 1727 г., 28 сентября, Савва Владиславич, как я указал в предыдущей главе, высказал в особом и подробном „Мнении“ свои соображения о караванной торговле, предлагая частную сосредоточить только на границах, а государственную упорядочить лучшей организацией казенных караванов.

Сибирский губернатор князь Мих. Владимирович Долгорукий²⁾ в том же году высказал свое мнение по поводу указанных соображений Владиславича-Рагузинского. Рагузинский хотел запретить русским торговать мехами даже на границах, предоставив меха только казенным караванам, а частным лицам остальные товары (кроме, впрочем, провианта и скота, чтобы не удорожить жизни на границах). Долгорукий же был против этого, говоря, что если частники не будут иметь возможности даже на границах торговать мехами, то от этого будет таможенный недобор, „понеже от торгу мягкой рухляди бывает пошлинной збор немалой“. Что же касается казенного каравана, Долгорукий не возражал против него, но только предлагал, во избежание убытков, платить администрации каравана жалованье не деньгами, как именно проектировал Рагузинский, а мехами, однако обязав администрацию, по прибытии в Пекин, продавать свои меха лишь после распродажи всех казенных товаров. Долгорукий также предлагал, чтобы покупку товаров в отпуск производили бы, как это и было раньше, сам комиссар и целовальники, а также и продажу привезенных в Москву китайских товаров производили бы также сам комиссар и целовальники, т. е. чтобы все операции данного каравана от самого начала до полной его ликвидации совершались одними и теми же лицами, без вмешательства других, и уже они будут отвечать за все свои поступки и промахи и стараться заслужить награду за прибыль. В противном же случае комиссар и целовальники каравана будут недовольны, что не те товары куплены для отпуска в Китай, что они дорого ценены, и, наоборот, если, по существовавшей тогда практике, привезенные китайские товары будут оценивать московские ценовщики, как это тогда бывало, то не будет никакой прибыли, а только убыток, потому что эти ценовщики не в курсе дела, ценят товары не согласно ценам монгольского рынка или вольного купеческого рынка, а „самую низкой ценой“, например, вместо 20 р., которые можно получить в торгу, они ценят в 10 р. с небольшим, а комиссары и целовальники за это получают выгоды, что они виноваты в злоупотреблениях.

Таковы были главнейшие положения Владиславича и Долгорукого, находящиеся в противоречии друг с другом (в остальном же

¹⁾ Материалы у G. Cahen, „Histoire...“, p. LXXI.

²⁾ Он был назначен сибирским губернатором 16 янв. 1724 г. на место кн. Черкасского (Б.-Каменский, с. 108, примеч. 1).

они в общем сходились), и поэтому правительство, естественно, вышло в 1729 г. из Селенгинска Ланга, чтобы, опираясь на его знания и жизненный опыт, решить, во-первых, вопрос, что делать с отпуском очередного государственного каравана: посылать ли его или же послать частный караван, и, во-вторых, как организовать караванное дело.

Вот почему Ланге почти через 4 месяца прибыл в Москву, именно в конце февраля 1730 г. 30 июня 1730 г. он написал доклад Сенату, в котором высказал присущей ему, действительно, крупный ум, предложив, в свою очередь, проект организации русско-китайской торговли. Ланге проектировал, чтобы все меха поступали только в казну, казна же продает их на деньги всем желающим русским вольным купцам, и только такими купленными из казны мехами русские могут свободно торговать на границе с китайцами. Таким образом, Ланге был за сочетание казенной и вольной торговли и именно желал сохранения вольной торговли, но тоже лишь на границах, так как только здесь русские могут свободно торговать, потому что в Пекине, как он говорил, притесняли бы их. На деньги же, вырученные от продажи мехов и от сбора пошлин с пограничной торговли, казна покупала бы ефимки (они имели хождение в Пекине) и, снарядивши очередной, но только маленький, государственный караван с мехами, всего на 30—50 тысяч рублей, все эти ефимки послала бы с караваном в Пекин для покупки там золота, камней и др. дорогих вещей, а по возвращении каравана, казна получила бы „хорошую прибыль“, потому что издержки на такой маленький караван были бы не велики (нужно было немного подвод и людей), и он мог бы быть скоро организован и быстро совершить все свои операции в Пекине и скоро вернуться¹⁾.

В окончательном результате было постановлено послать в Пекин караван от казны с небольшим количеством товаров.

Еще раньше, как выше упомянуто, указом Сената 30 дек. 1726 г. была запрещена какая-бы ни было частная торговля мехами в Китае. Это и теперь осталось в полной силе и не раз повторяется в русско-китайских документах того времени.

Для организации самого караванного дела имел важное значение указ Сената 3 января 1731 г., явившийся следствием обмена мыслей о значении караванов для казны и всестороннего обсуждения мнений Владиславича, Долгорукого и Ланга. В 18 пунктах этого указа говорится, что караван идет в Пекин каждые 2—3 года (по IV пункту Кяхтинского договора: один раз в 3 года), под руководством агента и его товарища — служащего Сибирского Приказа, с 2 комиссарами, 4 целовальниками, 2 счетоводами, 2 переводчиками и 2 писцами. Годовое жалованье было определено: агенту — 2.000 р., его товарищу 1.500 р., комиссарам по 1.000 р., целовальникам по 300 р., счетоводам не менее по 200 р., переводчикам по 100 р., писцам по 50 р.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел. Снош. Рос с Китаем, картон 19, д. 1727, № 9, № 6, № 112 и след. Также в карт. 26, 1729 г., д. 4: Мнение гр. С. Владиславича о государственном российском торге с Кит. госуд. Карт. 19, д. 1727, л. 125 (также в карт. 15—„Статейный список..“, т. II, л. 676—679: Мнение гр. С. Владиславича о партикулярном торге Кн. Долгорукий подал: „На мнения гр. С. Владиславича мы нижайшее наше мнение о российском торгу с Китайским госуд. объявляем“, картон 19, д. 1727 г., № 3. Журнал Ланга (о 1 караване) и „о продажных же казенных товарах шетные книги, о предбудущих торгах“ его мнение: карт. 68, „Выписка (беловая) о посланных в Китай российских караванах“ (1721—1739 г.), сост. в 1776 г. (в 109 листах), с. 57—73.

Все эти „мнения“ изданы (с пропусками) в материалах у G. Cahen, „Histoire...“, p. p. LXXXIII—XCI.

Жалованье, таким образом, выдается деньгами, а не товарами, чтобы не было конкуренции казенным товарам. При караване находится для охраны конвой. В то время, как агент сопровождает караван в Пекин, его товарищ подготавливал в Сибири следующий караван ¹⁾.

Тогда же, 3 января 1731 г., всем русским купцам было запрещено торговать в Пекине и в других китайских местах, а право торговли было предоставлено только караванам ²⁾.

Уже один факт такого распоряжения косвенным образом показывает, что фактически русские купцы продолжали, очевидно, негласно, ездить в Китай и продавать там меха. Настоящее же распоряжение только подтверждало старые запреты и тем подготавливало почву для нового казенного каравана. И вышеупомянутым же сенатским указом от 3 января 1731 г. был назначен к отправлению в Пекин государственный караван. 21 января 1731 г. по указу был назначен его „директором“ Л. Ланге и остальной штат каравана ³⁾. Именно при „директоре“ был назначен комиссаром Иван Молоков, 4 целовальника, 2 канцеляриста (Давид Граве и Никифор Сырейщиков) и 4 ученика (Михаил Позняков, Иван Быков, Герасим Барщников и Алексей Владыкин), вся же свита состояла из 113 человек. Упомянутый ученик Алексей Владыкин потом, спустя более 20 лет, был поставлен во главе последнего казенного каравана в Пекин. Что же касается ученика Ивана Быкова, он был послан тогда с прочими академистами, как ученик-переводчик, для сочинения в пути журнала этого казенного каравана ⁴⁾.

Из коллегии Иностранных Дел дали Лангу от имени Сената в китайский Трибунал грамоту от 21 января, с просьбой пропустить караван в Пекин и обратно и допустить его беспрепятственно торговать в Пекине и пользоваться всяким благоволением. 26 января Ланге получил из Сибирского Приказа все необходимое для своей поездки и тогда отправился в Сибирь ⁵⁾. В Сибири все годные меха должны были свозиться в Иркутск. Тут же особою печатью (образец которой был прислан сюда) должны были потом пропечатываться все китайские товары, которые будут вывозиться караваном из Китая.

По реестру Ланга в караване было мехов:

Соболей средних и нижних цен в косках на	12.000 р.
Пупков собольих	2.000 „
Белки сырой и черной	15.000 „
Рыси	10.000 „
Песцов и непесцов белых	13.000 „
Лисиц бурых, серых и крестовок	6.000 „
Лисиц красных и простых	12.000 „
Вобров камчатских	6.000 „
Корсаков	10.000 „
Горностаев обских	8.000 „
Выдр	3.000 „

¹⁾ Полное Собрание Законов, VIII, № 5. 666, с. 354—358. G. Cahen, „Histoire...“ р. 243.

²⁾ Петроградский Архив Департамента Таможенных Сборов, Каталог 1888 г., Дела Сибирского Приказа, № 43, связка 6, дело 60 (1754 г., март), л. 2 об. и 3.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел., Сп. Рос. с Китаем, карт. 30, д. 1731 г., № 7, Отпуск в Китай с казенным караваном агента Ланга. Тут же — его журнал о пребывании в Пекине, 1731—1733 г.г.

⁴⁾ „Материалы для истории Императорской Академии Наук“, т. IX, с. 131.

⁵⁾ Бантыш-Каменский, с. 173.

Ластик	1 000 р.
Мехов белых русачьих	400 „
Юфтей красных	1.000 „
Козлов разных цветов	100 „
Сукон ordinарных цветных	500 „
Итого на	100.000 р. ¹⁾

Таким образом, караванный вывозной товарный капитал равнялся всего—100.000 р., т. е. был втрое и вдвое меньше, чем в предыдущие караваны ²⁾.

Снаряжение этого каравана, как видим, было произведено на-спех, и в 1734 г. Владиславич собственно в этом видел причину его неудачи. Именно, караван этот вернулся в Сибирь в апреле 1733 г., а в следующем году казенные товары должны были быть уже в Москве. В июле 1734 г. Владиславич в своей „Информации“ графу Остерману, конечно, уже имел в виду этот караван, когда объяснял, что „в караване прибыли нет“, ибо караваны готовятся на-спех, в течение всего нескольких месяцев, „как ныне следовало (= было) в последнем караване“, и сам директор Ланге лучше всего может указать, как нужно заранее приготовить к отпуску караван, а указания самого Владиславича, как он жаловался, никогда не были принимаемы во внимание и не исполнялись ³⁾.

Согласно „Летописи губ. гор. Иркутска“, в Иркутск прежде прибыл из Тобольска с караваном комиссар Иван Молоков с целовальниками, и они тут принимали меха, а потом поплыли на судах в Селенгинск. Потом сюда же прибыл „директор“ каравана Ланге и весной отправился в Забайкалье к каравану ⁴⁾. Именно, Ланге приехал в Иркутск 13 мая 1731 г., в Селенгинск—19 июля. Здесь он пробыл все лето. В октябре, 12 числа, он получил из Пекина 10.000 лан серебром на путевые расходы, почему эти деньги и были внесены в караванную казну, но, по приезде в Пекин, Лангу объявили, что это серебро назначалось ему в личный подарок, в виду его неоднократных прежних посещений Пекина. Таким образом, китайцы этим хотели расположить к себе Ланга, а насколько в то время Пекин был вообще заинтересован заручиться хорошим настроением русских, видно из того, что тогда же, в ответ на принятие первого китайского посольства, было прислано из Пекина 2 октября 1731 г. на границу, в вознаграждение лицам, участвовавшим в приеме и сопровождении посольства, подарки на 100.000 лан (т. е. на 130.000 рублей, считая 1 лан = 1 р. 30 к.). Только получив разрешение от Сената, русские приняли от китайцев эти подарки ⁵⁾.

¹⁾ Петроградский Архив Департамента Таможенных Сборов, Каталог 1888 г., Дела Сибирского Приказа, № 30, Связка 13, д. 131, л. 4, л. 5.

²⁾ У Х. Трусевича („Посольские и торговые сношения России с Китаем“, Москва, 1882 г., с. 96) этот караван ошибочно отнесен к 1728—1729 г. (такого каравана не было), а караван 1731—1733 г., в свою очередь, очевидно, смешан им с последующим караваном, вследствие чего караванный капитал его определен автором неверно в 104.390 р. Источник, откуда взята эта сумма, Трусевич в точности не указывает.

³⁾ Бантыш-Каменский, с. 377.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, портфель Баснина II, № 60, „Летопись губ. гор. Иркутска“.

⁵⁾ Подарки прибыли в Селенгинск 15 июня 1732 г., 9 августа они были отправлены из Иркутска на 4 дощанниках в 468 ящиках и привезены в Москву на 116 подводах 12 февраля 1733 г. (при чем провоз их обошелся от границ до Москвы в 3.831 р. 40 к.). Они оказались состоящими из 600 штук голей разных

Хотя Ланге еще в сентябре получил от китайцев вышеупомятые деньги, но он двинулся с караваном из Кяхты в дальний путь только 6 ноября 1731 г., при чем пошел не через степь Гоби, как раньше, а Курюлинской дорогой, потому что ее хвалили Лангу и считали лучшей. Однако Ланге нашел и ее не менее трудной, а кроме того, выбор Курюлинского направления послужил к большой остановке в пути, ибо караван лишь 22 марта уже следующего 1732 г. прибыл в Пекин, т. е. был в дороге более 4½ месяцев, а не 2½ месяца, как предыдущий караван¹⁾.

Посмотрим, как на этот раз был принят китайцами караван, являющийся по счету II, отправленным в силу IV пункта Кяхтинского трактата 1727 г., утвержденного в 1728 г.²⁾ Вспомним, что I караван 1727/8 г. был вынужден покинуть раньше времени Пекин, вследствие настояний китайцев. Ланге в свое время сообщил об этом русскому правительству, указывая, что китайцы не имели права этого делать, потому что в силу Кяхтинского договора они должны были предоставить русским свободно торговать в Пекине (согласно тексту трактата: „свободное купечество между обеими Империями“). Вследствие этого Россия еще тогда послала в Пекин протест. В январе 1731 г., т. е. в тот месяц, когда Ланге отправился из Москвы в Сибирь со II караваном, в Москву приехало первое китайское посольство. Китай тогда был занят окончательным разрешением проблемы покорения Джунгарии и хотел добиться от России, чтобы она не поддерживала Джунгарии, обещая за это содействовать русской торговле. Но Россия в этом вопросе держалась очень осторожно и не связывала себя никакими обещаниями³⁾.

Китайским послам при этом словесно было указано о незаконной высылке в 1728 г. каравана из Пекина, и что, на запрос Сената от 14 авг. 1730 г. относительно этого, из Пекина еще ничего не ответили. В этой грамоте 14 авг. 1730 г. Сенат спрашивал, на каком основании был выслан караван, потому что этим нарушен Кяхтинский трактат; „в помянутом же трактате, в IV пункте, о коммерции, хотя и не означено время, сколько российскому каравану в Пекине пребывать, но разумеется по оному ясно, что потребно быть тому каравану в вольности до продажи своих и покупки других товаров, и требовал Сенат оною грамотою от помянутого Трибунала о донесении о том богдыхану, в уповании, что он повелит впредь караванам российским в отправлении в Пекине коммерции надлежащую

цветов, 3 000 семиланнх, 3 000 пятиланнх, 3 000 канф гладких, 3 000 канф средней руки, 1 000 атласов на клею, 2 000 байбереков, 1 000 усов, 2 000 басов, 500 соломонок большой и малой руки, 4 000 гин (гина — 1½ фунта) шелку несканого и 4 000 же гин шелку сученого. Эти подарки были распределены только в ноябре 1735 г. Несколько вещей было передано во Двор, другие розданы: гр. Бирону, гр. Левенвольду, гр. Остерману, гр. Ягужинскому, кн. Черкасскому, а остальное отдано на раздел в Коллегию Иностранных Дел.

Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 34, д. 1732 г., № 6. Дело о приеме китайских товаров. Картон 45, д. 1735 г., № 7. Бантыш-Каменский, с. 189—190.

¹⁾ Бантыш-Каменский, с. 173, прим. 3.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 68, беловая „Выписка (1721—1739 г.) о посылаемых в Китай рос. караванах“, сост. в 1776 г., история II каравана, л. л. 57—73.

³⁾ Китайцы тогда склоняли в свою сторону, не жалея подарков, кочующего на Волге Аюк-хана.

Выписка по промемории Государственной Коллегии Ин. Дел о пропуске товаров посланцев

Моск. Арх. Мин. Юстиции, Дела Камер-Коллегии (Опись 276), вязка 276, дело 6 (1730 г.).

свободу иметь“. Кроме того, Сенат тогда же просил, вследствие того, что путь из Кяхты в Пекин затруднителен, за отсутствием в дороге воды и леса (т. е. через степи Гоби), чтобы богдыхан, если русские купцы найдут путь более удобный прежнего, не чинил бы препятствий к отправке каравана новой дорогой ¹⁾.

Китайские послы уже выехали из Москвы, когда в июне этого же 1731 г. пришла из Пекина грамота, в которой китайцы оправдывались в тех притеснениях, каким подвергся I караван в Пекине. Собственно это не было оправдание, а желание представить дело так, как будто бы ничего особенного не произошло, что Ланге напрасно жаловался, что его насильно выслали с непроданными товарами, потому что в Кяхтинском трактате срок пребывания каравана в Пекине не указан (а потому, значит, караван не имеет права требовать допущения быть в Пекине до срока, какой он желает в данном случае); кроме того, Ланге привез подмокшие меха и хотел их продавать дорого, а пекинское правительство не имело права заставлять своих купцов их покупать; Ланге же счел это за вынужденную высылку из Пекина; что же касается лошадей и верблюдов, которые были украдены у каравана на месте, именуемом Лаврен, то Ланге должен был требовать возвращения их у тамошних правителей ²⁾. Сенат на это ответил (20 августа 1731 г.), что китайское посольство было принято с вниманием и просил, чтобы отправленному в Пекин II каравану по дороге было оказано содействие и допущена свободная продажа, мена и покупка товаров, согласно трактату, не совершая ни малейшего притеснения и тем более не определяя срока выезда этого каравана из Пекина. Об этом же было дано знать и Лангу, который с караваном еще был на границе ³⁾.

В то же время в Россию выехало второе китайское посольство, под предлогом поздравления с восшествием на престол Анны Иоанновны, но в действительности с той же целью изолировать Джунгарию и заручиться содействием России (именно волжских калмыков, подвластных России). Это посольство было принято в Москве в апреле 1732 г. Тем временем курьер Соловьев доставил в Пекин грамоту Сената от 20 авг. 1731 г. с просьбой как следует принять караван (Соловьев выехал из Петербурга 23 авг. 1731 г., а прибыл в Пекин 14 февраля 1732 г., т. е. был в дороге всего менее 6 месяцев), а месяц спустя вернулось в Пекин и первое китайское посольство, хорошо отзываясь о приеме оказанном ему русским правительством (на него было издержано русскими до 26.700 рублей, а на второе посольство— до 22.500 р.). Вскоре же после этого, именно 22 марта, прибыл в Пекин и русский караван.

Таким образом, политическая почва для принятия каравана в то время была хорошо подготовлена, китайцы были крайне заинтересованы хорошим отношением России и поэтому на этот раз предупредительно отнеслись к Лангу. Как мы видели выше, они ему даже выслали на дорогу деньги. Китайцы были тем довольны, что Россия тогда разрешила своим подданным продавать на границе лошадей, скот и провиант, что было крайне важно для китайцев, ведущих в тех областях окончательную войну с Джунгарией.

За Лангом в Пекине ухаживали, богдыхан часто оказывал ему знаки личного уважения, русские могли свободно ходить по городу ⁴⁾.

¹⁾ Бантыш-Баменский, с. 181.

²⁾ Бантыш-Каменский, с. 172.

³⁾ Бантыш-Каменский, с. 187.

⁴⁾ Бантыш-Каменский, с. 200, 194, 191, прим. 1, 203, прим. 2.

Торговля происходила успешно, но Ланге все же был недоволен тем, что приставленные к каравану китайские чиновники осматривали своих купцов до рубашки, интересуясь, что они принесли продавать и что купили, с целью обнаружения заповедных товаров. Но чиновники на это имели право, и это не противоречило Кяхтинскому трактату. Тем не менее богатые купцы, стесняясь этих обысков, производили торговлю с русскими, приходя не лично, а посылая посредников. Ланге также был недоволен и тем, что китайцы не хотели входить с ним в официальную письменную переписку и посылать от него в Россию курьеров с бумагами, говоря, что Кяхтинский трактат упоминает о переписке только русского Сената с китайским Трибуналом, а не отдельных лиц, что было совершенно правильно.

По окончании торговли, Ланге со всей караванной свитой был приглашен во дворец, где русских угостили великолепным столом, зрелищами, а сам Ланге лично говорил с богдыханом и получил от него подарки. 8 сентября 1732 г. караван выехал из Пекина, пробыв здесь 5 месяцев и 17 дней. Уезжая, Ланге взял с собой двух учеников, живших там, оставив вместо них двух новых учеников: Ив. Быкова и Алексея Владыкина.

Караван возвращался тремя отрядами по Наунской дороге. В пути, в степи, два раза на него нападали монголы, при чем 3 русских было ранено (один из них умер от раны в Селенгинске) и отбито 90 лошадей и 23 быка. Но по жалобе Ланге лошади и скот тотчас же были возвращены китайцами, а также взято у монголов в качестве штрафа и передано русским 1.263 верблюда, лошадей и скота, участники нападений были казнены и повешены, скот же их отнят и отдан пострадавшим. Все это сделано согласно трактату и показывает, что китайцы на этот раз сумели быть внимательными и исполнительными соседями.

На русскую границу, именно в Цурухайту, караван прибыл 25 апреля 1733 г., не испытавши в пути недостатка ни в чем и никаких неприятностей, за исключением двух упомянутых нападений монголов.

Путь через Манджурию был избран потому, что, как говорится в Монгольской летописи, русские посланцы и караваны, вследствие беспорядков в Халхе, боясь грабежей, ездили с 1731 г. в Пекин не через Кяхту и Калган, а Цурухайту, Цицикар, Бодунэ и Си-фын-коу, и даже тут, напр., в 1732 г., везя дань (!) богдыхану, они были ограблены по дороге в Пекин¹⁾.

Однако каравану, по прибытии в Цурухайту, пришлось очень плохо. Цурухайта была искусственно построенное русскими торговое поселение на самой границе по дороге из Нерчинка в Наун. Цурухайта была создана согласно Кяхтинскому договору с целью перенести торговлю из Науна на границу; она была построена на р. Аргуни на открытом месте и на расстоянии 50 верст не было леса. Для топки приходилось пользоваться в качестве топлива кустарником, растущим на китайском берегу Аргуни, почему требовалось разрешение на это китайского караульного офицера. Сама Цурухайтская слобода состояла всего только из 4 рыбацких шалашей, без

¹⁾ „Монгольская летопись“, А. Позднеев (Материалы для истории Халхи с 1636 г. по 1736 г.), П., 1883 г., с 334—335.

Разумеется, указание, что русские везли „дань“ и были ограблены по пути в Пекин (а не из Пекина), — не соответствует действительности.

В 1736 г. и в следующем году товары расходовались, но в 1737 г. в Сибирском Приказе случился пожар. Во время пожара погибла часть документов, а также некоторая часть китайских товаров „погорела“. После этого пожара в 1737 же году по подсчету у Ивана Молокова с товарищами числилось в их караванной казне китайских товаров по московской оценке этого 1737 г. на 73.724 р. 20 к. В этом же году товары пошли в жалованье разным чиновникам на 53.706 р. 94¹/₄ к. и в другие отпуска на 12.612 р. 77¹/₂ к., так что к 1738 г. их осталось всего на 7.404 р. 48¹⁷/₂₄ к.¹⁾

Итак, караван еще в 1738 г. не закончил своих караванных операций, и поэтому время его существования можно считать с 1731 г. и, по крайней мере, до 1738 г. (включительно), т. е. он просуществовал не менее 8 лет, вплоть до прибытия из Сибири китайских товаров нового каравана Фирсова.

Сам Иван Молоков умер в феврале того же 1738 г.²⁾

Отсюда мы видим, что Ив. Молоков (как потом и Фирсов) лично вел операции по расходованию привезенных ими караванов, т. е. комиссарам поручалось караванное дело провести от начала заготовки русских товаров вплоть до продажи китайских товаров. За это время служащие каравана, конечно, оплачивались, и все это время считалось временем существования данного каравана.

В этом я вижу результат проекта кн. Долгорукого и наследие XVII в., когда дело поручалось („приказывалось“) от начала до конца одному лицу, и, значит, еще в XVIII в., в целях наибольшей отчетности, ясности и экономии, не учитывалось удобство специализации деятельности по отдельным стадиям развития предприятия, т. е. чтобы продажу русских товаров в Китае производили одни лица, а продажу китайских товаров в Европейской России другие. Все это есть влияние преобладания натурального хозяйства над денежным.

Счета каравану Ивана Молокова были составлены, как я указал, в 1736 г., а так как после пожара 1737 г. „некоторое число товаров“, как и книги 1736 г., сгорели, то в 1740 г. был сделан новый подсчет каравана Ивана Молокова, но не всему, а только оставшимся после пожара товарам. По этим счетам товары показывались только по московской оценке, а прибыли и пошлин не прикладывалось, в виду чего, когда в 1743 г. потребовалось определить прибыль каравана, счетоводы того времени не могли этого сделать³⁾. Однако, если бы в июле 1743 г. не понадобились цифровые сведения о бывших до этого времени караванах и их прибыли, то мы, может быть, даже не имели бы и тех статистических сведений, которые я выше привел по каравану Третьякова — Дмитрия Молокова (т. е. по I каравану, принятому в Пекине в силу Кяхтинского трактата) и каравану Ивана Молокова (II каравану).

Если счетоводы 1743 г. затруднялись определить прибыль каравана Ив. Молокова, за неимением точных данных, тем более это невозможно в настоящее время, но я все-таки попытаюсь сделать это предположительно.

Сколько Иван Молоков привез китайских товаров нам точно неизвестно. Мы знаем только, что в 1736 г. у него числилось их по

¹⁾ Там же, л. 15. Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел. Снош. Рос. с Китаем, карт. 46, дело 1737 г., № 8: Дело о роздаче китайских товаров коллежским слу- жителям.

²⁾ Там же, л. 20.

³⁾ Там же, л. 24.

московской оценке почти на 214.700 р. и серебра 1.144¹/₂ ланы, т. е., переведа ланы на рубли (считая 1 лан = 1 р. 40 коп.), получим всего 216.300 рублей. Но в число китайских товаров еще вошло какое-то количество остатка от каравана Дмитрия Молокова, и, предположив с целью осторожности выводов, что этот остаток был незначителен, не превышая стоимости 1—2 тысяч рублей, будем считать, что Иван Молоков вывез из Китая товаров стоимостью по московской оценке на 214 тыс. руб. Это будет, безусловно, наибольшая сумма возможного экспорта этим караваном по московской оценке.

Из России же Молоков вывез в Китай мехов на 100 т. р., т. е. ввоз и вывоз будет равняться приблизительно по 314 т. р., но ни в коем случае не больше. Пошлин с этого количества товаров частные купцы должны были бы уплатить в Кяхте по 10%, т. е. 31 т. р., но принимая во внимание, что московская оценка была выше кяхтинской, будем считать всего 25 т. р. потерянных казной, ибо этот груз был казенным и с него пошлины не брались. Расходов же по каравану было, очевидно, 60 т. р. (по примеру предыдущего и последующего). Таким образом, несомненные расходы достигли до 85 т. р., а прибыль выразилась в 114 т. р. (на 214 т. р. китайских товаров по московской оценке без 100 т. р. стоимости мехов), откуда возможная чистая прибыль выражается в 29 т. р. или, округляя, в 30 т. р. Итак, чистая прибыль каравана Дмитрия Молокова, по этим предположительным выкладкам, могла равняться не более 30 тыс. р., т. е. такой же сумме, какую получил следующий караван Фирсова, согласно уже официальным тогдашним подсчетам. Так как оба эти каравана носили приблизительно один и тот же характер (Фирсов тоже вывез мехов на 100 т. р.), то возможно было бы принять мой вывод, что караван Ивана Молокова дал прибыли не более 30 т. р. за близкий к истине, если бы не было пожара в Сибирском Приказе, когда сгорело в 1737 г. „некоторое число“ китайских товаров, а часть, конечно, была попорчена. Поэтому эту прибыль нужно уменьшить, может быть, до 15 т. р. за счет погибших товаров, если даже не целиком списать в убыток. Но все же полагая, что этот караван дал около 15 тыс. р. прибыли и раскладывая их на 8 лет несомненного существования этого каравана, получим на каждый год около 2 т. р. прибыли на затраченный капитал около 200 тыс. руб. (стоимость мехов—100 т. р., расходы—60 т. р., стоимость обоза и пр.), т. е. 1% прибыли, что нужно признать для государственной монополии ничтожным доходом, даже не принимая во внимание амортизации мертвого капитала.

Разумеется, что все эти выводы, при отсутствии нужного материала, предположительны, но, если исходить и из других оснований, выводы получаются те же самые, в сторону лишь увеличения или уменьшения в пределах 1%, т. е., что караван был или безубыточен или же принес лишь незначительную прибыль.

Правильность такого вывода подтверждается мнением современников относительно каравана Ивана Молокова, и я уже выше приводил слова Владиславича в июле 1734 г., что „в караване прибыли нет“. Поэтому и в правительственных кругах должны были задуматься, почему, несмотря на хороший прием в Пекине, и этот караван не принес ожидаемой выгоды, и почему такое неутешительное представление создалось среди близких к этому делу лиц уже в 1734 г., хотя операции по ликвидации означенного каравана тогда лишь начинались.

ГЛАВА XII.

Караван (III) Фирсова 1734—1736/7—1740 г.г.

Отправка нового очередного каравана в Пекин, по счету III со времени Кяхтинского трактата, началась в 1734 г. Тогда была составлена заметка, в которой говорилось, что I караван был отпущен в 1727 г., II—в 1731 г. и „сейчас“, как указывается в справке, в 1734 г., отпускается III, т. е. караваны отпускаются, согласно трактату через каждые 3 года и торгуют на границах и в Пекине¹⁾. Но, в действительности, эта хронология неточная, потому что нужно принимать во внимание в каком году был караван в Пекине, и тогда окажется, что караваны бывали в Пекине гораздо реже, чем через каждые три года.

Одновременно с назначением государственного каравана, чтобы обезпечить ему сбыт, было запрещено 16 декабря 1734 г. русским торговать на границе камчатскими бобрами, рысями, белкой нерчинской и иркутской, лисицами бурыми, седыми, крестовками и огневками, соболями камчатскими и якутскими и недопесками²⁾.

Во главе каравана, в качестве агента, как его руководителя и начальника (директора), был, разумеется, назначен опять Ланге (т. е. по счету в третий раз), а комиссаром—Ерофей Фирсов. 16 декабря 1734 г. Сенат поручил Сибирскому Приказу приготовить в этот караван такие же товары и на ту же стоимость, как и в предыдущий, немедленно свезти их в Иркутск, приняв все меры к тому, чтобы Ланге до 15 июля 1735 г. уже выехал с караваном в китайские пределы.

Сам Лоренц Ланге 2 января 1735 г., по докладу Сената, был награжден за свою усердную службу в русско-китайских сношениях чином „советника канцелярии“³⁾.

Но инструкцию и сопроводительные грамоты лишь от 5 мая 1735 г. он получил от Коллегии Иностранных Дел уже после своего отъезда в Сибирь. Согласно им, Ланге должен был заботиться не только о торговле, но и об улажении спорных пограничных вопросов, вести переговоры об этом устно и даже письменно с китайцами, не раздражая их и ничем не озлобляя; одна грамота содержала просьбу к китайцам о свободном допущении и проезде каравана в Пекин и обратно и о вольной беспрепятственной торговле в Пекине под наблюдением „канцелярии советника“ Лоренца Ланга⁴⁾.

Русские товары, взятые караваном, состояли из следующих мехов: соболей 19.571 шт. на 25.603 р. 95½ коп., лисиц сиводушек 1.006 шт. на 1.523 р. 49 к., красных белодушек 33.874 шт. на 38.029 р. 69 к., горностаев обских 116.943 шт. на 10.442 р. 19½ к., белки черной разных городов 40.584 шт. на 853 р. 50 к. и другие лисицы, горностаи, белки и пр.; всего этих мехов было на 100.314 р. 71½ к.

Считая, что с 1 рубля нужно было уплатить пограничных пошлин 11 к., т. е. со всех мехов—11.034 р. 61 к., стоимость мехов

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 43, д. 1734 г., № 10, Отправление (1734 г.) в Пекин с III казенным караваном Л. Ланга.

²⁾ Петроградский Арх. Департамента Таможенных Сборов, Каталог 1888 г., Дела Сибирского Приказа, № 43, Связка 6, дело 60 (1734 г., март).

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 45, д. 1735 г., окт., № 12. Дело об отправлении в Китай с казенным караваном агента Ланга и о пожаловании ему (январь 1735 г.) чина советника канцелярии.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Иност. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 44, д. 1735 г., № 6, Дела, касающиеся до отъезда из России в Китай с казенным караваном советника канцелярии Л. Ланга. В. Каменский, с 218—219.

определялась всего (с приложением пошлин) в 111.349 руб. 32¹/₂ к. Кроме того, караван взял деньги, из них 276 р. 17 к., оставшиеся на Чикойской Стрелке от предыдущего каравана, а всего в караване „в оба пути в приеме денежной казны“ было 41.875 р. 47¹/₂ к. Лошадей, верблюдов, быков, коров было на 22.642 р. 61 к., а всего скота (лошадей, верблюдов и т. п.) с материалами (телегами и пр.) на 23.007 р. 92¹/₂ коп.

Таким образом, стоимость этого каравана определялась в следующих цифрах:

1) материальная часть	23.007 р. 92 ¹ / ₂ к.
2) денежной казны в приеме	41.875 р. 47 ¹ / ₂ к.
3) мехов	100.314 р. 71 ¹ / ₂ к.
4) пошлин	11.034 р. 61 к.

Итого . . . 176.232 р. 72¹/₂ к.¹⁾

Кроме того, сюда нужно включить те подарки, которые повез Ланге богдыхану: лисиц, соболей, парчи и штофов на 3.582 р.²⁾

Хотя вышеозначенные данные упоминают среди караванных товаров только меха, но в действительности среди этих товаров еще было немного сукон разных цветов, зеркала немецкие и русские, ножницы и замочки павловской работы, холст, платки с кружевами и т. п.³⁾

Таким образом, мы тут видим стремление русской промышленности проникнуть на китайский рынок.

Хотя караван предполагался к отправке в Китай до июля 1735 г., но фактически отъезд его задержался на целый год. Сама Коллегия Иностранных Дел, как выше сказано, только в мае 1735 г. послала Лангу через курьера инструкции и грамоты. Впрочем, сам караван уже в этом 1735 г. выехал из Иркутска⁴⁾, но, по соглашению с китайским представителем, Ланге оставался на границе до весны 1736 г., приводя караванные дела в порядок, и, наконец, 9 июля 1736 г. вступил в китайские области через Цурухайтский форпост. Итак, путь был избран по старой Наунской дороге (через р. Аргунь), по которой Ланге вернулся из Пекина в последний раз. 24 июля караван подошел к реке Хайлару и тут, вследствие разлива реки и непрерывных дождей, прождал более 2¹/₂ недель. Только 11 августа он двинулся вперед⁵⁾.

10 ноября того же 1736 г. караван в'ехал в Пекин. Однако лишь 7 декабря Посольский Двор был открыт для купцов, и торг начался 11 и 12 числа⁶⁾.

1) Петроградский Архив Департ. Таможен. Сборов, Каталог 1888 г., Дела Сиб. Приказа, Связка 2, дело № 23 (1746 г.).

2) Вангыш-Каменский, с. 219.

3) Арх. Деп. Таможен. Сборов, Каталог 1888 г., Дела Сибирского Приказа, № 5, Связка 1, дело 3 (1738 г.).

В этом деле находятся ведомости вывезенных в Китай русских товаров с обозначением цен. „А полученные (писал Ланге, по прибытии из Пекина) в караван в Сибирской губернии ея имп. в-ства казны российские товары сто тысячной суммы, по каким в Пекине договорным ценам каждые порознь со означением приемных цен.. при сем доношении предлагаю ведомость...“ (л. 3 и об.).

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дел, портфель Боснина, II, д. 60, „Летопись губ. гор. Иркутска“.

5) „Дневные записки караванного пути чрез Наунскую дорогу от Цурухайту до Пекина 1736 году“ в „Академических Известиях“ (при С.-Петербур. Импер. Академии Наук), т. VIII, 1781 г., стр. 466—505. Описание начинается с Цурухайты.

6) „Продолжение дневной записки караванному пути чрез Наунскую дорогу от Цурухайту до Пекина 1736 году, окт.“, там же (с. 602—631), с. 616 и

Это открытие торгового было вынуждено Лангом. Дело в том, что китайцы вовсе не спешили разрешить русским торговать, несмотря на домогания Ланга, чтобы богдыхан принял его и разрешил торговлю. Лишь благодаря тому, что в то время как раз приехал русский курьер и привез бумаги от Сената относительно пограничных дел, китайцы заинтересовались их содержанием, но Ланге заявил, что, пока богдыхан не назначит ему аудиенции, китайцы ничего не узнают. Аудиенция была дана, и после нее Ланге просил у министров разрешить китайским купцам свободно приходить к нему. На другой день, действительно, Посольский Двор был открыт, и с 11 декабря началась очень оживленная торговля, так что в короткое время почти половина русских товаров (на 50 тысяч) была распродана.

Но такое благоприятное положение вещей недолго продолжалось. Грамоты, присланные через курьера Сенатом, оказались для китайцев в общем малозначительными и лишь выражали общие фразы международной вежливости, сообщая, что перебежчиков высылают обратно, а разграничение земель по р. Уди, за неимением карт и отдаленности места, не может быть сейчас произведено. При всем этом в то время Пекин уже не нуждался, как раньше, в задобривании России, потому что война с Джунгарией в 1735 г. была закончена миром между обоими государствами, при чем Джунгария была обязана сохранением своей самостоятельности именно России, не позволившей волжским торговцам (калмыкам) помогать Китаю против Джунгарии¹⁾.

Все это, конечно, не могло не отразиться на настроении китайцев к русским, и они стали притеснять караван, хотя теперь китайцы уже не могли ссылаться на то, что русские навезли много товаров, что китайский рынок переполнен еще от прежних караванов, потому что караваны теперь ходили редко и возили мехов всего на 100.000 р. Китайские купцы сами стали жаловаться Лангу на притеснения. В январе 1737 г. они пришли в Посольский Двор и говорили, что купленные ими у русских товары, по выходе из Двора, китайские чиновники запечатали и не дали им продать их, вследствие чего они и не могут уплатить каравану оставшихся денег; кроме того, велено из русских товаров, находящихся у китайских купцов, лучшие отбирать во дворец богдыхана. Вследствие этого китайские купцы отказывались ходить в Русский Двор покупать товары, а если этого не было бы, то давно все русские товары были бы проданы, чего даже в прежних караванах не бывало. Китайцы еще жаловались, что их пристава даже с мелочных китайских товаров требуют от китайцев, приносящих их продавать русским, взятки с каждого человека по 10 лан (около 15 рублей), а то иначе не пускали в Русский Двор; впрочем, эта жалоба была сделана китайцами лишь для того, чтобы русские за китайские товары давали больше денег²⁾.

621 (в конце тома—изображение гор Пекина, а описание его—на с. 617—618).

Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфель Миллера № 349, II, д. 4: Журналы караванному пути: 1) через Наунскую дорогу от Цурухайту до Пекина 1736 г., с чертежом Пекина (16 листов) и с немецким примеч. Миллера. 2) Примечания на этот журнал Разсохина (3 листа). 3) Журнал пребывания каравана в Пекине и обратный его путь в Кяхту в 1737 г., с различными чертежами и заметками на полях (21 лист).

Часть этих журналов находится также в портфеле № 150, V, д. 11.

¹⁾ Б. Курц, „Колониальная политика России и Китая в XVII—XVIII в.в.“, 1927 г., Новый Восток, № 19.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфель Миллера, № 150, V, д. 11. („Прибытие в Пекин, что происходило которого числа“). Описание путешествия в Китай в 1736—1737 г. (План города Пекина с указанием русских кладбищ, русских церквей, русского Посольского Двора и пр.), л. 3 об.

В виду такого недружественного отношения к каравану Ланге подал жалобу в Монгольский Приказ, указывая, что нарушен IV пункт Кяхтинского трактата, что никто не имеет возможности свободно входить в Русский Двор, пристава пропускают только по своему пропуску („паспорту“) и то лишь самых неимущих китайцев, которые при этом „поселились кругом Двора нашего лавками и смотрят, дабы, кроме их, никто во Двор не прошел, а товары б наши им достались ни за что, и якобы российские караваны одним им отданы вовсе были“; русские караваны, а особенно теперешний, по пути лишены всякой свободы, и только в пустынных местах имеют свободу; если же кто из местных жителей („при жильях или при кочевьях“) по пути каравана попытался бы подойти к каравану, то его так прогоняли, что другие уже боялись приближаться; кроме того, „всем заблаговременно везде объявлено было, что российские люди дикие, вздорны и пьяницы, от которых весьма надлежит иметь всякое опасение и от них отдаляться“¹⁾. Китайский пристав всякому китайцу, приходившему к русским предлагать свою работу: носить тяжести, кормить лошадей и скот, говорил, что он этим обрекает себя на смерть. Вообще пристав без всякого уважения относился к Лангу и каравану.

Поэтому Ланге требовал, „дабы купечество наше в Пекине такую вольность имело, как об оном гласит мирного трактата IV пункт, без всякого умаления, т. е. чтобы указом богдыхана позволено было всем купцам и прочаго звания людям, кто за готовый платеж что купить пожелает, идти без опасения, не требуя от приставов пропускных билетов ни во двор, ни из двора идучи, и дабы было объявлено, что российский торг во всем имеет совершенную свободу, а в особое владение никаким людям не отдан“.

На это требование и жалобу китайцы ответили, что пристав всегда бывал при караване, он наблюдает за проходящими китайцами, дает им пропуска, во избежание проникновения „воровских людей, которых в Пекине очень много“; что они не могут запретить бедным купцам приходиться к русским и допускать только богатых, потому что русские не продадут тогда всех товаров, а бедным купцам нечем будет питаться. Ланге на это возразил, что богатые потому не приходят, что их стесняет система пропусков, русские сами оберегают свои товары от воров, да и товары не лежат разбросанными, чтобы всякий мог прийти и украсть их; что от грабежа могут караван охранить и те не менее как 540 китайских караульных, которые охраняют двор; что караван не обязан только заботиться о пропитании бедных китайских купцов, хотя, разумеется, русские вовсе не отказываются и с ними торговать, но наряду и с богатыми; наконец, Ланге требовал полной свободы торговли.

В ответ на это Ланге получил извещение, что пристав, оказавшийся, действительно, виновным, смещен, но система пропусков, созданная для надзора и во избежание безчинств, не может быть отменена.

Видя, что китайцы не склоняются на полную свободу каравана, Ланге опасаясь, что торговля может еще более ухудшиться, поспе-

¹⁾ Поводом к этому послужило поведение одного священника в русской пекинской духовной миссии, который (в 1732 г.), напившись пьяным, произвел буйство и даже поранил ножом руку своего архимандрита. В следующие годы это духовенство и сам архимандрит продолжали безчинствовать и пьянствовать. Ученик Алексей Владыкин с товарищами тоже участвовали в этом, занимались драками и не повиновались начальству (1734 г.) (Б.-Каменский, с. 189, 217).

шил распродать всех соболей (на 25^{1/2} тысяч рублей) по предложенной цене, и поэтому все соболи были проданы¹⁾. Китайцы же 14 февраля для придания торговле видимости свободы вывесили объявление у ворот Русского Двора, что Русский Двор вновь открывается, что все должны покупать у русских товары только на серебро, а не в долг; заповедные товары: селитру, серу, порох и пули запрещено приносить для продажи русским.

Вследствие всего этого русские возобновили прерванный торг и, распродав оставшиеся меха, приступили 9 апреля 1737 г. к сборам в обратный путь²⁾.

Получив прощальную аудиенцию у богдыхана, Ланге принял от него ответные подарки императрице (110 поставов шелковых парчей, канф и др. материй и простые фарфоровые и лаковые вещи), при чем придворные хотели заставить Ланга принять их коленоприклоненным с глубоким поклоном до полу, но он наотрез отказался, заявив, что китайцы, получая от него, Ланга, подарки, сами не исполнили этого обычая, и если они хотят, он может просто принять эти подарки, какие они ни есть (Ланге был недоволен их ценностью и видел в этом умышленность со стороны китайцев), и преподнести их императрице. Китайцы тогда просто отдали ему эти вещи, а сам Ланге на этот раз ничего не получил (тогда был новый богдыхан) и справедливо считал это только отместкой со стороны китайских министров, которые были недовольны Лангом, что он хотел ставить Россию и Китай на одинаковую степень, домогаясь во всем полного равенства между ними, тогда как они считали своего богдыхана выше всех и повелителем всего мира.

Только 10 мая 1737 г., по данным караванного журнала, „последовал отъезд господина советника“ Ланга из Пекина³⁾.

Собственно караван выехал из Пекина еще 8 мая, а сам Ланге со вторым конвоем—10 мая и отправился с караваном на урочище Улан-Тологое, которое было вне Калганской Стены, а отсюда через степь Гоби и прибыл на Кяхтинский форпост 23 августа, а на Чикойскую Стрелку—2 сентября. Отсюда комиссар Ерофей Фирсов с караваном отправился водой на 4 дощанниках до Иркутска и в Москву, а Ланге остался в Стрелке, исполняя свои служебные обязанности, пообещав, по их окончании, последовать за караваном в Москву.

Здесь, в Чикойской Стрелке, Ланге написал 21 октября того же 1737 г. донесение о ходе торговли в Пекине, „при чем немалую часть казны принуждены были продать и променять с немалым упушением достойной цены, понеже при бытности нынешняго каравана пред всеми моими прежде бытностями в происхождении караванного торгу немалая явилась перемена, ибо Российской Посольской Двор во время бытности нынешнего каравана имелся яко б на откуп самым бедным

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфели Миллера, № 150, V, д. 11. Описание путешествия в Китай в 1736—1737 г., л. 5.

²⁾ „Ведомость“ 1736 г.: какие и сколько мехов было продано в Китае, на какую сумму и за сколько каждая штука меха и по чем обошелся лан на русские деньги (именно лан обошелся в 50 к., 72^{1/2} к., 95 к., 1 р. 22 к., 1 р. 83 к.)

Петроградск. Архив Департамента Таможенных Сборов, Каталог 1888 г., Дела Сибирского Приказа, Связка 2, дело 23 (1746 г.), л. 31—37.

³⁾ Моск. Гл. Архив Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 45, д. 1736 г., № 7. Указы (1736 г.) директору каравана, находившемуся в Китае, канцелярии советнику Лангу и его донесения в Коллегию Иностр. Дел.

„Продолжение дневной записки караванному пути чрез Наунскую дорогу на Цурухайту до Пекина 1736 г., окт.“, с. 631. („Академические Известия“ при С.-Петербур. Импер. Акад. Наук, 1881 г., том VIII). Бантыш-шаменский, с. 225—234.

людem, которые едва имеют дневное пропитание, которые около того двора своими бедными лавками и поселились, а кроме тех вольного ходу во двор никому не было“, несмотря на протесты Ланга, и поэтому он „и тако был принужден, как в таком случае возможность допустила, хотя и со упущением за некоторые товары достойной цены, оной торг окончать“¹⁾.

В другом месте Ланге еще ярче говорит о неудаче каравана в Пекине, указывая, что, не смотря на все его письменные и устные протесты о том, что „тамошные министры несколькоим бедным людем Посольский Двор якобы на откуп отдали и, кроме тех, никого до торгу с ним не допускали, надлежащей вольности никоим образом получить не мог, а потому за караванную мягкую рухлядь *едва половину цены* мог достать“. Такое отношение китайцев к каравану заставило Ланга не говорить им о том, что на Кяхту китайских купцов мало приезжает, а поэтому русские терпят убытки, ибо Ланге знал, что все равно на это обстоятельство не будет обращено ими никакого внимания²⁾.

Когда Ланге прибыл в Петербург, он привез для Академии Наук три ящика с китайскими книгами³⁾.

Это был последний караван, в котором участвовал Ланге. После этого он, вполне по своим заслугам, знаниям и опытности, был назначен в июне 1739 года вице-губернатором Иркутска⁴⁾. Иркутск еще в начале 1736 г. был отделен от Тобольска и образовал самостоятельную губернию, с вице-губернатором во главе, подчиненную непосредственно Сибирскому Приказу. Вследствие своей близости к границе, иркутский вице-губернатор должен был иметь строгое наблюдение за пограничными делами, торговлей, но не входить в непосредственные сношения с Китаем, потому что Китай привык сношаться только с Тобольском и с Сенатом⁵⁾.

Итак, согласно Кяхтинскому трактату, III караван (Е. Фирсова) начал готовиться к отправлению с конца 1734 г., в Пекине был в 1736—1737 г., вернулся в Сибирь, на р. Кяхту, в августе 1737 г. и в следующем 1738 г. должен был уже прибыть в Петербург, где было приступлено к продаже привезенных им китайских товаров.

Очевидно, после пожара в Сибирском Приказе в Москве в 1737 г. было решено направлять караваны прямо в Петербург для расходования китайских товаров, потому что, вероятно, соответствующие здания в Москве были испорчены, а кроме того, в Петербурге товары могли иметь сбыт и за границу.

Поэтому мы видим, что, начиная с каравана Фирсова, в Петербурге устраиваются аукционы для продажи населению китайских

1) Петроградский Архив Департамента Таможенных Сборов, Каталог 1888 г., Дела Сибирского Приказа, № 5, Связка 1, дело 3 (1738 г.).

Лана тогда обошлась (1737 г.) по 1 р. 70 коп. (там же, л. 3 об.).

При этом донесении Ланге послал ведомости товаров подарочных, русских, отвезенных в Пекин и китайских, привезенных оттуда, с обозначением отдельных и общих цен.

2) Вантыш-Каменский, с. 235.

Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, кар. 68 (в 109 листах), „Выписка (беловая) (1721—1739 г.) о посланных в Китай российских караванах“, составленная в 1776 г., где на л. 73—106 имеется история этого III каравана 1736/7 г.

Там же, Донесения в Коллегию Ин. Дел из Китая директ. казен. каравана Ланга, 1737 г., янв.—декабрь, карт. 46, д. 1757 г., № 5.

3) „Материалы для истории Императорской Академии Наук“, т. VI, с. 435.

4) Вантыш-Каменский, с. 223.

5) „Опись высочайшим указам и повелениям..“, П. Баранова, 7063.

товаров. В зависимости от этого, может быть, отчетность караванов улучшается, и, со времени этого каравана, мы имеем достаточно полные сведения об их торговых операциях по распределению китайских товаров. Оставшиеся же китайские товары обыкновенно пересылались впоследствии в Москву в Сибирский Приказ для расходования среди московского населения.

Таким образом, со времени пожара 1737 г. Сибирского Приказа, Москва была лишена возможности в первую очередь пользоваться китайскими товарами.

Когда китайские товары были доставлены в Петербург, то тот же комиссар Ерофей Фирсов занялся их ликвидацией. Привезено было: золото, серебро, посуда золотая и серебряная, камни, шелковые товары, шелк, чай, бадьян, посуда медная, финифтяная, цениная и лаковая, фигуры разные и всякие мелочи. При подсчете их стоимости на все эти товары были приложены к их меновой стоимости все расходы до С.-Петербурга по провозу, с приложением пограничных пошлин: 1) которые причитывались на русские товары, отправленные в Китай на сумму 100.314 руб. 71¹/₂ к. и 2) которые причитывались на китайские товары, привезенные в Россию („кроме золота и серебра, золотой и серебряной посуды и камней и жемчуга, на которые по тарифу пошлин не положено“), а именно на шелковые и прочие товары на сумму в 38.076 р. 34 к.¹⁾

Последняя цифра—38.076 р. 34 к., следовательно, показывает, что на эту сумму было куплено шелковых и „прочих товаров“ (т.е. шелк, чай, бадьян, посуда медная и т. п., фигурки и мелочи). Всего же китайских товаров привезено на „сумму против приему российских товаров—100.314 руб. 71¹/₂ коп.“ (т. е. на такую стоимость было дано за них русских товаров, и, значит, золота, серебра, посуды золотой и серебряной, камней и жемчугу было куплено на: 100.314 р. 71¹/₂—38.076 р. 34 к. = 62.238 р. 37¹/₂ к. Иначе говоря, караван вывез больше драгоценных товаров,—62%, чем иных, и в этом я вижу осуществление мысли Ланга, высказанной им еще при обсуждении посылки II каравана (Ив. Молокова) в Китай (доклад 30 июня 1730 г.), именно, что нужно торговать с Китаем на драгоценные вещи.

Итак, в ведомости привозных товаров указано, что всех китайских товаров привезено на 100.314 р. 71¹/₂ к. по променной цене, а „с приложением всех произшедших расходов и пошлин“ (т. е. за провоз, пошлины с русских и китайских товаров) на 160.998 р. 40 к.²⁾

Из этого следует, что все накладные расходы от Пекина до Петербурга увеличивали первоначальную стоимость товаров в 1,6 раз, т. е. удорожали их более чем на половину.

Все эти китайские товары были: I) проданы с аукциона в Петербурге, II) даны „в отпуск“: в „комнату“ (т. е. во Двор императрицы), в Комор-Цальмейстерскую и в Придворную Конторы и III) оставшиеся после продажи и „отпусков“ сданы в Коммерц-Коллегию.

I) С аукциона товары продавались „низкою ценою, дабы они не могли за (= после) продажей остатца“, а так как на некоторые товары было мало охотников-купцов, то эти товары продавались только

¹⁾ Петроградский Архив Департамента Таможенных Сборов, Каталог 1888 г., Сибирский Приказ, Связка 2, дело № 23 (1746 г.), л. 13.

²⁾ Собственно 39 $\frac{5.1.1.1}{8.3.5.16}$ копейки, но я округляю цифры.

вместе с такими, на которые был большой спрос¹⁾. С аукциона были проданы шелковые товары (на 30.000 р. с лишним), шелк, серебряная посуда, камни, чай (чаев на 2 672 р. с коп.)²⁾, посуда медная и другая, мелочи и, наконец, (всего на 41 р. с коп.) бобры и барсы, а всего „настоящей ценой“ (тут в это понятие уже входят накладные расходы, т. е. вся себестоимость) на 38.385 р. 74 к. за 53.318 р. 75 к.

Но китайские товары продавались не только в Петербурге, а еще в пути — в Сибири, хотя там было продано их лишь на 604 р. 17 к. за 1.048 р. 8 к.

Таким образом, всего было продано товаров по себестоимости на 38.989 р. 91 к. за 54.366 р. 83 к., т. е. прибыли было получено 15.376 р. 92 к.

II) В отпуск пошло товаров „настоящей ценой“ на 69.931 р. (отбрасывая коп.).

III) Сдано, значит, в Коммерц-Коллегию товаров „настоящей ценой“ на 52.078 р.

¹⁾ Петроград. Арх. Деп. Тамож. Сборов, Каталог 1888 г., Сиб. Приказ, Связка 2, дело № 23 (1746 г.), л. 30 об.

²⁾ Чай продавались с прибылью 100—200%. Остановливаясь подробнее на чайном привозе, узнаем, что этот караван купил и израсходовал чаев следующее количество:

		„Цена настоящая против российских товаров“:	Цена „с приложением всех происшедших расходов и пошлин“:
Джулану	87 п. 3 ф.	1.354 р. 89 ³ / ₄ к.	2.504 р. 41 ³ / ₈ к.
Манихвалу	92 п. 8 ¹ / ₂ ф.	778 р. 4 ⁷ / ₈ к.	1.438 р. 15 ¹ / ₁₆ к.
Уи	93 п. 25 ф.	946 р. 60 к.	1.749 р. 73 ¹ / ₈ 1 ¹ / ₃₂ к.
		3.079 р. 54 ⁵ / ₈ к.	5.692 р. 30 к.

Отсюда делаем вывод, что накладные расходы (привоз, пошлины) увеличивали первоначальную стоимость в 1,8 раза.

Еще по дороге, в Сибири, было продано чая:

		По настоящей цене, но с расходами и пошлинами:	По продажной цене:
Джулану	4 п. 24 ¹ / ₂ ф. 2 зол.	на 132 р. 96 ³ / ₈ к.	за 254 р. 18 ¹ / ₂ к.
Манихвалу	1 п. 35 ф.	„ 28 р. 92 ⁷ / ₈ к.	„ 90 р. 60 к.
Уи	1 п. 36 ф. 64 зол.	„ 35 р. 63 ³ / ₈ 1 ¹ / ₃₂ к.	„ 57 р. 50 к.
		197 р. 53 к.	402 р. 29 к.

В Петербурге же с аукциона было продано:

Джулану	41 п. 36 ³ / ₄ ф. 22 зол.	на 1277 р. 64	$\frac{7.1.1}{8.16.32}$ к.	за 3.573 р. 42 ¹ / ₂ к.
Манихвалу	27 п. 6 ф.	„ 461 р. 2	$\frac{7.1}{8.32}$ к.	„ 1.416 р. 6 ¹ / ₂ к.
Уи	49 п. 9 ³ / ₄ ф. 32 зол.	„ 933 р. 71	$\frac{7.1.1}{8.16.32}$ к.	„ 2.673 р. 47 ¹ / ₂ к.
		2672 р. 40 к.		7.662 р. 96 к.

Подсчитывая, с округлением, видим, что только около половины всех чаев было продано:

Джулану	46 п. 22 ¹ / ₂ ф., а осталось 40 п. 20 ¹ / ₂ ф.
Манихвалу	29 п. 1 ф. „ 63 п. 17 ¹ / ₂ ф.
Уи	51 п. 7 ф. „ 42 п. 18 ф.

Оставшийся чай был отпущен в Придворную Контору.

Продавался чай, как видно из сопоставления себестоимости с продажной ценой, в Сибири в общем с 100% прибыли, в Петербурге же с 200% прибыли.

Петерб. Арх. Деп. Тамож. Сборов, Св. 2, д. № 23.

Казалось бы, что с тех товаров, которые пошли „в отпуск“, не могла быть получена прибыль, между тем в „ведомости“ сказано, что прибыли со всех этих товаров получено, как с проданных, так и с отпущенных, всего 32.136 р. 61 к. Зная, что с проданных получено прибыли 15.376 р. 92 к., и произведя вычет этой суммы из предыдущей, имеем 16.759 р. 69 к. прибыли, полученной с отпущенных товаров.

Таким образом, ликвидация китайских товаров представляется в таком виде (округляя числа):

Продано на	38.989 р.	за	54.366 р.,	прибыли	15.377 р.
Отпущено—	69.931 р.	„	86.721 р.	„	16.760 р.
Осталось —	52.078 р.	„	—	„	—
<hr/>					
Итого —	160.998 р. ¹⁾			„	32.137 р.

Из этой прибыли Лангу, Фирсову, целовальникам и прочим служителям каравана дано в жалованье 2.666 р. 78 к., и поэтому „затем прибыли имеет быть 29.469 р. 83¹/₄ коп.“²⁾.

В другом архивном деле мы имеем иные данные об оставшихся после продажи товаров, именно, согласно реестру от января 1740 года, было принято Коммерц-Коллегией от „директора“ (т. е. бывшего комиссара) Ерофея Фирсова оставшихся от каравана товаров всего (без камней) на 15.022 р. 73 к.³⁾ Фирсов тогда сдал эти товары потому, что в сентябре 1739 г. он был уже назначен „директором“ нового каравана, т. е. самостоятельным его руководителем.

Относительно определения выгодности изучаемого каравана мы, однако, имеем еще один весьма важный источник его деятельности— это сводная „Ведомость“ 1757 г. о прибылях государственных караванов.

В означенном 1757 г. потребовалось для Сената справка, сколько получено прибыли от каждого каравана, начиная после Кяхтинского трактата, т. е., по моему счету, со II каравана—Ив. Молокова, так как I караваном, отправленным в силу Кяхтинского трактата, я считаю караван Третьякова—Дм. Молокова. В 1757 г. и была сочинена указанная сводная „Ведомость“, но в ней сказано, что вследствие пожара Сибирского Приказа в 1737 г. нельзя было отыскать в этом Приказе сведений сколько получено прибыли от каравана Ив. Молокова; данные же об остальных караванах сводная ведомость приводит в графах, в хронологическом порядке. В виду того, что выведенные в них цифры, очевидно, продуманы счетоводами того времени, и основания их подсчетов вернее предыдущих, можно считать цифры этой „Ведомости“ окончательными и более соответствующими действительности.

¹⁾ Кроме итога 160.998 р. 50 к., в качестве цены настоящей против российских товаров с приложением расходов и пошлин, в разбираемой ведомости дается еще другой итог—200.816 р. 16 коп. по с.-петербургск. и московск. оценкам, с приложением на с.-петербургскую по 10 коп., на московскую по 20 к. на рубль и на передел монет. Там же, л. 20.

²⁾ Там же, „Ведомость“, л. 13 и сл., л. 21 и 28 об. Для четкости я округлял числа, отбрасывая в некоторых случаях дробь или копейки.

Караван покупал в Китае (1736/7 г.) лану по 1 р. 29¹/₂ к. Выше мы видели, что лана обошлась в 1 р. 70 к.

³⁾ Петроградский Архив Департам. Таможен. Сборов, Каталог 1884 г., № 465, Эк. 2, св. 14, дело 330.

Дело 1739 г. о принятии оставшихся в Петербурге за продажей китайского каравана товаров и наличных денег советнику (Милицину) Коммерц-Коллегии.

Согласно же этой „Ведомости“, история каравана Фирсова представляется в следующем цифровом виде:

Вывоз:	
Мехов	100.000 р. — $\frac{1}{2}$ к.
Деньги на жалованье, прогоны и пр. расходы, стоимость скота, материалов	59.719 р. $45\frac{1}{8}$ к.
Итого с расходами	
159.719 р. $45\frac{5}{8}$ к.	
Привоз (по петербургской оценке):	
Камней, золота и серебра, драгоц. вещей, жемчуга	105.441 р. $39\frac{37}{60}$ к.
Шелковых и пр. товаров с 59.189 р. $98\frac{1}{12}$ к. } =	164.631 р. $37\frac{7}{10}$ к.
Расход:	
Продано, отпущено ко Двору ее импер. в. и в пр. места на	200.815 р. $75\frac{7}{12}$ к.
Прибыли получено:	
От продажи и отпусков по сравнению с сум- мой вывоза (с расходами)	41.096 р. $29\frac{23}{24}$ к.
От продажи и отпусков по сравнению с сум- мой привоза	36.184 р. $37\frac{53}{60}$ к.
Издержки:	
С шелковых и пр. товаров (= 59.189 р. $98\frac{1}{12}$ к.). полагается внутренних таможенных с накладными и печатных пошлин по 10 коп. с рубля, итого	5.918 р. $99\frac{3}{4}$ к.
Чистой прибыли получено:	
От продажи и отпусков по сравнению с вы- возом (прибыль 41.096 р. $29\frac{23}{24}$ к.), вы- читая издержки,	35.177 р. $30\frac{5}{24}$ к.
От продажи и отпусков по сравнению с при- возом (прибыль 36.184 р. $37\frac{53}{60}$ к.), вы- читая издержки,	30.265 р. $38\frac{2}{15}$ к.

В таких числах и в такой форме представляет сводная „Ведомость“ 1757 г. караван Фирсова¹⁾.

Как видим, тогда еще не дошли до умения прежде исчислить всю себестоимость товаров со всеми издержками и убытками, потом весь приход и отсюда получить прибыль. В „Ведомости“ прибыль определяется различно, в зависимости от разных стадий развития этого каравана. Для нас, конечно, имеет значение чистая прибыль по сравнению с вывозом (и с его расходами), т. е. 35.177 р., но составители ведомости стняли от нее издержки по пошлинам только с привозу, а с самого вывоза — нет. Между тем с мехов в 100 т. р. следовало бы уплатить 10 т. р. (10%). Поэтому отнимая от 35 т. р. эти потерянны казной пошлины — 10 т., получаем окончательную прибыль каравана в 25 т. р. Та же самая „Ведомость“ 1757 г. при подсчете следующего каравана уже принимает во внимание издержки по пошлинам не только с привоза, но и с вывоза, что совершенно правильно.

Итак, чистая прибыль каравана 1736/7 г. выразилась в 25 т. р.

Эта сумма прибыли не сходится с выведенными мною раньше только по тому, что там при подсчете принимались другие основания, и там был остаток товаров, и тот подсчет был сделан, когда еще не все товары были израсходованы; здесь мы имеем дело с окончательными результатами каравана, почему все эти цифры нельзя считать противоречащими друг другу.

¹⁾ Петрогр. Архив Деп. Тамож. Сборов, Катал. 1884 г., Дела Коммерц-Коллегии, № 476, Св. 9, д. 224.

Согласованность цифр „Ведомости“ 1757 г. с предыдущими, не смотря на их внешнее несходство, я вижу и в следующем.

Раньше, на основании иных цифр, я вывел заключение, что караван привез драгоценных товаров — 62%, а только остальное материями и пр. И по сводной „Ведомости“ 1757 г. получается почти такое же соотношение товаров: драгоценных товаров на 105 т. р., материй и пр. — 59 т. р., т. е. драгоценных товаров — 64%. Это несходство на 2% объясняется разностью оценки товаров: первый процент выведен на основании обменной стоимости китайских товаров на русские товары, а второй — по петербургской оценке.

В 1740 г. (в январе) товары каравана не все еще были проданы (как выше сказано, осталось на 15 т. р. без камней), и, значит, существование каравана необходимо считать и в 1740 г., начало же каравана было в 1734 г., т. е. он существовал 7 лет. Считая же его прибыль в выведенную только что нами сумму в 25 т. р., получим годовую прибыль — 25: 7 около 3½ тыс. рублей. Так как оборотный капитал был равен 160 т. р., получаем 2—2½% годовой прибыли от каравана.

Разумеется, такая прибыль ничтожна и не соответствует грандиозности такого предприятия, как государственный караван, который вносил в государственное хозяйство столько забот по его организации и сопровождении, вызывал столько неприятных столкновений с китайцами, лишая русское правительство свободы действий, безпристрастности и спокойного отношения к развивающейся русско-китайской торговле и к своему торгово-промышленному классу.

ГЛАВА XIII.

З а к л ю ч е н и е.

Сводя все выводы предыдущих глав в одно целое, получаем следующую таблицу развития государственной торговли России с Китаем за период с 1702 г. до 1740 г. (см. табл. на след. стр.).

Первая треть означенного периода была временем, безусловно, блестящего расцвета внешней торговой монополии, но, подрываемая частной торговлей¹⁾ и недостаточной покупательной способностью китайского рынка, она с середины 1710 г. г. приходит в упадок. Китай, интересуясь не столько внешней торговлей, сколько колониальной прибылью, в империалистическом стремлении к расширению и обеспечению своих границ за счет приобретения на севере и западе новых колоний, чинит русской государственной монополии всевозможнейшие препятствия и тем самым добивается пересмотра Нерчинского договора 1689 г. и заключения Кяхтинского 1727/8 г. Кяхтинский трактат окончательно убил частную русскую торговлю на китайских рынках (монгольских, манджурских и на пекинском), сосредоточив ее лишь на границах (в Кяхте и Цурухайте). Это была, несомненно, победа пекинских экономистов, которые в течение не одного десятилетия к этому упорно стремились. Русское же правительство,

¹⁾ Как видно из таблицы, очевидно, не во всех караванах нам удалось выявить участие частного капитала, тем более, что Владиславич, как припомним, говорил, что в казенных караванах обыкновенно 1/3 была частный капитал, а только 2/3 — государственный. Однако частный капитал, помимо того, что ему удавалось присоединяться к редко отправляемым государственным караванам, в еще большей мере самостоятельно из года в год производил обороты на китайских рынках, при чем контрабанда была сильно развита вследствие громадной, неопределенной и пустынной пограничной линии.

Глава каравана	Годы возникновения, пребывания в Пекине и завершения каравана	Ценность каравана в рублях:			Численность каравана
		Казенных русских товаров	Частных рус. товаров	Прибыль казны	
Купчина И. П. Саватеев . .	1702—170 ³ / ₄ —1705	47.000	176.319 ¹⁾	49.000	Не менее 400 чел.
Купчина Г. А. Осколков . .	1703—170 ⁵ / ₆ —1707	29.879		55.000	200 чел.
Купчина П. Р. Худяков . .	1705—1708—1709	184.000 (кит. тов. на 426.636 р.)	? ²⁾	270.000	?
Купчина И. П. Саватеев . .	1707—1710—1712	142.000		223.000	?
Комиссар П. Р. Худяков	1709—1712—1713	200.000		?	Очев. от 200 до 220 чел.
Комиссар Г. А. Осколков . .	1711—1714—1716	?		?	Очев. от 200 до 220 чел.
Комиссар М. Я. Гусятников.	1714—171 ⁶ / ₇ —1719	предпол. 150—200 тыс.	ок. 70.000 ³⁾	?	Очевидно 200 чел. ⁴⁾
Комиссар Ф. С. Истопников	1718—172 ¹ / ₂ —1723 (ликв. 1728)	„малый“ караван	очев. $\frac{1}{2}$ кар.	?	200 чел.
Комиссар С. М. Третьяков — Дм. Молоков, агент Л. Ланге	(1719) 1722—172 ⁷ / ₈ —1730 (ликв. 1735)	285.403 р. 76 ¹ / ₄ к. (кит. тов. на 221 тыс.)		убыток	205 чел. и 1650 лошадей.
Директор Л. Ланге, комис. Ив. Молоков	1731—1732—1738	100.000 (кит. тов. на 214 т. р.)		15.000 (годов. 1 ⁰ / ₀)	?
Директор (агент) Л. Ланге, комис. Е. Фирсов	1734—173 ⁶ / ₇ —1740	100.000 (кит. тов. на 164.631 р.)		25.000 (годов. 2—2 ¹ / ₂ ⁰ / ₀)	?

¹⁾ Получено из известного нам общего итога товаров каравана (равного 223.319 р. 74 к.) без ценности казенных товаров. При этом с торговых людей было взято пошлин 56.640 руб.

²⁾ С частных товаров взято пошлин 22.026 руб.

³⁾ Частный капитал в этом караване = 40% всего каравана.

⁴⁾ Из них 78 чел. было с частным товаром.

в борьбе со своим частным капиталом за господство на пекинском рынке, находило для себя даже выгодным перенесение частной русской торговли с внутренних рынков Китая на пограничные пункты. И казалось бы, что после 172⁷/₈ г. государственные караваны, гарантированные от соперничества своего частного капитала в пределах Китая, должны были расцвести, однако произведенное мною обследование архивных источников свидетельствует о противном. При этом русские монополисты напрасно до и после Кяхтинского трактата не раз дискуссировали вопросы о лучшей организации правительственных караванов, стремясь добиться успеха государственной торговли с Китаем наиболее целесообразной постановкой казенных караванов. Но, конечно, одни организационные мероприятия не могли поднять внешней караванной монополии на высоту прибыльности начала 1700-х г. г. А причиной этого именно была несоответствующая стадия хозяйственного и классового развития России, когда торгово-промышленный класс постепенно креп и капиталистически обростал, и не тогдашнему правительственному дворянскому классу, который сам все более проростал торгово-промышленными тенденциями, было дано выковать первоначально столь заманчиво развившуюся государственную торговлю с Китаем¹⁾ в монолитные формы всепоглощающей монополии внешней торговли.

Проф. Б. Курц.

СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ.

- Глава I. Предпосылки государственной торговли в XVII ст.
 Глава II. Караван Саватеева 1702—170³/₄—1705 г. г.
 Глава III. Караван Осколкова 1703—170⁵/₆—1707 г. г.
 Глава IV. Караван Худякова 1705—1708—1709 г. г.
 Глава V. Караван Саватеева 1707—1710—1712 г. г.
 Глава VI. Караван Худякова 1709—1712—1713 г. г.
 Глава VII. Караван Осколкова 1711—1714—1716 г. г.
 Глава VIII. Караван Гусятникова 1714—171⁶/₇—1719 г. г.
 Глава IX. Караван Истошникова 1718—172¹/₂—1723 г. г.
 Глава X. Караван (I) Третьякова—Дмитрия Молокова 1719—1722—172⁷/₈—1730—1735 г. г.
 Глава XI. Караван (II) Ивана Молокова 1731—1732—1738 г. г.
 Глава XII. Караван (III) Фирсова 1734—173⁶/₇—1740 г. г.
 Глава XIII. Заключение.

¹⁾ Б. Курц, „Из истории торговых сношений России с Китаем в XVII ст.“, „Новый Восток“, № 23—24, Москва, 1928 г.

До проекту засад (поділу першого) нової конституції УСРР.

I.

Причини складання нової конституції УСРР.

„Затверджена 10 березня 1919 р. III Всеукраїнським З'їздом Рад Робітничих, Селянських і Червоноармійських Депутатів і ухвалена в остаточній редакції Всеукраїнським Центральним Виконавчим Комітетом 14 березня 1919 року Конституція Української Соціалістичної Радянської Республіки протягом понад 6-тирічної своєї чинності була тим основним законом, що на ньому зміцнювалося й розвивалося державне будівництво Робітничо-Селянської Влади на Україні.

З утворенням Союзу Радянських Соціалістичних Республік перед Українською Соціалістичною Радянською Республікою стоїть завдання, зважаючи на арт. 5 Основного Закону Конституції Союзу РСР, зробити в своїй Конституції зміни відповідно до Конституції Союзу Радянських Соціалістичних Республік.

Так само, з розв'язанням низки революційних завдань, що намічено було Конституцією до негайного виконання, з установленням УСРР-ою низки основних законів у царині державного радянського будівництва та національно-культурного життя, з утворенням у складі УСРР Автономної Молдавської Соціалістичної Радянської Республіки і з переходом на 3-х ступневу систему управління, наспіла потреба проробити відповідні зміни в чинній Конституції УСРР¹⁾.

Отже, оскільки Українська конституція р. 1919-го констатувала перший етап Української радянської революції, остільки новий текст Конституції має зафіксувати основні політичні та економічні риси періоду мирного будівництва останніх років.

Тому IX Всеукраїнський З'їзд Рад року 1925-го „постановив доручити Всеукраїнському Центральному Виконавчому Комітетові виготовити на наступний Всеукраїнський З'їзд Рад перероблений текст Конституції УСРР“²⁾.

До переведення ж означеного перегляду Конституції IX Всеукраїнський З'їзд Рад постановив затвердити низку змін чинної Конституції УСРР.

¹⁾ Див. „Постанови та резолюції IX Всеукраїнського З'їзду Рад“—Про зміну Конституції Української Соціалістичної Радянської Республіки“.

²⁾ Ibid.

Змінені були: арт. 4. (Про вступ УСРР до СРСР та про утворення в складі УСРР автономної МСРР), арт. 6 (про нову обмежену компетенцію найвищих органів УСРР), арт. 7 (про найвищу владу в УСРР та виключну компетенцію Всеукраїнського З'їзду Рад), арт. 8 (про взаємини поміж органами СРСР та УСРР), арт. 9 (про чинність постанов Уряду СРСР та вищих органів УСРР на території УСРР), далі були змінені арт. арт. 10—18 чинної Конституції що-до реорганізації центрального державного апарату, тоб-то був змінений увесь підвідділ А поділу II-го Конституції, що під назвою „Організація центральної влади“.

Отже, з 35 артикулів Української Конституції 14 були змінені, лишилися незміненими 21 артикул.

Щоб виконати резолюції IX З'їзду Рад Народній Комісаріят Юстиції УСРР склав проєкта конституції, якого потім подав до Комісії Законодавчих Проєктів при РНК УСРР.

Комісія зробила виправлення в проєкті; в жовтні 1926 року його розглянула РНК УСРР та постановила надіслати всім членам ВУЦВК та округовим виконавчим комітетам для попереднього обізнання і внесення зауважень до розгляду його на IV-й сесії ВУЦВК IX скликання.

Звичайно, за декільки тижнів перед IV-ою сесією секретаріят ВУЦВК не міг остаточно зредагувати проєкта конституції та подати його на сесію, тому на IV-у сесію питання про конституцію внесено не було.

Коли ж у квітні місяці р. 1927 зібрався X-ий Всеукраїнський З'їзд Рад, то до порядку денного було знову внесене питання „Про зміни в конституції УСРР“. На З'їзді секретар ВУЦВК т. Буценко доводив, що „це питання надзвичайно важливе й вимагає широкого обговорення як з боку нашого радянського апарату, так і з боку широких верств пролетарської суспільности...“

...Як відомо депутатам, уряд надіслав на місця свої пропозиції по суті цієї справи, і окрвиконкоми, міськради, райвиконкоми та сільради більш як з місяці обмірковують ці зміни. Але до X З'їзду Рад ми не встигли ще підвести підсумки і тому не можемо подати IX З'їздові Рад остаточно зредагованих окремих пунктів Конституції УСРР...

„Отже моя пропозиція“, каже т. Буценко, „щоб X Всеукраїнський З'їзд уповноважив остаточно ствердити окремі пункти Конституції, що їх ухвалено IX Всеукраїнським З'їздом Рад, найближчу сесію ВУЦВК'у з тим, щоб дати потім виправлений текст Конституції УСРР на остаточно затвердження XI Всеукраїнському З'їздові Рад“¹⁾.

Цю пропозицію т. Буценка З'їзд прийняв, ухваливши таку резолюцію:

¹⁾ Див. Стенографічний Звіт X Всеукраїнського З'їзду Рад, Бюлетень 13-ий, стор. 8.

„Заслухавши доповідь про зміни в Конституції Української Соціалістичної Радянської Республіки та беручи на увагу, що в зв'язку:

а) зі змінами, що вніс у Конституцію УСРР ІХ Всеукраїнський З'їзд Рад,

б) зі змінами, що відбулися в структурі центральних і місцевих органів влади після переходу на трьохступневу систему управління та реорганізації деяких центральних урядницьтв і,

в) зі змінами, що їх слід внести в Конституцію УСРР на підставі постанови Х Всеукраїнського З'їзду Рад на доповідь про роботу Рад — проєкт нової редакції змінюваних артикулів Конституції УСРР потребує попереднього обговорення в місцевих радах та серед широких верств робітничо-селянської суспільності, Х Всеукраїнський З'їзд Рад ухвалив:

Доручити черговій Сесії Всеукраїнського Центрального Виконавчого Комітету затвердити нову редакцію Конституції УСРР та подати її на остаточне затвердження ХІ Всеукраїнському З'їздові Рад¹⁾.

Отже, хоча й треба скласти проєкта нової редакції Конституції УСРР, але, на думку Х З'їзду, артикули старої Конституції потрібно поділити на „змінювані“ та „незмінювані“, й лише перші треба подати на попереднє обговорення рад та широкої робітничо-селянської суспільності.

До складу „змінюваних“ артикулів повинні вийти зміни, що їх ухвалив ІХ З'їзд, тоб-то артикули 4—18 Української Конституції, потім зміни, які викликав перехід до трьохступневої системи врядування, та які, між іншим, уже взяв на увагу ІХ З'їзд, зробивши зміни у відповідних артикулах і, нарешті, зміни, які треба зробити в Конституції у зв'язку з резолюцією, що її ухвалив Х З'їзд на доповідь „про роботу Рад“.

Але тільки ці останні зміни що до „роботи Рад“ були новиною, порівнюючи до завдань, які ухвалив ІХ З'їзд.

Що ж до резолюції з приводу „роботи рад“ то було визначено, що у зв'язку з директивами ІХ Всеукраїнського та з Всесоюзного З'їздів Рад про збільшення самодіяльності місцевих органів влади (Рад та виконкомів), політика пожвавлення рад на основі розгорнутої широкої радянської демократії допомогла, між іншим,

а) поширенню безпосередньої участі робітничо-селянських мас у керуванні державою,

б) наближенню всього радянського апарату до трудящого населення,

в) дальшому зміцненню зв'язку обраних службових осіб із виборцями,

г) посиленню ролі рад, як колективної організації трудящих.

¹⁾ Див. Збірник узаконень та розпоряджень Р.-С. Уряду України за 1927 рік Ч. 19, ст. 95.

Далі резолюція запропонувала, між иншим,

а) повне усунення поміченої в деяких місцях підміни постанов сільських рад — вирішенням сільських сходів (загальних зборів громадян села) та зміцнення ролі сільрад, як єдиного повноправного органу радянської влади на селі (арт. 4 пакт.);

б) удосконалення взаємин у законодавчих питаннях поміж республіканськими та загально-союзними інстанціями в напрямку кращої ув'язки з центральними органами СРСР та скасування окремих зайвих інстанцій у цих взаєминах (арт. 5 пункт Б)

в) скликання Всеукраїнського З'їзду Рад один раз на два роки, „поставивши перед собою завдання вивчити питання про терміни скликання нижчих З'їздів Рад“ (арт. 6).

Такі конституційні, по суті, питання треба було відбити в проєкті Конституції.

Отже, ця *carte blanche*, яку IX З'їзд дав ВУЦВК-ові „виготувати перероблений текст Конституції“, на X З'їзді була звужена, тому, що було визначено, які саме артикули слід змінити та тільки за якими певними (трьома) приводами.

Очевидячки, інші артикули слід залишити незмінюваними.

Останніми часами, кодифікаційний відділ НКЮ УСРР працює над редагуванням проєкту, після чого обговорення його провадиться на засіданнях правної комісії Інституту Марксизму в Харкові.

Тому, можливо, що багато з того, що є в проєкті, вже відкінули і Кодифікаційний Відділ, і правна Комісія Інституту Марксизму.

У літературі проєкта конституції майже не обговорювали.

Лише в журналі „Червоне Право“ з 7 листопада 1927 р. Ч. 20—21 ми знаходимо статтю В. Валяшка, консультанта Кодифікаційного Відділу НКЮ, під назвою „Зміни Конституції УСРР“.

З цієї статті ми довідаємося, що „при розробленні нового тексту Конституції УСРР в основу цієї роботи покладено такі законодавчі матеріали:

а) текст чинної конституції УСРР з декларацією прав та обов'язків працюючого та експлоатованого народу України, затвердженої в 1919 році із змінами 1925 року;

б) Конституція Союзу РСР;

в) перероблений текст чинної конституції РСФРР, що його затвердив XII Всеросійський З'їзд Рад 1925 року;

г) а також відповідне конституційне законодавство СРСР і УСРР,

д) а опріч того взято на увагу і конституційне законодавство інших радянських республік“.

II.

Загальна структура проєкту.

Проекта складено на основі постанови IX Всеукраїнського З'їзду, тоб-то складено нову конституцію цілком.

Зміст конституції та її розмір значно поширено: замість 35

артикулів чинної конституції запропоновано 95 артикулів проєкту. Артикули чинної конституції, що своїм змістом увійшли в проєкт, все ж таки змінені редакційно.

Лише два артикули чинної конституції в редакції 1919 р. потрапили до проєкту повністю в старій редакції (про волю зібрань—арт. 25 та про загальну воєнну службу—арт. 29), чотири артикули проєкт відтворює з деякими редакційними змінами, це артикул 30, (про надання політичних прав чужинцям), арт. 33 (про позбавлення прав осіб, що користуються з них на шкоду комуністичній революції), арт. 35 (про ознаки державного прапору УСРР), та пункт Б арт. 3 (про владу трудящих).

До цього треба додати 12 артикулів проєкту, що складаються з артикулів Конституції, ухвалених року 1925 на ІХ Всеукраїнському З'їзді.

Що до інших 96—2—4—12=78 артикулів проєкту, то вони мають своїм походженням інші джерела права.

З них законодавчою новелою треба вважати лише один артикул, про надання права територіально-адміністративним одиницям національних меншостей надсилати до Всеукраїнського З'їзду Рад свого представника незалежно від виборчого модусу, тоб то від кількості свого населення.

Всі ж інші артикули переносять до Конституції чинне законодавство, хоч і в змінений часом редакції.

Треба ще зазначити, що артикули, проєкту, що трактують про публічно-правний статус трудящих громадян УСРР дуже близькі редакційно до відповідних артикулів 23, 24, 26, 27, и 31 чинної конституції УСРР, але ж зредаговані не у власній редакції, а в редакції конституції РСФРР.

Проєкт конституції охопив усі ці питання, що за радянською конституційною традицією входять до складу Конституції. В ньому ми бачимо: а) встановлення мети, соціальної та економічної структури та завдань пролетарської держави; б) визначення становища та прав трудящих та їхніх об'єднань; в) організацію структури та функцій державного апарату; г) затвердження емблем, потрібних для визначення радянської влади.

Український проєкт бере ту ж саму структуру для себе, що ми її бачимо в Конституції РСФРР та в інших радянських конституціях.

Тільки в той час, коли конституції інших союзних радянських держав розподілені на 6—8 поділів, український проєкт має всього лише 5 поділів, бо деякі поділи об'єднав.

Через те треба сказати, що зовнішня стрункість проєкту, порівнюючи до інших радянських конституцій, постраждала. Перший поділ — „Засади“ має 27 артикулів, другий („Організація влади УСРР“) 53 (!), третій („Про виборчі права“) лише 3 (!), четвертий „Про бюджет УСРР“—10, та п'ятий „Про герб, прапор і столицю УСРР“

знов з. Перші два поділи зробилися значно розбухлими порівнюючи до відповідних поділів інших радянських Конституцій (РСФСР—15 і 48 арт. ТурСРР—19 і 41 арт. УзСРР—19 і 38 арт.), в той час, як решта—три поділи порівнюючи значно зменшилися.

Загальне число артикулів українського проєкту — 96 — взагалі відповідає радянській традиції.

За особливість проєкту треба вважати невеличку розміром декларацію (Постанову про затвердження конституції), за основу для якої покладено постанову IX Всеукраїнського З'їзду Рад „Про зміну Конституції“ з маленьким доповненням про те, що потреба внести зміни в конституцію вистигла у звязку „з відродженням української національної культури й мови та з забезпеченням прав національних меншостей зі втягненням широких кол працюючих до радянського будівництва, з підвищенням культурного й політичного рівня працюючих кол, з поліпшенням їхнього побуту“...

Наприкінці Декларації підтверджено „нерушимість основ Конституції УСРР, що була затверджена 10 березня 1919 р.“.

III.

Зміст поділу першого, „Засад“, проєкту Конституції УСРР.

Під заголовком „Засади“, у першому поділі проєкту, опинилися об'єднаними положення і про мету Конституції, і про соціальний та державний статус держави, і про статус громадян та трудящих, і про компетенцію найвищих державних органів, і про методи державного керування (революційна законність).

Об'єднання цих норм у „Засадах“ позбавлено юридичного значення та трохи безладно конструктивно. Безперечна політична потреба показати основи державної істоти тут пошкоджена великою кількістю норм; юридичне ж значіння таке об'єднання різних за змістом та значенням норм могло би собі набути лише в тому разі, коли воно мало заголовок не „Засади“, а „Підвалини“, що визначало би, згідно зі артикулом 31 проєкту, який встановлює виключне відання Всеукраїнського З'їзду Рад на „затвердження, зміну та доповнення підвалин (моє підкреслення—Л. К.) Конституції УСРР“, — що в даному поділі скупчено всі ті основні норми, які треба передати до виключної компетенції Всеукраїнського З'їзду.

Порівнюючи ж до „Засад“ інших радянських Конституцій, Українські „Засади“ вмістили питання компетенції найвищих органів УСРР, що ніколи та ніде не входило до „Засад“ Конституції.

Я гадав би, що згадані артикули треба перенести з „Засад“ до відповідного поділу про організацію державної влади, або, як це зробила Конституція РСФРР, запровадити з них окремих поділ.

Що до інших артикулів Засад, то їх треба було б, у середині поділу, ще розподілити на розділи, хоч би за такою ознакою:

- а) „Основи політичного устрою УСРР“

б) „Основи економічного ладу УСРР“

в) Права (або Декларація прав) трудящих УСРР“, як це вже в свій час було зроблено в проєкті Конституції Білоруської СРР.

Коли б перейти до аналізу по суті різних тверджень та норм „Зasad“ проєкту Конституції, то я дозволив би собі привернути увагу на такі нижче означені питання.

IV.

Мета Конституції.

Артикул перший проєкту притягає до себе увагу між іншим тим, що, встановивши цілком правдиво та відповідно до вчення марксизму—ленінізму про державну мету диктатури пролетаріату— „подолати буржуазію, знищити експлоатацію людини людиною та здійснення комунізму, за якою не буде ні поділу на класи, ні державної влади“, артикул 1-ий уважає, що „Конституція (основний закон)“ „ставить за своє завдання забезпечити (підкреслення мов—Л. К.) диктатуру пролетаріату“.

Виникає сумнів, чи може основний закон забезпечити диктатуру пролетаріату, чи, як визначає Конституція РСФСР 1925 року, „гарантувати“ диктатуру пролетаріату?

Гадаю, що слід було пристати на міркування проф. Г. С. Гурвича, який за Фридрихом Енгельсом¹⁾ дивується твердженням, нібито „клочок бумаги может являть собою „порядок“, создающий „волю постоянного союза“. Как может он „устанавливать“ „форму правления“? (або „забезпечити“ „диктатуру пролетаріату“—скажемо ми)... „Детская вера авторов подобных определений“, проводжує проф. Г. С. Гурвич, „в магическое действие типографских знаков, если они сверху имеют сакраментальный заголовок „Конституция“, а внизу украшены соответствующими подписями и печатями, неизбежно вытекает из догматического утверждения суверенности мышления, определяющего бытие, из постоянной недооценки, а то и полного игнорирования единственно реального — экономического — базиса социальных явлений“²⁾.

Я не хочу ні в якому разі закидати подібні обвинувачення авторам проєкту, але нагадати їм про ці цілком слушні марксієвські думки проф. Г. С. Гурвича я вважав би за обов'язок.

Навіть сам Д. И. Курський, один із авторів Конституції РСФСР р. 1925, який в одній своїй промові погоджується з тим, що мета Конституції — „гарантувати диктатуру пролетариата до того момента, когда будет осуществлен коммунизм“³⁾, в другому своєму

¹⁾ Фридрих Енгельс— „Ludwig Feuerbach u. der Ausgang der Klassischen deutschen Philosophie 1910. S. 52.

²⁾ Проф. Г. С. Гурвич. Основы Советской Конституции. Изд. 5-ое. Москва, 1926 г. стр. 3—4.

³⁾ Д. И. Курський. „На путях развития советского права“, стор. 14.

виступі каже: „мы заявляем, что Конституция строится по государству, а не государство по Конституции.“

Конституція тільки закріплює в чіткій і ясній формі (підкреслення моє — Л. К.) перехідний момент державного устрою в певний історичний проміжок часу¹⁾.

На мою думку, Конституція, як основний закон, не може забезпечити диктатуру пролетаріату. Вона може лише чітко сформулювати її.

Навпаки, диктатура пролетаріату забезпечує існування та чинність Конституції, як і інших радянських кодексів.

Якщо гадати, що „забезпечення“ диктатури пролетаріату відбудеться шляхом утворення певних установ, що їх визначає Конституція (наприклад, рад, їх з'їздів, ЦВК'ів) або організацій (армія, ДПУ, міліція, то-що), то це так і слід було б обумовити. Але ж і тоді „забезпечувати диктатуру пролетаріату“ буде все ж не Конституція — закон, а реальні відповідні органи, що їх існування Конституція визначила та зафіксувала.

V.

Соціальна істота УСРР.

Арт. другий проекту в своїй першій частині говорить: „Україна є соціалістична держава робітників та селян“.

Ця формула, що повторює відповідну формулу Конституції РСФРР, викликає два зауваження: хіба — „Україна“? та хіба — „робітників і селян“?

1) Україна є поняття етнографічне. Політично вона розподіляється на самостійну радянську, на західну, що під Польщею, Закарпатську, що під Чехословаччиною, та нарешті Буковину та Задністрянську, яку захопила Румунія. Лише частина „України“, на щастя, більша частина, але все ж частина є соціалістична та самостійна держава.

Визначення, що Україною (значить всією) керує радянська влада, можна було би витлумачити, як офіційну згоду на те перейменування українських земель, яке зараз насильно провадять буржуазні уряди. Так 15 червня ц. р. голова польського союму п. Дашинський позбавив слова українського соймового посла т. Захитного за вживання слова „Західня Україна“, причому голова союму зробив офіційне зауваження, що в межах Польщі ніякої Західної України немає, а є лише, коли вже на те пішло, „Мала Польща“. Так само і чехи, і румуни нищать саму назву України на українській землі й серед українського населення.

Цілком справедливо встановила Білоруська Конституція, що „БССР (а не Білорусь) (підкреслення моє — Л. К.) есть социалистическое государство“.

¹⁾ Ibidem, стор. 7.

Я гадав би, що й нам треба замінити слово „Україна“ словами „УСРСР“. Це буде правильніше.

2) В лютому місяці 1927 року було надруковано відповідь т. І. Сталіна на лист т. Дмитрієва, що надрукований в журналі „Большовик“.

У цій відповіді читаємо: „Класова природа нашої держави, нашого уряду ясна сама собою — вона пролетарська“. Називаючи іноді нашу державу „робітничо-селянською“ Ленін, пише т. Сталін далі, „має на увазі визначення тої політики управління й єднання, яка випливає з пролетарського характеру соціалістичних завдань нашої держави, нашого уряду в обставинах нашої селянської країни.“

У цьому умовному обмеженому розумінні, але тільки в цьому розумінні можна говорити про „робітничо-селянську“ державу, що й робить у наведених місцях своїх творів Ленін“.

Між тим формула артикулу 2-ої Конституції РСФСР, що її перейняв Український проєкт, мала як раз на увазі, як пояснює Д. І. Курський, показати, що РСФСР, — „это государство рабочих и крестьян, ибо эти классы стоят у власти“¹⁾.

У свій час (1926 р.) Осовський вважав, що радянська держава не є диктатура пролетаріату, а робітничо-селянська держава, що, виходить, у нас є панування двох класів²⁾.

Проте, Ленін, на кого посилався Осовський, писав з приводу цього так: „Говоря о дискуссии 30 дек. (1920 г.), я должен исправить еще одну свою ошибку. Я сказал: „У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское“. Тов. Бухарин сразу же воскликнул: „какое?“. А я в ответ ему сослался на только-что закончившийся VIII съезд советов. Читая теперь отчет о дискуссии, я вижу, что я был неправ, а т. Бухарин прав. Мне надо было бы сказать: „Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением“³⁾.

Одже, т. Д. І. Курський, доповідач на 12-му Всеросійському З'їзді Рад в справі питання про затвердження Конституції РСФСР — неправий: не дві класи стоять при владі, а одна (пролетаріат), але ж у спілці з другим — (трудоим селянством). Та коли ж він неправий, так й неправильно його формулювання. Не „держава робітників і селян“, бо з такої формули нічого не видно про керівництво та перевагу пролетаріату, а можна думати про рівність політичної ролі обох клас, про фєдералізм поміж ними, та навіть не „робітничо-селянська“ держава, як непогоджено з артикулом 1-им проєкту та

1) Ibidem, стор. 9.

2) Див. І. Подволоцький. О классовой природе Советского государства. Ленинград, 1926 г., стор. 74.

3) В. Ленин. Собрание сочинений. Том XVIII, часть I-ая, стр. 33.

несподивано заявляє арт. 4 проєкту, бо й це визначення нічого не говорить за диктатуру пролетаріяту,—а робітнича держава в селянській країні.¹⁾

Мені все ж такі здавалося би, що редакція цього питання в Білоруській Конституції 1927 року досить гарна, і слід було б скористуватися з неї. А саме:

„БССР есть социалистическое государство диктатуры пролетариата, осуществляющее свои задачи на основе прочного союза рабочих и крестьян“.²⁾

VI.

Добровільний вступ до СРСР.

Далі, на питання про державне становище та державні права УСРР ми натрапляємо лише в артикулах 15 та 16 проєкту, які є ні що інше, як точне повторення чинної Конституції УСРСР, арт. 4-го та 6-го, в редакції 1925 року. Арт. 15-ий, тоб-то чинний 4-ий, являє собою декларативну заяву про утворення СРСР, причому по суті він є повторювання I-го Поділу, тоб-то Декларації Конституції СРСР. В свій час утворення такого артикулу в самій Конституції, звичайно, мало рацію, але ж тепер він має лише історично-декларативний характер, і тому було б краще перенести його до декларації, тоб-то до вступного закону про конституцію.

16-ий артикул проєкту,—він же арт. 6 чинної Конституцію, встановлює в першій своїй частині таке:

„16. УСРР входить до складу СРСР, як незалежна договірна республіка і разом з тим залишає собі право вільного виходу із Союзу. Суверенітет УСРР обмежений лише в межах зазначених в Конституції СРСР і лише в предметах, що їх віднесено до компетенції СРСР; поза цими межами УСРР здійснює свою державну владу самостійно“.

Я не буду розглядати ані теорії „обмеженого суверенітету“, ані „права вільного виходу“, оскільки обидві ці проблеми дуже цікаві та глибокі своїм змістом та політичним і юридичним значенням, не являють собою новини в українській конституції.

Я лише зазначу де-яку одмінність у текстах різних радянських конституцій та в поглядах, висловлених у пресі.

В. Ігнат'єв³⁾ має сумнів у правильності найменування УСРР „незалежною“ республікою при „обмеженості“ суверенітету. Але незалежність є один з субстратів суверенітету, і так само як і суть суверенітету союзна радянська республіка зберігає за собою, лише обмежуючи його, так і незалежність по суті залишається за УСРР, бо тільки „добра воля“ УСРР її обмежує на користь СРСР.

¹⁾ Див. Ф. Ксенофонов. Основные вопросы стратегии и тактики ВКП(б). Москва, 1927 рік, стор. 139.

²⁾ Цитую за В. Ігнат'євим. Див. „Советское Строительство“ 1927 г. № 7—8 Конституции СССР и Союзных республик за 4 года.

³⁾ Ibidem.

Але Конституції РСФРР та ЗСФРР нічого не говорять за „незалежність РСФРР та ЗСФРР“.

З цього приводу цікаво обізнатися з думками Д. І. Курського, чому Конституція РСФРР лише вказує про вступ до СРСР та передачу СРСР повноважень.

„Такая формула,—пише Д. І. Курський,—отвечает фактическому процессу образования союзного государства и, думается нам, больше отвечает достоинству РСФСР, чем отклоненные проекты формулировок, которые предлагали установить прежде сего статью о том, что РСФСР является суверенным государством, а затем статью, что суверенитет ограничен пределами Конституции Союза, т. е. повторяли Союзную Конституцию (ст. 3) и добавляли, что РСФСР имеет право свободного выхода из Союза (тоб-то все те, що встановлено так в чинній Конституції УСРР, як і в новому проєкті—Л. К.). Новый текст конституции говорит о передаче по решению верховного органа РСФСР—XII-го Всерос. Съезда Советов—полномочий Союзу, подчеркивая тем добровольность решения народов РСФСР о вхождении в Союз и самоограничение верховных органов РСФСР на этом основании, и ничего не говорит о праве выхода из Союза, так как это право бесспорно вытекает из договора об образовании Союза, и ст. 4-ая Союзной Конституции в подчеркивании не нуждается, ибо для всех ясно значение вхождения РСФСР в СССР“.

Я гадаю, що т. Курський в цьому неправий. І український проєкт, як і чинна конституція, мають цілком протилежний погляд. Справді, кожна держава, якщо вона є держава, повинна в своєму власному акті встановити свої державні права, а не шукати їх по актах іншої влади, які вона ані встановити, ані змінити права й можливості не має. Це було б цілком припустимо для автономної організації (держави або провінції), а не для держави—члена федерації.

Всі інші радянські конституції приєднуються до думки Української Конституції, так Конституція ТуркСРР та УзбСРР називають свої держави „вільними“, Конституція БСРР встановлює для себе право вільного виходу та оголошує свій суверенітет.

Надто енергійно підкреслює свій суверенітет УзбСРР, яка утворила в своїй конституції спеціальний 2-ий поділ під заголовком „Про суверенні права УзбСРР“. Треба зазначити те, що арт. 15 проєкту рішуче визнає право націй на самовизначення та оголошує об'єднання УСРР з Автономною Молдавською Соц. Рад. Республікою на засадах надання їй автономії.

Я думав бы, що проєктові треба було спеціальним артикулом у „Засадах“ встановити самостійне суверенне право УСРР на свою територію.

Правда, в проєкті це зазначено в артикулі про компетенцію вищих органів УСРР, де сказано, що до їх компетенції, між іншим, належить „розгляд у порядку пункту „б“ арт. 1-го і арт. 6 Конституції СРСР питань про зміну зовнішніх кордонів УСРР, а також

розв'язання, відповідно до Конституції Союзу РСР, питань про зміну кордонів УСРР з іншими радянськими республіками, що увіходять до СРСР“.

Але в правничій літературі, навіть у впливовому журналі „Советское Право“, можна знайти міркування, що „вывод, что ни один международный договор, изменяющий границы Союза, не может получить силы без согласия соответствующей союзной республики, следует признать в корне неправильным, поскольку им нарушается тщательно проводимая конституцией монополия Союза в области международной политики. Необходимо прежде всего твердо и определенно установить, что внешние государственные границы всецело находятся в ведении Союза. На практике такое толкование как будто и не вызывает никаких сомнений (підкреслення мов—Л. К.)¹⁾

Отже І. Іллінський вважає за можливе не керуватися безпосередніми вказівками арт. 6-го Конституції СРСР, про те, що „територію союзних республік не можна змінити без їх згоди“. А тому, що УСРР має чималі зовнішні кордони, право на них треба спеціально оговорити в конституції, як „Засаду“ державного ладу УСРР.

VII.

Основи економічного ладу УСРР.

Важливість та першорядність цього питання безсумнівна, але воно пояснено в проєкті лише одним артикулом.

Арт. 4 зазначає, що „щоб здійснити основні завдання соціалістичного будівництва, земля, надра, ліси й води, а також на підставах, визначених законодавством СРСР і УСРР, фабрики, заводи, залізничий, водний та повітряний транспорт і засоби зв'язку визнається за власність Робітничо-Селянської Держави, що намагається цілком знищити приватну власність на засоби і знаряддя виробництва“.

Цей артикул позичено в Конституції РСФРР—арт. 15,—але, з одного боку додано мотивацію, якої бракує в Конституції РСФРР, та з другого—троху змінено та погіршено її редакцію. При порівнянні текстів обох конституцій це цілком очевидно. Але з приводу цього артикулу повстають два принципових питання:

1) Не може бути сумніву, що перелічені положення арт. 4-го проєкту мають конституційний характер, найкраще виявляють класову істоту держави та дають принципові вказівки всій її політиці, законодавчій та адміністративній, діяльності всіх державних органів, всього державного апарату.

Виникає тільки питання, в якій конституції доречи вмістити ці положення: у федеральній (СРСР) чи в конституціях держав—членів федерації.

¹⁾ Див. І. Іллінський, „Советское Право“ № 4—22, 1926 рік, стор. 30.

Справа в тому, що такі норми про економічне будівництво, як „встановлення основ“, „загального плану“ (арт. 1, п. З), „встановлення загальних засад“ (арт. 1, п. П), „встановлення основних законів“ (арт. 1, п. Р), стосуються згідно із артикулом 1-им Конституції СРСР компетенції СРСР, і можливо, що вміщення норм про принципи економічного ладу, як конституційні норми кожної з союзних республік, обмежило б волю органів Союзу регулювати оці „основні положення“ то-що і призвело б до суперечности з Конституцією СРСР.

Найновіші буржуазні Конституції долучають перелічені питання до компетенції держави—федеративу.

Так, Германська Конституція 1619 р. спеціальним 5-м поділом своєї 2-ої частини створила основи „господарчого життя“ сучасної Германії.

Проте, наша Конституція СРСР не говорить по суті за економічні основи державного ладу жодного слова, і прогалину, яку в радянських Конституціях першого циклу заповнював артикул 3-ій „Декларації Прав трудящого та визисканого народу“ та де-які артикули Конституції Груз. СРР, треба тепер заповнити.

І поки цього не зробила Конституція СРСР, це повина зробити Конституція союзної держави. Отже, в цьому саме треба згаданий артикул проєкту вітати.

2) 4-ий артикул проєкту говорить, що перелічене майно „визнається за власність Робітничо-Селянської Держави“.

Коли б остання була унітарною, тоді це твердження було би надзвичайно простим.

Але ж ми маємо федеративну структуру держав. І коли цитований такст виразно встановлює паціоналізацію майна, виймання його з приватного обігу, то залишається одвертим питання, на користь якої ж держави провадиться оця націоналізація, або ж обидві держави (федеративна та союзна) отримують сокупню власність.

Я гадав би, що артикул 4-ий треба доповнити поясненням, якій радянській („робітничо-селянській“, як пише проєкт) республіці дана галузь націоналізованого майна належить. Право виходу із СРСР утворює презумпцію можливости такого виходу. Але ж і побіч права виходу в самому існуванні радянської федерації захована потреба мати низку практичних висновків з цього питання.

„С образованием СССР возникает весьма существенный вопрос кто является носителем права собственности на земельные имущества—Союз или Союзные Республики“,—пише І. Іллінський. „Вопрос этот имеет отнюдь не теоретический только интерес. Практика Союзного Верх. Суда показывает нам, какие различные толкования предлагаются союзом и республиками по ряду пунктов ст. I Конституции СССР. В частности, возникли весьма серьезные споры вокруг некоторых инструкций ВСНХ, относящихся к разработке недр земли“¹⁾.

1) „Советское Право“ 1926 г., № 4 (22), стр. 29.

І. Іллінський в тій ж самій статті рішуче висловлюється за те, щоб визнати за власника (носителя прав власности) не союзні республіки, а весь Союз у цілому.

Він пише: „Если стоять на той точке зрения, что право собственности на землю принадлежит не Союзу, а союзным республикам, придется прибегнуть к весьма замысловатым конструкциям для характеристики перечисленных полномочий Союза. При этом надлежит иметь в виду, что еще большие трудности должно породить установление между республиканского переселенческого фонда, точно также отнесенного к ведению Союза. Наконец, положение о недрах земли передает Союзу распоряжение всеми ископаемыми (ст. 1 Конституции СССР).

При таких обстоятельствах наиболее естественным будет признать, что Союз является носителем права земельной собственности, союзным же республикам делегированы правомочия в области земельного управления, весьма широкие, но далеко не покрывающие права собственности. Серьезным возражением против этой точки зрения могла бы показаться ссылка на ст. 4 Союзной Конституции. В самом деле, в случае выхода какой-либо республики из состава Союза, может создаться весьма трудное положение по вопросу о ее территориальных правах. Трудность бесспорна, но такие же трудности неизбежны и по вопросам о судьбе армии, о денежной системе, о промышленных предприятиях общесоюзного значения (стр. 30). Тут можна заперечити І. Іллінському, що, а) по-перше, він своєю конструкцією зовсім не уникає юридичної складності (делегування повноважень союзним республікам), б) по-друге, між землею, як об'єктом виробництва та експлуатації, та армією, як органом держави, тоб-то таким об'єктом, яких кількість у природі необмежена, а також і грошовою системою, як державним інститутом, що припускає розподіл та виділ майна, не зачіпаючи питання про здійснення державної верхности,— існує істотна різниця.

Протилежної т. І. Іллінському думки додержує проф. С. О. Котляревський, який певний того, що власником землі є виключно союзна республіка, а не сам Союз.

„Следует прежде все помнить“ — пише він,— „что во всех этих республиках (тоб-то союзных, Л. К.) земля есть государственная собственность и при том собственность республиканская (курсив мій—Л. К.), а не общесоюзная... Всюду это признание национализации понималось, как передача собственности на землю именно данной республике: она одна могла распоряжаться соответствующим земельным запасом... С образованием Союза, когда вообще является потребность разграничить не только компетенцию, но и ресурсы центра и республик, следует точно признать, что земля относится к последним (курсив мій—Л. К.)¹⁾).

¹⁾ Проф. С. А. Котляревский, „СССР и союзные республики“. Москва. 1925 г., стор. 63.

Я вважаю, що націоналізоване на території УСРР на користь держави майно має бути розподілено на 2 групи: на власність Союзу і на власність УСРР.

До першої групи (тоб-то до власности СРСР) треба віднести підприємства („фабрики, заводи“, за словами проєкту) визнані за такі, що мають загальносоюзне значення, якими безпосередньо керують загальносоюзні органи, та які знаходяться безпосередньо на загальносоюзному бюджеті, або об'єднані трестами та синдикатами загальносоюзного масштабу, від яких прибутки надходять безпосередньо до прибуткової частини загальносоюзного бюджету. Сюди ж можна додати „засоби зв'язку“, що не зв'язані з землею та являють собою підприємства теж загальносоюзного значення (наприклад, цивільна повітряна флота) та повітряний транспорт. До другої групи треба залічити ті ж об'єкти (фабрики, заводи, засоби зв'язку), що мають республіканське (українське) значення.

Але ж так само до другої групи треба було б віднести землю та інше майно, яке остільки щільно зв'язано з землею, що на юридичній долі його мусять відбитися вирішення, ухвалені що-до землі.

Протилежної т. І. Іллінському думки додержує відомий знавець земельного права проф. Д. С. Розенблюм, який вказує на принцип децентралізації земельного права, так у галузі законодавства, як і в галузі здобування державних прибутків рентовим оподаткуванням, орендною платою і то що.

„Советское земельное право“,—пише проф. Д. С. Розенблюм,—в указанных отношениях в действительности, на деле, провело в жизнь принцип самоопределения народностей“.

„Каждая союзная (курсив мій—Л. К.) республика осуществляет, согласно своему законодательству, государственную (курсив мій—Л. К.) собственность на землю, находящуюся в ее границах“¹⁾.

Далі ми в него ж знаходимо, що „каждая народность Советского Союза, организованная в союзную или автономную республику, вполне (курсив мій—Л. К.) самостоятельна в распоряжении и самостоятельном регулировании находящегося в пределах ее поселения земельного фонда“.

СРСР же на думку проф. Розенблюма є лише гарантія проти можливих принципових збочень що до основних принципів соціалістичної земельної політики радянської держави.

Проте, проєкт „Загальних засад землекористування та землеустрою“ приєднується до погляду т. Іллінського, встановлюючи в артикулі 1-ому, що „право собственности на землю с вступлением этих республик (тоб-то союзних—Л. К.) в СССР переходит к последнему“.

¹⁾ Див. „Основы Советского Права“ під редактуванням проф. Д. О. Магеровського. Москва, 1927 р., стор. 350.

Гадаю, що союзні республіки з таким твердженням а ж ніяк не можуть погодитись.

По-перше, з формальних міркувань: таку передачу всього чистого державного земельного фонду договір про утворення СРСР зовсім не передбачав; по-друге, що-до суті, таку відсутність права власності на землю ніяк не можна погодити з правом виходу, бо в такому разі весь земельний фонд одної незалежної держави опиниться у власності іншої держави; по-третє, наше чинне законодавство визнає переважне право на прибутки з землі саме союзних республік. Так, арт. 16 „Положення про бюджетові права СРСР та союзних республік“ р. 1927 показує, що „99 процентов всех поступлений единого сельско-хозяйственного налога на территорию данной союзной республики“ надходить до прибуткової частини бюджетів союзних республік. По-четверте, коли ми погодимося визнати власність Союзу на землю, то незрозуміло буде організація Наркомату Земельних Справ, як необ'єднаного, самостійного комісаріату союзних республік, підпорядкованого виключно органам союзної республіки, то поруч із тим відсутність загальносоюзного органу, який би керував усім цим фондом. Коли фонд один, то і на чолі його повинен стояти єдиний орган. По-п'яте, серед обставин, що спричинилися до утворення СРСР, була потреба утворення спільної союзної держави, тоб-то спільної державної влади, а не спільної націоналізованої власності; по-шосте, за основний організаційний принцип федерації—союзної держави, треба вважати те, що основною державою є держава—член федерації, а федеративна держава—є організація вивідна, і тому ті права, що їх не передано загальносоюзній владі, залишаються в володінні основних держав.

Інша справа—автономна держава, що одержує своє існування з рук основної, там, все, що не передано до влади й компетенції автономної, залишається у володінні центральної основної державної влади.

Тому я вважав би, що нема юридичних підстав для УСРР з утворенням СРСР відмовлятися від права власності на українську землю.

Коли б такий погляд на право союзної республіки на власність землі в своїй території зустрів би рішучий опір з боку союзної влади або інших союзних республік, то як поєднаний погляд що до права власності на землю, надра, ліси та води можна було би висунути систему сокупної власності УСРР та СРСР на час перебування УСРР у складі СРСР, із вказівками через законодавство СРСР про межі прав користування та розпорядження кожного з учасників цієї сокупної власності та з умовою, що в разі виходу УСРР із СРСР виключне право власності УСРР на українську землю поновляється повністю. Тоді таку ж юридичну структуру, як угодову, можна було б рекомендувати й що до залізничного та водного транспорту та тим засобам звязку, що сполучені із землею.

Цим 4-им артикулом проєкт конституції вичерпує норми про економічний лад УССР. Я гадаю, що він не охоплює всі принципів конституційні—галузі цього соціалістичного ладу. Коли виявилась потреба зазначити націоналізацію деяких видів народного майна, то так само треба встановити й інші принципи нашого соціалістичного будівництва. До таких принципів можна віднести вказівки:

а) на монополію зовнішньої торгівлі з передачею її на відання союзним органам СРСР;

б) на планове регулювання внутрішньої торгівлі з метою опанувати крамовий ринок через кооперацію та державну торгівлю;

в) на перехід до семигодинного робочого дня з тимчасовим залиценням максимального восьмигодинного робочого дня.

VIII.

Революційна законність.

Артикул 26 проєкту запроваджує принцип революційної законності. Зредаговано його так:

„Визнаючи за одне з найважливіших завдань радянського будівництва забезпечення та зміцнення основ єдиної революційної законності на всій території республіки, УССР ставить за обов'язок усім органам влади і людності неухильно додержувати радянські закони і вживати всіх потрібних заходів до догляду за правильним застосуванням радянських законів, до боротьби з їх переступниками, з адміністративною сваволею і всіляким зловживанням влади окремими органами та службовцями, а також вживати всіх потрібних заходів до ознайомлення людності з радянським законодавством і з порядком оскарження незаконних чинностей“.

В. Валяшко в згаданій статті пише з приводу цього, що „Згідно з постановою 3-го З'їзду Рад СРСР“ „Про революційну законність“, та з огляду на велике значіння революційної законності до проєкту внесено новий артикул 26, де стверджується принцип революційної законності... Слід зазначити,—пише вона далі,—що в чинній Конституції РСФРР, а також і в інших радянських Конституціях відповідного артикулу про революційну законність нема, так що цей артикул проєкту Конституції УССР є законодавчою новелою в конституційному законодавстві радянських республік“. ¹⁾ Ідея революційної законності дійсно набирає видатного значення в радянському будівництві, і тому думка авторів проєкту Конституції УССР запровадити до нього спеціальний декларативний параграф про силу революційної законності має певні підстави.

Проте, з редакцією цієї думки погодитися важко: із § 26 зовсім не видно, чим же законність революційна відрізняється від законності взагалі, від законності буржуазної, бо від запровадження даної

¹⁾ В. Валяшко, „Червоне Право“ 1927 рік. Ч. 20—21, стор. 962.

статті до своєї Конституції, змінивши поперед слово „радянський“ словом „державний“ не відмовились би не тільки Фінляндія та Чехословаччина, що мають уже в своїх Конституціях статті про законність, але також кожна буржуазна республіка й навіть монархія.

Якщо надавати Конституційного значення принципів революційної законности, то треба це робити, не „выхолащивая“ революційний елемент законности.

Що це саме так, доводять статті П. Стучки (Енциклоп. Держави та Права), доповідь небіжчика В. Яхонтова в Інституті Радянського Будівництва („Советское Строительство, 1926 г., № 4—5) та числені статті М. Криленка, який пише: „Закон отнюдь не есть для нас формальный акт государственной власти, который подлежит безпрекословному принятию к исполнению, ибо яко-бы по своей „природе“ он отличается какими то особыми качествами“¹⁾.

Отже, принцип „*fiat justitia, pereat mundus*“ нам зовсім не властивий.

Вказівки перелічених авторитетів радянського права зводяться ось до чого:

1) Допильнування революційної законности не вкладається, як гадає § 26, у „додержання законів“, але ж вимагає регулювання цього додержання з погляду інтересів пролетарської революції та диктатури пролетаріату;

2) Революційна законність є особлива метода тлумачити закони, яка втілює принцип революційної доцільности.

Про кончу потребу керуватися оцими двома положеннями треба було б нагадати в § 26 проєкту. Це можна було б зробити, вставивши одно або два додаткових речення до вказівок про щільнування радянських законів.

ІХ.

Права української мови.

Артикул 25-ий проєкту в першій частині встановлює що „для державних установ України, їх внутрішнього діловодства і взаємних зносин“ „українську мову визнається за основну мову“. Цей артикул в цитованій частині є по суті дальший розвиток артикулу 4-го постанови ВУЦВК'у й РНК УСРР з 6 липня 1927 року „Про забезпечення рівноправности мов та про сприяння розвиткові української культури“.

Розвиток артик. 4-го постанови полягає в тому, що замість вказання, визначеного в постанові, що українська мова є „переважна“, вона у проєкті одержала назву „основної“.

Така заміна ще більш зміцнює становище української мови, бо термінологія постанови робила її першою серед рівних, проєкт же відводить іншим мовам місце лише додаткових мов у державному діловодстві.

¹⁾ М. Криленко. „Введение в изучение советского права“. Москва. 1927 год. стр. 24.

Другий абзац артикулу 25 проєкту встановлює, що „в окремих національних адміністративно-територіяльних одиницях державні установи вживають в своєму внутрішньому діловодстві і взаємних зносинах мову відповідної національної більшості даної адміністративно-територіяльної одиниці, але з забезпеченням відносно мови інших національних меншостей, що живуть в цих адміністративно-територіяльних одиницях“.

Коли б ми захотіли порівняти Конституційні норми про мову по інших союзних національних республіках, то в Конституції БСРР, ухваленої 1927 р., в арт. 21 знайшли б інше положення про це, а саме, артикул Конституції говорить, що в „государственных и общественных учреждениях и организациях в ССР устанавливается полное равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков“¹⁾.

Туркменський проєкт конституції, що його ухвалив і запровадив у життя ТуркЦВК, говорить у артикулі 18-ому, що за державні мови треба вважати туркменську та російську. В Узбекській Конституції визначено, що всі декрети, постанови та розпорядження уряду УзСРР опубліковують узбекською, російською та таджикською мовою.

З тексту проєкту можна бачити, що він наближається своєю постановою до поглядів Туркменської та Узбекської Конституції.

Проте, було б корисним доповнити даний артикул ще одною частиною, а саме вказівкою на те, якою мовою треба друкувати державні законодавчі акти. Відповідні норми про це маємо так у Конституції СРСР (арт. 34), як і по всіх радянських Конституціях, виключаючи російську, де питання зрозуміле само собою.

Чинне українське законодавство, арт. 9 постанови „Про забезпечення рівноправності мов та про сприяння розвитку української культури“ 1927 року, говорить, що законодавчі, адміністративні акти центральної та місцевої влади „належить публікувати обов'язково українською та крім того російською мовою“.

Оскільки Конституцією зачеплене питання про мову в діловодстві, тим більше треба було б вказати за мову в законодавстві та в адміністративних актах, як це зроблено в Конституції УзСРР.

X.

Права трудящих.

Артикули про права трудящих майже по всіх радянських Конституціях входять до поділу „Засад“. У чинній Конституції ці артикули становлять окремих III-ий поділ назвою „Декларація прав та обов'язків працюючого та визискуваного народу України“.

В. Валяшко в згаданій статті „Червоного Права“ вказує, що декларацію „в проєктові вміщено (на зразок з чинною Конституцією

1) Цитую за В. Ігнат'євим „Советское Строительство“ 1927 рік, № 9.

РСФРР) до першого поділу, де визначено засади Конституції, бо декларація прав має тісний зв'язок з засадами Конституції“. З цим цілком можна погодитися. Але з Конституції ми не довідуємось, хто саме є громадянин УСРР. Я гадав би, що це в Конституції, та якраз серед норм про права трудящих потрібно визначити.

Проте, далеко не всі, навіть найновіші буржуазні Конституції зазначають, кого треба вважати за громадянина держави й багато конституцій посилаються з цього приводу на спеціальний закон (Чехословаччина, Мекленбург-Шверін), але деякі Конституції самі визначають те основне положення, хто є громадянин держави, встановлюючи спеціальними законами лише деталі (наприклад, Фінляндія—арт. 4 та 5, Польща—арт. 88, Ірландія арт. 3, Любек—арт. 3).

Здається, що не тільки у зв'язку з тим, що Конституція трактує про різні політичні та громадські права громадян, але ж й тому, що громадяни УСРР отримують за Конституцією УСРР громадянство СРСР, та за Конституціями союзних радянських республік—права їх громадян,—конче потрібно встановити в самій Конституції, кого вважати за громадянина УСРР.

Далі, в проєкті ми маємо всі ті артикули про волю совісти, зібрань, спілок та друку, що встановлені буквально по всіх радянських Конституціях, та які зробилися чимсь на зразок догми радянського права про права трудящого.

Проте артикул 7-ий проєкту, що трактує за волю зібрань, я вважав би за потрібне погодити з артикулом 324 та 336 Адміністративного Кодексу УСРР, яким надають право вільної організації зібрань, походів та маніфестацій лише організаціям трудящих (державним, партійним, комсомольським, професійним, кооперативним, незможних селян, товариствам взаємодопомоги та іншим організаціям, що одержали на це спеціальне право за своїм статутом).

Так само треба зробити невеличке виправлення в артикулі 11-му проєкту, який „визнає за обов'язок всіх працюючих (курсив мій—Л. К.) республіки обороняти соціалістичну батьківщину та встановлює загальну військову повинність“.

Справа в тому, що вже саме друга частина цього ж артикулу показує, що не виключно працюючі, а так само і „нетрудові елементи“ повинні брати участь в обороні країни.

Це стверджує законодавство СРСР, зокрема закон 1925 року „Про обов'язкову воєнну службу“, де в артикулі 1-ому визначені воєнні обов'язки також нетрудових елементів, а тому самий артикул 1-ий починається отак:

„Оборона СРСР є обов'язок усіх громадян Союзу“.

Згідно з артикулом 222 того ж закону, „громадяни, що позбавлені права обірати та бути обраними в ради, згідно з Конституціями союзних республік, складають тилове ополчення“.

Тому і що до УСРР оборона її є обов'язок усіх громадян, як це видно також і з другої частини арт. 11-го проєкту.

Отже, і в першій частині артикулу треба зазначити, що це є обов'язок лише „працюючих“, але ж і всіх громадян УСРР.

У „Засадах“ ми знаходимо також артикули що до становища національних меншостей.

Про це говорить атр. 23 проєкту.

Особливу увагу до себе привертає друга частина цього артикулу.

Там ми читаємо:

„Для найбільшого забезпечення інтересів національних меншостей, що становлять у тій чи іншій місцевості компакту більшість людности, утворюється, за постановами найвищих органів Республіки, окремі національні адміністративно-територіяльні одиниці, забезпечуючи права іншим національним меншостям, що живуть у цих місцевостях, а також надається право національним меншостям, підчас виборів делегатів на округові й на Всеукраїнські З'їзди Рад, обирати своїх представників числом, передбаченим у законі про вибори, але в кожному разі не менш як одного представника від кожної адміністративно-територіяльної одиниці, утвореної для даної національної меншости“.

Отже, всі нацменшості розподіляють на дві групи: на таких, що дають компакту більшість, і на таких, що компактно більшістю не живуть.

Друга група має менше прав, ніж перша, вона має лише ті права, що їй зазначено арт. 24 проєкту, тоб-то, можливість у всіх своїх громадських стосунках, навіть з державними органами, вживати своєї рідної мови, та гарантію арт. 23 проєкту, що ніяких національних пригнічень не може бути.

Але ж компактні національні меншості мають:

- 1) право на утворення національних адміністративно-територіяльних одиниць,
- 2) гарантії та навіть привілеї цих одиниць при виборах на окружні та Всеукраїнські З'їзди.

Коли перше, що дійсно сполучено з можливістю утворити якусь територію для нацменшости, властиве всім радянським республікам, то другого пункту, оскільки мені відомо, нема ані в законодавстві про вибори, ані в інших законах СРСР та союзних республік, проте потреба на З'їздах, органах найвищої влади УСРР, чути голос організованих національних меншостей — безумовна, а для цього є цілком правдива та правильна думка встановити певні правні гарантії.

XI.

Закінчення.

Межі статті не дозволяють докладніше спинитися на інших артикулах „Засад“ проєкту. Багато в них є цікавого, а іноді і спірного та невдало зредагованого, або не погодженого с чинним законодавством і адміністративною практикою.

Треба сподіватися, що вперта праця над проєктом, яку невпинно провадять найкращі наукові та урядові установи УСРР дасть спроможність позбутися деяких цілком зрозумілих хиб у проєкті, та ще більш підкреслить його вигідні сторони, а ближча сесія ВУЦВК'-у та за нею Всеукраїнський З'їзд Рад остаточно ухвалить нову Конституцію УСРР, де ясно, чітко та систематично будуть встановлені принципи державного соціалістичного будівництва держави диктатури пролетаріату.

Л. Карум.

1 червня 1928 р.

Київ.

Правоспособность и развитие производительных сил*).

(Ст. 4 Гр. Код.).

Со времени опубликования гражданских кодексов Советских Республик в литературе (учебной, журнальной, комментаторской) успело уже сложиться господствующее мнение о значении и смысле ст. 1 и 4 Гр. Код.

Укоренилось оно так прочно, что получило характер как-бы догмата с определенной традиционной формулировкой.

Правда, единогласие наблюдается здесь лишь в отношении общего значения и цели упомянутых статей; что-же касается их конкретного содержания и условий применения, то они продолжают оставаться весьма спорными в литературе, а практика судебных мест не дала существенного материала по этим вопросам.

Такое положение вещей может показаться странным: раз общее значение и цель статей закона правильно поняты и ясно установлены, то, казалось-бы, и определение условий их конкретного содержания не должно вызывать существенных сомнений. И если мы в отношении ст. 1 и 4 наблюдаем иное явление, то объясняется это, на наш взгляд, как неправильностью господствующего мнения, так и вообще невозможностью свести к точному конкретному содержанию провозглашенные в этих статьях принципы.

В дальнейшем изложении мы даем анализ ст. 4; ст. 1 составляет предмет особого исследования. Такой порядок нам представляется целесообразным, потому что некоторые основные вопросы, выяснение которых необходимо для правильного понимания ст. 1, всего удобнее могут быть обследованы при истолковании ст. 4.

Главнейшие положения господствующего воззрения следующие:

1. В отличие от буржуазной юриспруденции и буржуазных законодательств советское государство наделило своих граждан гражданскими правами не во имя каких-то отвлеченных, не отчуждаемых, естественных прав человека и гражданина, а ради интересов всего коллектива рабоче-крестьянского правительства. Цель предоставления гражданских прав—развитие производительных сил страны.

*) Редакция друкує статтю проф. В. В. Карпека, яка зачеплює низку спірних питаннів, в порядку обговорення.

2. Вследствие того, что гражданские права получили у нас социально-служебный характер, они охраняются не безусловно ради интересов индивидуума, но лишь при условии осуществления их соответственно их социально-хозяйственному назначению, т. е. тогда, когда они служат развитию производительных сил страны.

3. Поэтому суд, применяя ту или иную норму Гражданского Кодекса к данному конкретному случаю, обязан установить: соответствует ли осуществление данного права развитию производительных сил страны, и если убедится в противном, то оставляет осуществление такого права без судебной защиты.

4. Выраженная в ст. 1 и 4 идея, что гражданские права охраняются законом лишь в случае осуществления их в соответствии с их социально-хозяйственным назначением, т. е. в целях развития производительных сил страны, является краеугольным камнем всего нашего гражданского кодекса. Весь Гр. Кодекс освещается, словно рефлекторами, двумя статьями, устанавливающими идейные предпосылки и руководящие начала, положенные в основу Кодекса. Ст. 1 и 4 являются основными; они же проводят резкую грань между советским гражданским правом и правом буржуазных государств¹⁾.

Из всех приведенных положений нельзя найти ни одного, которое не вызвало бы против себя возражений; взятые же в совокупности, они изображают нечто такое, что далеко как от настоящей действительности, так и от истинных намерений и целей законодателя, поскольку они могут быть установлены из текста закона.

Неточным прежде всего является утверждение некоторых представителей господствующего мнения²⁾, что законодательства — все равно буржуазные или советское — наделяют граждан гражданскими правами. В действительности огромное большинство гражданских прав (исключая весьма немногих, наприм. прав на алименты) не наделяются государством, а приобретаются самими гражданами в силу различного рода юридических фактов, с наступлением коих связано приобретение того или иного права. Государство не делает граждан,

¹⁾ А. Гойхбарг — Хозяйственное право РСФСР, т. I, изд. 3, стр. 52; Его-же — доклад в 4 сессии ВЦИК, Бюллетень IV сессии ВЦИК № 3, стр. 9, Его-же — Комментарий к Гр. Код. РСФСР, изд. 1, вып. I, ст. 14 сл. Я. Бранденбургский — Характерные особенности нашего гр. код. Изв. ВЦИК, № 251, 5 ноября 1921 г. И. Славин — Гр. мат. код. Еж. сов. Юстиции № 41, 1922. А. Малицкий — Гр. Код. Сов. Респ., изд. 3, 1927 г., стр. 9 сл. П. Агоштон — Гр. Код. РСФСР, вып. 1, стр. 22 сл. Г. М. Марков, — там-же, стр. 29, В. И. Оливицкий — Гр. Код. Сов. Респ., изд. 3, стр. 29—34. С. В. Александровский — Очерки по гр. праву, изд. 3, стр. 7 сл. Ф. Вольфсон — Учебник гр. права РСФСР, изд. в 1927 г., стр. 17 сл. Е. И. Кельман — Производительные силы и право 1925 г., стр. 37 сл. С. Аскназий — Ст. 1 Гр. Код., Еж. Сов. Юст. 1923 г., №№ 38 и 39, и др.

²⁾ Напр. Ал. Малицкий, — Гр. Код. Сов. Респ., 1927, изд. 3, стр. 9. С. И. Аскназий, — Очерки хоз. права СССР, 1927, стр. 28, Г. М. Марков, Гр. Код. РСФСР, I, стр. 29. С. В. Александровский. Очерки по гр. праву РСФСР, 1924, стр. 9.

напр. собственниками, залогодержателями, кредиторами по обязательству; оно только регулирует меру участия их в частно-правовом обороте (устанавливает частно-правовые институты) и создает для них условия и возможность сделаться участниками этого оборота, субъектами права, поскольку это для них необходимо, желательно и возможно. Иными словами, государство наделяет граждан гражданской правоспособностью, т. е. способностью иметь гражданские права и обязанности. Правда, сама правоспособность некоторыми исследователями рассматривается как право ¹⁾, однако право это и ими относится к категории *ius publicum* (путем частного соглашения правоспособность не может быть ни приобретена, ни утрачена), а не к гражданским правам, о которых идет речь в данном случае. Вот почему и составители Гражданского Кодекса в ст. 4 говорят не о наделинии прав, а о предоставлении правоспособности, под которой они разумеют способность иметь права, т. е. известное свойство или качество, получаемое гражданами от государства ²⁾.

Далее, неправильно изображать дело так, будто, в отличие от советского законодательства, буржуазная юриспруденция и буржуазное законодательство гражданскую правоспособность основывают на отвлеченных, прирожденных, естественных правах индивидуума.

Естественно правовая идея прирожденных, неотчуждаемых прав, конечно, сыграла роль в буржуазных законодательствах и главным образом в науке права, однако она вовсе не является их постоянным

¹⁾ Напр. Н. Dernburg Пандекты I т., стр. 128. С. Crome, System des deutsch. Bürg. R. т. I, стр. 191. Еще Ульпиан (Reg. XIX, 5) определял *commercium* как, *emendi vendendique ius*.

²⁾ Такое понятие правоспособности не есть, конечно, как это думает В. И. Бошко — Очерки развития правовой мысли, 1925 г., стр. 79, 128—130, 453, 468, 469, „продукт естественно-правовых увлечений, доктрина трактованная и ныне трактуемая в буржуазном праве — правоспособность, как врожденное человеку и неотъемлемое от него свойство и способность, существующие независимо от законодателя“. Как это будет показано ниже, господствующее направление рассматривало правоспособность в 19 ст. и рассматривает в начале 20-го именно как свойство (или право), получаемое человеком от государства. Далее представление о правоспособности, как о способности (свойстве, качестве, роли) не приводит к „заколдованному кругу“, из которого якобы до сих пор не могут выйти „традиционные учебники права“, определяющие правоспособность, как способность быть субъектом права, а субъекта права — как лицо, обладающее правоспособностью. Неточности в определении правоспособности действительно встречаются в некоторых учебниках. Однако исследователи глубже рассматривающие этот вопрос, точно разграничивают понятия: под субъектом права они разумеют носителя известного субъективного права, под правоспособностью (личностью) — способность быть носителем прав.

R. Bierling, — Zur Kritik der jurist. Grundbegriffe II, 77: „Subiect eines Rechts kann immer nur heissen, wer dieses Recht hat; rechtsfähig aber heisst ebenso gewiss niemals etwas anderes, als fähig Rechte zu haben, oder m. a. W. fähig Rechtssubject zu sein.“

Ср. О. Gierke, Deutsches Pr. R. I 265, 355. Sohm—Mitteis—Wenger, Institutionen (Gesch. und System des röm. Pr., 17 изд., 1924, стр. 164. L. Enneccerus, Lehrb. des Bürg. R. I, 1926, § 68.

свойством или признаком, и еще до появления в истории доктрины научного социализма была отвергнута западно-европейской наукой в половине 19 века. В течение 19 столетия мы, правда, встречаем отдельных представителей естественно-правовой доктрины, а в конце его даже ее „возрождение“, однако здесь она выступает уже в таких построениях, которые далеки от учений рационалистов и в сущности равносильны их отрицанию.

Сюда относятся например: учение Гегеля, в качестве действующего признающего лишь положительное право и понимающего естественное право, как идею проявляющуюся в историческом развитии положительного права; естественное право с меняющимся содержанием Рудольфа Штамллера; учения, усматривающие в естественном праве совокупность постоянно меняющихся и прогрессирующих идей, которыми руководствуется законодатель при выработке положительного права в целях согласования его с экономическими и политическими требованиями эпохи ¹⁾.

Если мы сосредоточим свое внимание специально на вопросе о правоспособности, то увидим, что здесь влияние идей естественного права еще в меньшей степени, чем в других областях права, оказывало влияние на положительное законодательство. Ведь с точки зрения естественного права все люди равны и все должны быть одинаково правоспособны. И однако никогда на протяжении всей истории до настоящего времени этот принцип не был осуществлен в действительной жизни.

Так, еще в античном мире римским юристам, находящимся под влиянием греческой философии ²⁾, было известно учение о *ius naturale*, однако в вопросе о правоспособности они не признавали его в качестве действующего права независимо от права положительного. С точки зрения *ius naturale* все люди свободны, но рабство всегда оставалось институтом положительного права ³⁾.

Уже самый термин „*persona*“ ⁴⁾, употреблявшийся в римской юриспруденции для выражения понятия личности или правоспособ-

¹⁾ А. Colin — Н. Capitant, Cours élémentaire de droit civil français, т. I, изд. 4. 1923, стр. 3 сл.

Понимая естественное право в последнем смысле, указанные авторы в новых идеях рабочего законодательства усматривают категорию „пролетарского естественного права“.

²⁾ L. Mitteis, — Römische Priv. I, 1908 г., стр. 16. P. Krüger, — Gech. der Quellen und Litter. des röm. R., изд. 2, 1912 г. стр. 44.

³⁾ L. 4 D. (Ulpianus) II. Ср. Kunn, История источников римского права, 1908, стр. 7.

⁴⁾ Маска, которую надевали актеры во время игры Aul. Gell. N. A. V. 7, Ср. Jhering, Geist des röm. R. т. II, изд. 5, стр. 568. Accarias, Précis de droit romain, изд. 4, т. I, 86 Правда термин *persona* в Риме не всегда употреблялся в строго техническом смысле правоспособности. Иногда он употреблялся просто в смысле homo. Поэтому говорили и о *persona servi* l 12, D. 18. 1 и др. У византийцев — Theophil paragr. III. 17, термин этот приобретает уже повидимому. техническое значение Ср. Regelsberger, — Pandekten, I. 234.

ности, указывает на то, что под способностью быть носителем прав разумеется не естественное и прирожденное свойство человека, а нечто полученное им от государства для того, чтобы он мог играть роль субъекта права.

В средние века и в начале нового времени, когда естественно-правовая доктрина в вопросе о правоспособности основывалась не только на римском праве, но и на священном писании ¹⁾, также не только не существовало равенства в правоспособности, но целые массы населения в сущности были почти лишены ее.

Лишь в 17 и 18 веках учение о равной правоспособности на основе прирожденных, неизменных прав индивида получает широкое распространение у рационалистов, а затем в конце 18 и в начале 19 века и соответствующую формулировку и отражение в законодательных актах некоторых западно-европейских народов ²⁾.

В соответствии с интересами экономически наиболее сильного класса торговой и промышленной буржуазии — ради эмансипации личности и частной собственности, связанных в дореволюционную эпоху пережитками феодального строя, — провозглашение свободы индивида и равенства в правоспособности нашло здесь в истории общества наиболее яркое выражение. Было бы однако заблуждением думать, что во всей области права оно получило конкретное выражение и фактическое осуществление. Скорее всего его можно рассматривать как один из тех лозунгов, которые, как показывает опыт истории, властвуют больше над умами, нежели над реальной жизнью. И мы действительно видим, что не только в Наполеоновом кодексе и в Австрийском Уложении с их ограничениями правоспособности, но даже и в Декларации 1789 г. идея общей пользы все же не была принесена в жертву правам индивидуума: согласно смыслу ст. 1 Декларации естественная правоспособность и свобода человека может быть ограничена законодателем в интересах „общей пользы“.

В 19 веке, вместе с падением естественно правовой доктрины, исчезает и учение о прирожденной правоспособности.

В гражданских кодексах, построенных на началах позитивной юриспруденции и изданных вслед за Code Napoléon и Австрийским

¹⁾ Ф. Тарановский, Учебник энциклопедии права, 1917, стр. 205.

²⁾ Декларация прав человека и гражданина 1789 ст. 1: „люди рождаются и пребывают свободными и равными в правах. Общественные отличия могут быть основаны только на общей пользе“; ст. 2: „цель всякого политического союза есть охрана естественных и неотчуждаемых прав человека. Эти права суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению“. Австр. Гр. Улож. 1811 г., § 16: „Всякий человек имеет прирожденные, самим разумом установленные, права и вследствие этого должен признаваться личностью“. Code Napoléon 1804 г. не содержит формулировки правоспособности, как прирожденной способности. Нет ее и в Allgemeines Landrecht für die Pr. St. 1794 г. Редакция § I Th. I tit — „der Mensch wird, in so fern er gewisse Rechte in der Bürgerlichen Gesellschaft genisst, eine Person genannt, скорее выражает мысль о наделении правоспособности государством.

Уложением до настоящего времени, мы не встречали постановлений, декларирующих цель предоставления гражданской правоспособности, но юридическая литература этого периода дает вполне достаточный материал по данному вопросу.

Уже у основоположников исторической школы в правоведении—Савиньи и Пухты—гражданская правоспособность выступает не как приращенное свойство человека, а как качество приобретенное им от положительного права. Правда, у Савиньи эта идея выражена еще не вполне ясно, что объясняется, может быть, крайностями учения его о юридических лицах, как о субъектах искусственных, в противоположность естественным субъектам—лицам физическим.

Но как у Савиньи, так в особенности у более позднейших исследователей термин „естественное лицо“ (die natürliche Person) употребляется не в том смысле, что человек в качестве личности выступает сам по себе, независимо от правопорядка, а в том, что правопорядок наделяет свойством правоспособности нечто такое, что существует независимо от правопорядка, что создано самой природой. Такому понятию „естественного лица“ противопоставляются в качестве юридических лиц, лица „искусственно созданные“ (künstlich gebildete) в том смысле, что здесь выступает нечто такое, что не только получает свойство личности от правопорядка, но своим существованием обязано правопорядку. В соответствии с этим и Савиньи признает, что свойство личности человека приобретается в силу постановления правопорядка, могущего с одной стороны совершенно лишить человека правоспособности или же дать ему только ограниченную правоспособность, с другой стороны наделять свойством личности и нечто такое, что не есть индивидуум ¹⁾. На этой же точке зрения стоит и Пухта, формулирующий ее кратко, но в тоже время с более определенно: „право делает человека личностью; оно же определяет и его деятельность в качестве личности“ ²⁾.

В юридической литературе 2-ой половины 19 и начала 20 века мы встречаем развитие того же воззрения в более обоснованной и детальной формулировке.

Правоспособность, говорит Ф. Регельсбергер, ³⁾ определяется юридическими нормами, которые носят принудительный характер. Поэтому частным распоряжением правоспособность не может быть ни установлена, ни прекращена. Хотя правоспособность—создание правопорядка, однако она может быть предоставлена не всякому предмету. Кто допускает такую возможность, тот забывает, что цель права—защита и развитие разумных человеческих интересов и что всякое право доставляет его носителю некоторую власть. Только существа с человеческими интересами и одаренные волей могут быть субъектами права, а не животные или земельные участки.

¹⁾ Savigny. System des heut. röm. R., т. II, 236 сл.

²⁾ Puchta. Coursus der Institutionen т. I, изд. 9, стр. 45.

³⁾ F. Regelsberger. Pandekten, I, 235 сл.

Можно сказать, что именно человек призван быть личностью. Однако, все ли люди и только лишь они одни, правоспособны? С точки зрения взглядов современной культуры, отрицающей рабство и признающей всех людей лицами, правоспособность иногда рассматривается как прирожденное человеку право, не зависящее от права положительного. Такой взгляд однако кроет в себе заблуждение: конечно, правообразование совершается не по произволу и не по прихоти законодателя; и при разрешении весьма важной проблемы о правоспособности решающую роль играют потребности данного общества, при чем потребности эти определяются теми, кто участвует в правообразовании этого общества. Однако, правоспособность основывается на постановлении права положительного. С точки зрения нашего современного права все люди (независимо от пола, возраста, здоровья) признаются лицами. Но, кроме того, положительное право в качестве лиц признает государство, общины, общества разного рода, учреждения, заведения. Все эти организации действительно являются средоточиями человеческих интересов, осуществление коих является их задачей. Конечно, они не обладают подобно людям индивидуальной волей, но у них есть совокупность воли, организация воли, позволяющая им выступать во внешнем мире. Все то, что, не будучи человеком, выступает в качестве личности, называется в настоящее время юридическим лицом; в противоположность последним люди называются естественными лицами. Терминология эта не вполне удачна; она может привести к ложному представлению, что только юридические лица получают правоспособность от положительного права. В действительности, как юридические, так и физические лица свойства личности получают от положительного права.

По мнению О. Гирке¹⁾ способность быть субъектом прав и обязанностей сообщается объективным правом. Право личности, являющееся основой всех отдельных прав и обязанностей, основывается на признании его юридической нормой. Объективное право в силу своего формального всемогущества могло бы любой предмет сделать личностью, однако—в соответствии со своей идеей и с реальными результатами в качестве личности оно признает лишь носителя свободной воли.

В прежнее время качество личности приписывалось существам сверхъестественным (божеству, святым), животным и даже предметам неодушевленным. Но уже очень рано на такие существа и предметы перестали серьезно смотреть, как на личности. Так, напр., уже в середине века выражение „собственность св. Петра“ утратило свой первоначальный смысл и служило лишь для обозначения собственности учреждения: живое народное право всегда признает в качестве субъекта права лишь носителя воли. Таким образом субъектами права являются исключительно люди: как отдельные индивиды или как их совокупности.

1) O. Gierke, — Deutsches Privat. 1895, т. I, 265 сл 471.

Подобно индивиду, и их совокупности — не есть создание объективного права, но в качестве личностей они выступают постольку, поскольку признаются правопорядком.

Разбирая вопрос о правоспособности, автор одного из новейших курсов по общей части германского гражданского права Г. Леманн¹⁾ отмечает, что он может быть разрешен только на почве данного положительного права, что он есть вопрос позитивно-правовой. При признании правоспособности правопорядок руководствуется нравственными воззрениями и хозяйственными потребностями данного общества. Рим, напр., не признавал личность рабов. Согласно действующему германскому гражданскому праву правоспособными признаются: человек и при этом всякий человек. Принцип этот, хотя прямо и не выражен в законе, однако признается всеми культурными народами современности и может быть выведен из § 1 B. g. B. Далее правоспособность признана за известными организациями. Но если правопорядок может сообщить правоспособность, то он может отнять ее или же ограничить. Германскому гражданскому праву неизвестно общее лишение правоспособности, оно знает только неспособность к некоторым правам и обязанностям. Таким образом правоспособность физических и юридических лиц основывается на признании ее со стороны правопорядка.

Можно было бы продолжить перечень мнений представителей западно-европейской юриспруденции²⁾ по интересующему нас вопросу, но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в неосновательности выставляемого господствующим мнением положения.

Современная юриспруденция рассматривает личность и правоспособность как качество приобретенное от государства. Она не только не считает правоспособность индивида за естественное, природное право человека и гражданина, но признает, что в истории, еще до признания личности человека, в качестве субъектов гражданских прав выступали коллективные субъекты (род, община, семья). Правоспособность отдельного человека — продукт более позднего развития. То обстоятельство, что значение личности, как индивидуум, так и коллектив получает от государства, внушили Лабанду мысль, что в сущности даже „нет вообще личностей физических, а есть только личности юридические“^{3) 4)}.

¹⁾ Н. Lehmann.—Allgem. Theil des Bürg. R. 2, изд. 1922 г., стр. 58, 59, 276.

²⁾ Ср. напр. Windscheid-Kipp,—Lehrb. des Pandektenrechts, т. I, изд. 9, стр. 224. I. Unger,—System des österr. allg. Bürg. R. т. I, изд. 4, стр. 230. Г. Еллинек — Общее учение о государстве, русский перевод, 2 изд., 1908 г., стр. 279. Sohm-Mitteis-Wenger—Institutionen, изд. 17, 1924 г., стр. 206. А. Egger.—Das Personenrecht, в Kommentar zum Schweiz Zivilk 1911, стр. 27 сл.

³⁾ А. К. Митюков.—Курс римского права, изд. 3, 1912 г., стр. 354, 355. Ср. Laband,—Staatsrecht, стр. 86.

⁴⁾ Здесь мы не рассматриваем вопроса, поскольку правилен взгляд, что государство создает правоспособность. Мы хотели только показать, что на этой

II.

В постановлении I части ст. 4 Гр. Код. господствующее мнение усматривает не просто декларацию целевых соображений составителей закона относительно предоставления гражданской правоспособности, а установление функций, которые должны выполнить и в действительности выполняют гражданские права.

Приписывая им единственную цель — развитие производительных сил страны, — господствующее мнение в ст. 4 видит конкретное выражение высказанного в ст. 1 Гр. Код. общего принципа — защиты гражданских прав при условии осуществления их в соответствии с социально-хозяйственным назначением — и от выполнения его ставит в зависимость охрану прав судом в каждом отдельном случае.

Из подобной трактовки ст. 4 логически вытекают следующие выводы: 1) всякий, кто не участвует в развитии производительных сил страны не наделяется вообще гражданской правоспособностью; поэтому, напр., безумные, сумасшедшие, инвалиды, дети, дряхлые старики не могли бы быть собственниками, залогодателями, кредиторами, должниками, продавцами, покупателями, наследниками и т. д.; 2) всякий, даже вообще способный к развитию производительных сил, при осуществлении своей правоспособности — установлении, изменении, прекращении, использовании своих гражданских прав — должен предварительно удостоверить (по крайней мере в случае возражения противника) факт своего участия в развитии производительных сил; 3) охрана гражданских прав исключается и в тех случаях, когда осуществление их, хотя прямо и не препятствует развитию производительных сил страны, однако и не содействует ему.

Таких выводов господствующее мнение не делает: слишком они противоречили бы нашей правовой действительности. Нисколько не выигрывая от этого в своей логической последовательности, оно продолжает, однако, вызывать сомнения в целом ряде вопросов принципиального и практического характера.

Бесспорно, ст. 4 содержит в себе формулировку целевых соображений законодателя, по заявлению которого правоспособность гражданам предоставляется и как следствие этого гражданские права могут быть устанавливаемы и используемы — ради развития производительных сил страны.

Возникает, однако, вопрос: выступает ли понятие цели здесь только в смысле общих соображений законодателя (мотивов) или же и в смысле функции, которую частные права должны выполнить в современном гражданском обороте советских республик?

Тот или иной ответ разрешает и основной вопрос о смысле и значении I-й части ст. 4. В первом случае она в сущности утрачивает

точке зрения стоит и буржуазная юриспруденция. Ср. И. Разумовский. — Категории субъекта в сов. праве, Революция права № 3, 1927 г. Е. Пашуканис. Марксистская теория права, Революция права, № 3, 1927 г.

всякое практическое действие, имея характер декларации одного из основных лозунгов переживаемой нами эпохи; значение ее ничуть не больше того, какое могли иметь постановления ст. 2 Французской конституции 3 сентября 1791 г., что „цель всякого политического союза есть охрана естественных и неотчуждаемых прав человека (свободы, собственности, безопасности и сопротивления угнетению“), или же ст. I титула IV той же конституции: что „государственная вооруженная сила установлена в целях защиты государства от внешних врагов для обеспечения порядка и исполнения законов внутри страны“. Ежели же статья на вторую точку зрения — придется признать, что самый факт обладания гражданской правоспособностью и использование прав ст. 4 ставит в зависимость от возможности осуществления и действительного выполнения цели закона.

Как было указано, господствующее мнение проводит вторую точку зрения.

Мало вероятным представляется, однако, чтобы и сам законодатель желал придать ст. 4 подобное значение; при таком намерении, ради чрезвычайной важности практических последствий статьи, он дал бы ей более отчетливую формулировку и снабдил бы ее соответствующей санкцией.

Далее, если развитие производительных сил и может служить оправданием предоставления гражданской правоспособности со стороны законодателя, стоящего на точке зрения теории исторического материализма,¹⁾ то вследствие своей неопределенности оно непригодно для установления цели — функции, кроме того, как мы увидим ниже, не исчерпывает собою действительных функций гражданских прав даже в рамках, отведенных им в Советских республиках.

В литературе неоднократно отмечалось, что понятие производительных сил хотя и имеет выдающуюся роль в доктрине исторического материализма, однако не получило достаточного развития ни в буржуазной, ни в марксистской науке. У разных исследователей мы встречаем разное определение понятия; точного определения производительных сил мы не встречаем и в сочинениях Маркса и Энгельса²⁾.

Так, напр., Дж. Стюарт Милль под производительными силами разумеет производительность элементов производства, куда им относятся естественные выгоды — почва, климат и проч. — энергия труда, искусства и знания, пути сообщения, нравственные качества рабочих, безопасность³⁾.

¹⁾ В действительности, как отмечает П. Стучка. — Классовое государство и гражданское право, 1924 г., стр. 69. и для пролетариата и его власти развитие производительных сил есть только средство, а не цель.

²⁾ М. И. Туган-Барановский. — Теоретические основы Марксизма, изд. 4, 1918, стр. 4. К. Г. Воблый. — Производительные силы Украины; Техника, Экономика и Право № 4—5, 1925 г. Киев, стр. 126. Е. И. Кельман. — Производительные силы и право. Киев, 1925 г. стр. 5 сл.

³⁾ См. К. Г. Воблый. — *ibid.*, стр. 126.

Фр. Лист, признавая, что благосостояние нации обуславливается не количеством богатств, т. е. меновых ценностей, а степенью развития производительных сил, под последним понимает „способность создавать богатство“, при чем он не ограничивает производительные силы факторами, производящими материальные ценности, но относит к ним и христианство, и единоженство, и престолонаследие и проч. ¹⁾

Тегоборский разделяет производительные силы на две группы: физические или естественные и интеллектуальные. К первым он относит пространство и плодородие почвы, существо и качество ее продукции, географическое и топографическое положение, климат, физические силы населения, различные породы животных. Ко вторым — степень умственного развития народа, характер, нравы, их склонности и их способности в области различных видов производительного труда ²⁾.

Карл Маркс под производительными силами чаще всего понимает материальные средства производства; в таком разумении встречается этот термин и у Энгельса. Однако у самого Маркса встречается понятие производительных сил в более широком смысле. Так, напр., в „Нищете Философии“ он говорит, что из всех производительных сил сам революционный класс является величайшей производительной силой ³⁾.

По мнению Туган-Барановского, таинственные производительные силы, господствующие над жизнью общества, суть не что иное, как совокупность материальных факторов, материальных условий хозяйственного труда. В понятие производительных сил входит не все то, что так или иначе влияет на хозяйство, но лишь часть этого более широкого понятия, именно вещественные, материальные условия хозяйства ⁴⁾.

Н. Бухарин под производительными силами разумеет совокупность средств производства и рабочих сил. Таким образом, это будет совокупность машин разного рода, сырья, топлива и т. п. *in natura* с одной стороны, совокупность разного рода рабочих сил *in natura* с другой ⁵⁾.

Такое же понятие производительных сил встречаем у П. Маслова ⁶⁾ и В. Дашковского ⁷⁾.

Если в качестве господствующего принять определение производительных сил, как совокупности материальных средств производства и рабочих сил, то развитие производительных сил страны

¹⁾ Выш. соч., стр. 127, 128.

²⁾ Выш. соч., стр. 129.

³⁾ К. Маркс.—Нищета Философии, 1922 г., стр. 158.

⁴⁾ Теоретические основы марксизма, изд. 4, 1918, стр. 13.

⁵⁾ Экономика переходного времени, ч. 1, стр. 36.

⁶⁾ Курс истории народного хозяйства, стр. 8.

⁷⁾ Конспективный курс политической экономии, изд. 2, 1925 г., стр. 6.

может быть сведено к трем формам: 1) развитию способностей, умения, навыка работников, 2) увеличению запасов веществ, обрабатываемых человеком и 3) увеличению количества и усовершенствованию качества орудий, при помощи которых человек воздействует на природу¹⁾. Но, понимаемое даже в таком широком смысле, развитие производительных сил не может служить и не служит в действительности исключительной функцией частного права. Для определения последней, помимо выяснения сущности частного права и изучения действующего гражданского оборота, полезно установить исторические причины происхождения современного советского гражданского права.

III.

В течение периода так наз. „военного коммунизма“, когда отпала частная собственность на землю, леса, воды и недра, когда банки, транспорт, городские дома, крупная и средняя промышленность были национализированы, а мелкая, в том числе и кустарная, обязана была выполнять заказы по нарядам Губкустпрома, когда на все виды сырья была объявлена государственная монополия и с введением продразверстки даже продукты сельского хозяйства утратили характер товара—исчезли предпосылки для существования частно-правового оборота и для юридических норм регулирующих этот оборот. Вместе с упразднением частного оборота вещественных благ, с установлением всеобщей трудовой повинности, и труд городского населения утратил частную автономию. Хозяйственной автономией продолжал пользоваться еще только труд сельского населения хотя и он, согласно декрету, принятому на VIII Съезде Советов 29 декабря 1920 г. „о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства“ подлежал плановому регулированию, поскольку декрет задавался „грандиозной целью подчинить все трудовое сельско-хозяйственное население единому посевному плану, который должен был в целом разрабатываться в центре, за сим развертываться в губернских комитетах и далее, через уездные и волостные центры, должен был определить посевной план и план севооборота вполне принудительно для каждой трудовой единицы в области сельского хозяйства“²⁾.

На ряду с указанными мероприятиями, вызвавшими отмирание частно-правовых отношений, естественным было и запрещение применения в судах дореволюционного гражданского и торгового законодательства и обычного права³⁾.

В результате такой системы почти вся область народного хозяйства была централизована и подчинена плановой организации. Если еще сельское население средства для пропитания и для удов-

¹⁾ И. Д а ш к о в с к и й.—Конспективный курс политэкономии. 2 изд. 1925 г. стр. 6.

²⁾ В. Ш р е т е р.—Внутренняя торговля 1926, стр. 9 сл.

³⁾ С. У. 1920 г. № 83, стр. 407. Положение о нар. Суде РСФСР, стр. 22 и прим.; цитировано у В. Ш р е т е р а, Внутренняя торговля, стр. 10. прим. I.

летворения иных потребностей добывало собственной хозяйственной деятельностью, то все остальное население должно было снабжаться всеми необходимыми предметами из общегосударственного фонда в порядке распределения государством через Наркомпрод или же через кооперацию, превратившуюся к тому времени во вспомогательный аппарат Наркомпрода. Отняв у граждан возможность удовлетворять свои жизненные потребности при посредстве частно-правового оборота, государство неизбежно должно было принять на себя обязанность снабжения всех трудящихся и утративших трудоспособность.

Действительно в то время на государственное снабжение было взято 40 миллионов человек¹⁾.

Фактически в то время государство не могло выполнить принятой на себя задачи: переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышал его наличные силы²⁾. Поэтому в реальной жизни, даже в самый острый период военного коммунизма, снабжение населения необходимыми благами— вещами и услугами— совершалось не исключительно за счет государства и через его органы в плановом порядке, а и при посредстве частного оборота—вольного рынка и применения вольного труда. Этот оборот, будучи формально нелегальным³⁾, не только лишенным судебной защиты, но и уголовно наказуемым, в силу необходимых потребностей жизни, как необходимое экономическое отношение, выполнял функции частно-правового оборота. Конечно в тот период даже наем пастуха в деревне, вопреки мнению А. Г. Гойхбарга⁴⁾, не мог трактоваться как единственное частно-правовое отношение; до такой пастушеской идиллии не дошел даже тогдашний строй хозяйственной жизни. На самом деле, на ряду с наймом пастуха, существовало множество частных отношений, (по покупке, продаже, найму, подряду, поручению, займу и т. д.), которые, хотя и стояли вне области закона и судебной защиты, но все же выполняли практические потребности жизни.

Если бы в дальнейшем, как правильно отмечает В. Шретер, не последовал поворот к новой экономической политике, то и этот оборот был бы обречен на постепенное отмирание, ибо „запасы неучтенные иссякали, преграды мешочничеству и нелегальной торговле предметами продовольствия все вырастали⁵⁾. Однако, до этого дело не дошло и в начале 1921 г. наступил резкий поворот.

¹⁾ Основы Советской экономической политики под ред. В. П. Милютина. Ч. I 1927 г., стр. 17.

²⁾ Н. Ленин.—Новая экон. полит. Статьи и речи. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции, стр. 185.

³⁾ Подпольным, как называет его В. Рубинштейн. Принципы Соц-экономическ. назнач. права в Гр. К. РСФСР. Сов. право, 1926 г. № 3, стр. 69.

⁴⁾ Хозяйственное право РСФСР, изд. 3, стр. 5.

⁵⁾ В. Шретер.—Внутренняя торговля, стр. 10

Причины перехода к новой экономической политике выявлены в речах и докладах В. И. Ленина, посвященных этому вопросу¹⁾. Они сложны, но в своей совокупности могут быть сведены к тому, что военный коммунизм стал в противоречие с господствующими в стране отношениями производства и распределения. Основной и главнейшей причиной послужил необыкновенно обострившийся кризис крестьянского хозяйства²⁾, выразившийся в массовом сокращении запасов. По данным НКФ, посевная площадь в Европейской части сократилась с 61,2 милл. десятин в 1917 г. до 45,8 милл. дес. в 1920 г.³⁾ При чем главную роль в сокращении посева играла продразверстка, а не гражданская война⁴⁾.

Наряду с упадком сельского хозяйства, в качестве причин перехода к новой экономической политике, послужили: кризис в остальных областях народного хозяйства и невозможность при существовании миллионов мелких производителей выполнить для государства принятую им на себя продовольственную обязанность.

Новая экономическая политика выразилась в целом ряде экономических мероприятий весьма разнообразных, но проникнутых общей основной идеей: отказом от системы исключительно централизованного планового хозяйства и снабжения населения государством и в связи с этим допущением в установленных законом границах частных хозяйств, частного оборота, свободы труда и снабжения граждан за свой счет, своими средствами и силами.

В области законодательства это означало перестройку в соответствии с новыми задачами институтов земельного, трудового, финансового, промышленного, торгового права и др., создание ряда институтов частного права, относящихся к различным сторонам хозяйственной деятельности, и, наконец, объединение основных институтов частного права в гражданские кодексы советских республик.

По мысли законодателя вся эта правовая область должна была иметь своею целью развитие производительных сил страны. В отношении институтов права, регулирующих централизованную плановость хозяйства советских республик, цель эта действительно совпадает с функциями, которые они призваны выполнять. Осуществление этих функций есть то, к чему призваны права, непосредственно служащие интересам господствующего класса в настоящий переходный период. Контроль над их осуществлением действительно может

1) Н. Ленин.—Новая экономическая политика (статьи и речи).

2) Н. Ленин.—Новая экономическая политика, стр. 23.

3) П. П. Гензель.—Налоги союза СССР. 1926, стр. 9, прим. 1.

4) Это доказывается тем, что „наиболее сильно сократились посевы в Велюкороссии, которая несла всю тяжесть продразверстки. На Украине, где свирепствовала гражданская война, они сократились вдвое-втрое меньше. В Сибири, где также шла гражданская война, убыль посевов была минимальная. Зато в 1921 г., после введения натурального налога, посевная площадь сократилась сразу на одну четверть“. П. П. Гензель.—Налоги Союза ССР 1926, стр. 9.

быть проведен в жизнь не только судом в случае нарушения права, но и государственными органами в их повседневном хозяйственном обороте.

Иначе обстоит дело с институтами гражданского права, регулируемыми отношения частных лиц и их объединений.

Уже из рассмотрения причин происхождения их в результате новой экономической политики вытекает, что назначение их должно было заключаться в создании для отдельных граждан и объединений возможности использования в установленных законом пределах частного оборота хозяйственных благ (предметов и услуг), необходимых для удовлетворения их жизненных потребностей.

Законодатель, слагающий с себя обязанность снабжения граждан необходимыми для них предметами и услугами, не мог не сознавать, что он поставлен в необходимость, взамен государственного снабжения, предоставить гражданам способы снабжения путем товарного оборота, на основе частно-имущественных прав.

В ст. 4 Гр. Код. указанная цель гражданских прав не выявлена, однако она нашла достаточно ясное выражение в другом законодательном акте, в Постановлении ВЦИК'а об основных частных имущественных правах граждан от 22 мая 1922 г. Именно в вводной части Постановления назначение гражданских прав формулировано следующим образом: „В целях установления точных взаимоотношений государственных органов с объединениями и частными лицами, которые принимают участие в развитии производительных сил страны, а также взаимоотношений частных лиц и их объединений между собою и в целях предоставления вытекающих отсюда правовых гарантий, необходимых для осуществления имущественных прав граждан РСФСР и иностранцев, ВЦИК постановляет“...

Некоторые из исследователей советского права, повидимому, не усматривают никакой существенной разницы между приведенным постановлением и первой частью 4-й ст. Гр. Код. С их точки зрения и Постановление и ст. 4-я выражают одну и ту же мысль о поставлении гражданских прав исключительно на служении производительным силам¹⁾.

Такой взгляд мы считаем неправильным. 1-ая часть ст. 4 содержит лишь выражение мотивов наделения граждан правоспособностью; при чем мотивы эти удовлетворяют не всякого исследователя стоящего на марксистской точке зрения²⁾. В Постановлении же ВЦИК'а заключается точная и деловая формулировка роли, которую должны выполнять частные права в переходный период новой экономической политики. Здесь также говорится о развитии производительных сил, однако только в части, трактующей о правоотношениях с участием

¹⁾ См. напр. Е. И. Кельман.—Производительные силы и право, 1925 г. стр. 37. Ал. Малицкий.—Гражданский кодекс Сов. респ. изд. 3. 1927, стр. 7.

²⁾ П. И. Стучка.—Классовое Государство и гражданское право. 1924, стр. 69.

органов государственной власти, т. е. в той области, где указанная цель действительно может быть практически выполнена. Поскольку дальше идет речь о правоотношениях частных лиц и объединений между собою о производительных силах уже вовсе не упоминается; правоспособность в этом случае предоставляется просто ради возможности установления частных правоотношений. В заключительной части в качестве цели подчеркивается чисто правовой момент—„гарантий“, необходимых для осуществления имущественных прав граждан.

Невозможность сведения назначения гражданских прав к развитию производительных сил страны вытекает не только из самого процесса их возникновения. Она уясняется также из самой природы гражданских прав и, наконец, из наблюдения над действительным современным частно-правовым оборотом.

В системе советского права, по сравнению не только с дореволюционным, но и с современным правом западно-европейских народов, гражданским правам частных лиц отведена весьма узкая сфера применения.

Целые области—земельное, трудовое, семейное право—выделены из системы гражданского права, объединены в отдельные кодексы и прониклись по существу характером публичного права. Но то, что осталось на долю частного права, имеет черты права, которое всегда—поскольку оно есть частное право, а не что то иное, кроющееся под таким наименованием,—несет с собою некоторую автономию для индивидуума в осуществлении его хозяйственной деятельности—производстве, обмене, потреблении—т. е. того, что на юридическом языке называется гражданским оборотом. В особенности свобода обмена,—т. е. приобретения и отчуждения благ, является характерной для гражданского права наших дней, когда огромное большинство благ вследствие все усиливающего разделения труда, не производится самими потребителями, а приобретает путем массовых сделок.

Свобода эта может быть весьма широкой; она может быть заключена в узкие рамки, но совершенно отнятой у индивида она не может быть без того, чтобы не исчезли следы и самого частного права. Конечно и частное право, как и публичное, призвано к тому чтобы служить интересам господствующего класса, или, как выражались юристы старого времени, интересам общественным.

Такое воззрение на гражданское право далеко не было чуждо старой юриспруденции и юриспруденции довоенного времени, когда индивидуальные интересы играли крупную роль.

Так, еще Ф и х т е, исходя из социальной природы всякого права, гражданское законодательство причислял к публичному праву¹⁾.

Вслед за ним и Е. Д ю р к г е й м признавал, что „всякое право, не исключая и т. наз. частного права, имеет публично правовой

¹⁾ Fichte, Sämtliche Werke, III, 1845.

характер, потому, что содержит в себе социальные элементы, осуществляется в обществе“¹⁾.

Позже Биндинг учил, что всякая правовая норма имеет публично-правовую природу, всякое нарушение нормы есть нарушение публичного права²⁾.

К этому взгляду в сущности примыкал и А. Тон, сам выставивший и обосновавший т. наз. „формальную“ теорию разграничения публичного и частного права. Ибо теория эта, по мысли Тона, находит применение лишь к праву в субъективном смысле; что же касается объективного права, то, поскольку оно представляет собою „общую волю“ или волю „правового общения“,—оно во всех своих частях носит характер публичного права³⁾.

Еще более определенное выражение того же взгляда можно встретить у И. Бирмана⁴⁾, который, критикуя определение Ульпиана, замечает: „таким образом Ульпиан придает значение цели норм права; по его мнению, нормы, которые служат общим интересам относятся к публичному праву, нормы, которые служат интересам отдельных лиц, относятся к частному праву. Но этот критерий не может быть признан годным. Целью права является всегда содействие общим интересам и во всяком случае „никогда забота о частных интересах на счет общих“.

Наконец, с особой силой убеждения учение о социальной природе частного права развивал, как известно, О. Гирке, в свое время выступивший против антисоциального характера Германского Гражданского Уложения⁵⁾.

¹⁾ E. Durkheim. De la division du travail social, étude sur l'organisation des sociétés supérieures, 1895, стр. 135.

²⁾ Binding, Die Normen, I, 144.

³⁾ A. Thon, Rechtsnorm und Subjectives R., 1878, стр. 108 сл.

⁴⁾ I. Biermann, Bürg R. 1908. I § 14, цитировано у Л. Петражицкого. Теория права и госуд. 1910. т. II, стр. 718.

⁵⁾ O. Gierke, Die soziale Aufgabe des Privatrechts 1889 г. Из русских ученых невозможность различать два вида права по цели подчеркивает Л. И. Петражицкий, Теория права и государства, 1910 т. II стр. 730 сл.; тем не менее он признает „что, действительно, в частном и публичном праве дело идет о различных „интересах“, о благе различных лиц—в смысле самой правовой психологии, ее интеллектуального состава. В первой области сознание прав имеет „эгоцентрическое“ направление, во второй области „альтруистическое“ направление: дело идет не о своем благе, как таковом, а о благе других, о служении другим“.

В нашей юридической литературе довольно широким распространением пользуется выдвинутое в особенности проф. А. Г. Гойхбаргом учение о том, что разграничение прав на две области—частное и публичное—устарело и должно быть совершенно отброшено не только в системе советского, но и современного западно-европейского права.

В особенности для советского права, где встречается больше всего ограничений гражданских прав и вмешательств государства в гражданско-правовые отношения отвергается возможность сохранения старого деления. Такое мнение мы считаем противоречащим как процессу развития экономики и права

Признание социального характера гражданского права и единства цели несколько однако не устраняет возможности и практической необходимости установления критерия для разграничения понятия публичного и гражданского права.

Последнее не входит в задачу нашего изложения. Что касается момента цели, то хотя он действительно и непригоден в качестве основы теоретического разделения двух областей права, он все же является одним из характернейших моментов для разграничения функций публичного и гражданского права, в особенности той части последнего, которой по преимуществу присуща частно-правовая природа — области правоотношений отдельных индивидуумов и их объединений.

Ибо хотя цель всякого права — едина, но пути для ее достижения различны.

В то время как публичное право, выполняя общественные функции, прямо возложенные на него государством, непосредственно служит интересам коллектива, — гражданское право, своей непосредственной целью имеющее удовлетворение интересов отдельных индивидуумов, интересам коллектива служит лишь посредственно и именно тем, что государство при известных экономических отношениях признает для себя полезным предоставить отдельным лицам автономию в их хозяйственной деятельности.

Поставить гражданские права частных лиц непосредственно на служение производительным силам и сохранить в тоже время их частно-правовую природу невозможно не только по приведенным соображениям конструктивного порядка, но и по причинам практическим, как вследствие того, что факты осуществления гражданских прав в большинстве случаев не поддаются контролю, индивидуум — же, поскольку его воля является решающей, далеко не всегда согласится сделаться орудием социальной цели, так и потому, что как правильно отмечает Е. Пашуканис, „в товарном обороте социально-хозяйственная цель является лишь слепым результатом частных целей и частных автономных решений“¹⁾.

Советских республик, так и реальной действительности современного правового оборота. Свобода хозяйственного самоопределения граждан у нас сильно сужена, но не упразднена. Здесь мы не можем входить в детальное обсуждение этого вопроса. Впрочем и в советской литературе учение это далеко не пользуется общим признанием.

В особенности в последнее время оно встретило решительный отпор. Интересные соображения по этому вопросу см. у П. И. Стучка, Классовое государство и гражданское право, 1924 г. 34 ст., Е. Пашуканис. — Общая теория права и марксизм, 1924 г. 67. В. Шретер. — Вопросы промышленного права, 1925 г. 107; С. И. Аскназий. — Очерки хозяйственного права, 1926 г. 10-Б. Черепяхин. — К вопросу о частном и публичном праве. В сборнике трудов Госуд. Иркутского унив. Вып. X 1926 г. 258 сл.; Н. Челяпов. — К вопросу об основном разделении права. „Революция права“, 1927 г. № 2. 27 сл. С. Ф. Кечекьян. К вопросу о различии частного и публичного права, Харьков, 1927 г.

¹⁾ Е. Пашуканис. — Общая теория права и марксизм. 1924, стр. 66.

Наконец и факты современного гражданского оборота опровергают господствующее мнение о значении ст. 4 Гр. Код.

В реальной жизни гражданской правоспособностью у нас обладают и гражданские права осуществляют все неограниченные по суду в правах граждане, независимо от способности их к развитию производительных сил вообще и от развития их при осуществлении своих прав в каждом отдельном случае: правоспособны и дети и инвалиды, и старики, и безумные, и больные физически; осуществление прав совершается как судебным порядком, так еще чаще и в повседневном гражданском обороте, независимо от того, способствует ли это осуществление развитию производительных сил или является безразличным для последнего, что имеет место в случаях непроизводительного производства, обмена, потребления.

Если наприм. А заказывает для себя из драгоценного материала предметы домашнего обихода, собирает коллекцию редких монет, ежедневно, вместо воды, пьет дорогое вино и т. д., то вряд ли можно признать, что в этих случаях будет иметь место развивающие производительные силы страны производство, обмен, потребление. Однако на почве их возникают частные права, которые получают охрану и по действующему праву Советских республик. Правда, некогда (17 и 18 век) экономисты всякое производство и обмен признавали выгодным для народного хозяйства. Поэтому, напр. Людовик XIV был убежден, что истраченные им 900 миллионов франков на Версальский дворец способствовали развитию производительных сил Франции. Но уже Адам Смит и Ж. Б. Сей разъяснили несостоятельность такого взгляда¹⁾.

Приведенные случаи все же редки в нашей современной жизни. Безразличными для развития производительных сил страны могут быть однако и такие повседневно встречающиеся случаи осуществления прав, когда напр. А взыскивает с В долг по векселю или по расписке, С ищет с Д неустойку за несвоевременное исполнение обязательства, Е ищет с Ж убытки за повреждение имущества, и т. д.

Все вышеизложенное приводит нас к заключению, что господствующее мнение в отношении ст. 4 не может быть признано правильным. I-я часть ст. 4 Гр. Код. имеет значение простой декларации мотивов предоставления государством гражданам частной правоспособности, являясь лишь обоснованием—*verba enunciativa* законодательного распоряжения.

Но и в таком ее понимании она не содержит в себе какой-либо особенности „коренным образом“ отличающей советское гражданское право от западно-европейского буржуазного. Ибо любое гражданское право культурного государства преследует развитие производительных сил страны, и принцип этот, как правильно говорит П. И. Стучка²⁾,

¹⁾ J. S a y, *Traité*, кн. III, гл. VI.

²⁾ Социалистическое хозяйство и советское право, Революция Права 1927 г. № 1, стр. 20; № 2, стр. 124.

может быть общим и праву класса капиталистов, и праву пролетарской диктатуры, и даже классовое толкование его в том и в другом случае может совпадать. Он и является компромиссным принципом. На нем сходятся или, по крайней мере, могут сойтись в концессионных договорах на срок (конечно, не навсегда) технически прогрессивный капиталист и Советская власть. В нем сами по себе даже не проявляются противоречия ориентации на социализм и уклону к госкапитализму“.

В своем учении о ст. 4 Гр. Код. господствующее мнение напрасно осложнило вопрос, переоценило значение частного права для развития производительных сил и сообщило ст. 4 как бы чудодейственное значение.

Между тем, как правильно отмечает П. И. Стучка, дело обстоит со ст. 4-й значительно проще. В поисках способов внесения инициативы в нашу экономику т. Ленин остановился на старом способе свободной конкуренции. Он смело предложил отступление от военного коммунизма и провозгласил, что в целях развития производительных сил вводится свободный гражданский оборот, ибо этот оборот не противоречит, а необходим для нашего социалистического строительства. Сама по себе голая формула „в целях развития производительных сил страны“ больше ничего не высказывает, как этот мотив¹⁾.

Наконец, не надо забывать, что важнейшим правовым фактором развития производительных сил в советских республиках является не частное право, а нормы, непосредственно регулирующие социалистическую плановость хозяйства, на основе же предоставления гражданской правоспособности произошло „некоторое временное сближение“, а не „коренное отличие“ или „резкая грань“ между советским гражданским правом и буржуазным правом²⁾.

Проф. Вл. Карпека.

¹⁾ Революция права, 1927 г. № 2, стр. 126.

²⁾ Революция права, 1927 г. № 2, стр. 124.

К вопросу о правоспособности физических лиц.

Учение о правоспособности — одно из наименее разработанных в науке права. Оно существует собственно не в самостоятельном виде, а в виде учения о субъектах прав. Но это последнее учение несравненно уже, нежели учение о правоспособности и является лишь одним из его элементов. В самом деле: ведь правоспособность можно исследовать не только со стороны субъектов, но и со стороны тех прав, какие входят в сферу различных ее видов.

В настоящей статье мы затрагиваем один из вопросов, относящихся к учению о гражданской правоспособности физических лиц. Классическим утверждением в этом учении является, как известно, утверждение, что в то время, как для древнего и средневекового права характерно было изъятие из числа субъектов, прав широкого круга несвободного населения, — современное право признает правоспособность за всеми людьми, ограничивая ее лишь в виде наказания за преступления. Такое утверждение вытекает из установившегося взгляда о существовании тесной связи между понятием гражданской правоспособности и понятием свободы. Действительно ли правоспособность и свобода неотделимы? История не убеждает нас в этом. Напротив, она доказывает, что эти два понятия прошли самостоятельный путь развития и их слияние относится лишь к сравнительно кратковременной полосе раннего промышленно-капиталистического права, когда, однако, под именем свободы разумели уже нечто совершенно иное, нежели в предшествовавшие эпохи.

Правовая система товарного общества в его античной и средневековой форме вовсе не выставляла личную свободу в качестве обязательного условия обладания гражданской правоспособностью. В этом отношении традиционный взгляд не верен. Даже рабам, которые, как известно, сплошь и рядом выступали в качестве объектов права, — вместе с тем предоставлялась в известных, иногда довольно широких пределах, гражданская правоспособность¹⁾. Мы встречаем рабов,

¹⁾ В древнем Риме, напр., в пределах специально выделенного рабовладельцем имущества, пекулия, раб мог вступать в правоотношения не только с посторонними лицами, но и с самим рабовладельцем и нередко уплачивал последнему из пекулия выкуп за получение свободы (Boissier, *Rel. rom.*, II 352). Нельзя, конечно, признать, что раб обладал только дееспособностью, не имея правоспособности. Вообще вопрос о формах последней в Риме, несмотря на обилие литературы по римскому праву, представляется весьма неразработанным. Попутно ответим некоторым, в том числе С. Menzel'ю, который не так давно

несших обязанности управляющих предприятиями, капитанов кораблей и пр. Очевидно, что выполнять эти функции можно было лишь обладая правоспособностью. Здесь общая юридическая форма была, след., суровой действительного содержания института. В капиталистическом обществе мы наблюдаем обратное: конкретное содержание института несравненно суровой существующей общей юридической формы. Что, напр., с того, что рабочий при капитализме имеет право обладать собственностью и заключать сделки? Он фактически является собственником лишь своей рабочей силы и вынужден заключать каждый раз одну и ту же сделку — продавать эту силу.

Еще менее было связано понятие правоспособности с понятием свободы в условиях феодального государства, когда, с одной стороны, правоспособность была атрибутом землевладения и правоспособным субъектом, следовательно, являлся лишь руководитель натурально-хозяйственной единицы; жившие в пределах последней свободные и несвободные группы населения не могли иметь гражданских прав. С другой стороны, сами носители правоспособности были в эту эпоху связаны между собой отношениями вассалитета, представлявшими ни что иное, как ограничение свободы вассала¹⁾ в пользу экономически более могущественного субъекта. В период расцвета сословий, когда руководство политической и правовой жизнью осуществляют два класса средне-поместные землевладельцы и торговая буржуазия, в пределах каждого сословия существует своя особая правоспособность. Общество раздроблено на множество в правовом отношении замкнутых областей, внутри которых идет самостоятельное распределение степени правоспособности между отдельными общественными группами. Так, напр., внутри цехов и гильдий правоспособность, как гражданская в виде, напр., занятия ремеслом, так и публичная в форме занятия должностей в органах управления цехами и гильдиями, принадлежит полностью мастерам, в меньшей степени неполноправным членам цеха: подмастерьям, ученикам. Гражданской правоспособностью обладают в это время в известной мере и крепостные крестьяне, в основном лишены лишь права менять местожительство. С другой стороны значительные части правоспособного городского населения в свою очередь прикрепляются²⁾ к тем городам, в которых они живут.

в статье *Ausbildung den Juristen in Sowjet-Russland* (Archiv für die civilistische, Pгахis, V 8, N 1, ноябрь 1927), приводя учебный план киевского юридического факультета, утверждает, что изучение римского права у нас совершенно устранено. Не римское право устранено — устранен фетиш римского права. Изучение же последнего введено в общую систему изучения истории правовых институтов, при чем это изучение идет на основе исследования тех экономико-социальных условий, какие порождали эти правовые институты и вызывали их изменение и исчезновение.

¹⁾ Не даром слово вассал имеет корнем *vass*, означавшее по кельтски раб.

²⁾ Ср., напр., прикрепление черных посадских людей актами XVII в. в Московском государстве. См. Р. Бабун, *Історія інститутів права*, ч. I, стр. 179.

Наконец, и в эпоху абсолютизма, когда совершается переход от феодальной к капиталистической правовой системе, когда делает первые шаги промышленный капитализм и когда собственно начинается процесс отчетливого обособления гражданского права от смежных ветвей права,— даже и в эту эпоху понятие правоспособности не связывают с понятием свободы. Наделяя довольно широко население гражданскими правами, государство в то же время считает своим правом и обязанностью вмешиваться во все стороны гражданско-правовой жизни. Не даром правовую систему этого периода, как ее правильно определил еще Бокль, называют — „системой опеки“.

Только во второй половине абсолютистского периода, когда буржуазии становится тесно в правовых рамках самодержавия — она выдвигает требование свободы и отождествляет последнюю с правоспособностью. Именно идеологи французской революции 1789 г., этого истока основных течений современной буржуазной юриспруденции,— выдвинули отождествление свободы лица с его правоспособностью. Но свободы теперь добивались для других целей и вкладывали в это понятие иной смысл, нежели в докапиталистическое время. Если буржуазия возглавила движение за освобождение от крепостной зависимости, то она требовала этого не в интересах крестьян, а в интересах развития капитализма, в целях превращения крепостного крестьянина в свободного „правоспособного“ субъекта договора личного найма и обеспечения невмешательства государства в этот договор¹⁾. Под свободной разумели, далее, в этот период отмену цеховых ограничений и след. наделение всех слоев населения правом избрания любой невоспрещенной законом профессии. Под свободой понимали уничтожение всех сословных привилегий и, след., буржуазия получала расширение правоспособности в смысле права приобретения различных видов имущества и распоряжения ими. Свобода, наконец, означала невмешательство государства в торговую и промышленную деятельность субъекта и в сферу капиталистической общественности, а, след., расширение правоспособности в этих областях.

Однако, дальнейшее развитие капитализма наносит удар за ударом отождествлению свободы и правоспособности. Эти удары исходят, с одной стороны, прямо от государства, вынужденного ограничить „свободу договора“²⁾ и прежде всего договора между нанимателем

1) Правда, эта „свобода“ от государственного вмешательства в правоотношение между нанимателем и рабочим носила довольно долго односторонний характер и Кодекс Наполеона в ст. 1781 устанавливал, что в случае отсутствия письменного соглашения между хозяином и рабочим, суд обязан верить заявлениям хозяина о размере заработной платы и о взятых в счет ее суммах. Эта статья как „противоречившая принципу равенства“, была отменена лишь в 1868 г. *Boeuf, Résumé de répétitions écrites sur le Code civil, t. III, 265.*

2) В науке о таком ограничении соответственно „общественным интересам“ уже говорил Laurent в его *Principes de droit civil français (t. XVI, 171)*, позже Dernburg, *Das bürg. Recht, II, § 83*, а ныне это стало уже „общим местом“.

и рабочим, а с другой — их наносит косвенно порядок установившихся при современном капитализме отношений: о какой свободе может быть речь в условиях капиталистических монополий? Правоспособный субъект здесь всецело подчинен произволу монополиста. В теоретической области такое „положение вещей“ находит выражение в появлении теорий, совершенно отрицающих возможность отождествить свободу и право. Среди теорий этого рода наиболее отчетливой является теория Дюги, который признает не правоспособность вообще, а лишь ту правоспособность, которая соответствует „функции“, выполняемой данным индивидом в обществе. Те же действия, какие „совершаются членом общества вопреки лежащей на нем функции, будут обществом подавляться“ — говорит Дюги, стремясь теоретически обосновать правовое закрепление хозяйственных позиций между различными классами в капиталистическом обществе. Все более отдаляя понятие правоспособности от понятия свободы, Дюги приходит к мысли об отсутствии субъективных прав вообще и о наличии лишь обязанностей у субъекта. Таким образом отождествление правоспособного субъекта с свободным, чуждое докапиталистическому периоду, развивается и характерно лишь для известной полосы капитализма, а затем исчезает по мере перехода его в стадию монополистическую.

В условиях советского общества, где цели, ради которых физические лица наделяются гражданской правоспособностью, не имеют ничего общего с теми целями, ради которых эти лица обладают правоспособностью в капиталистическом государстве, — понятие гражданской правоспособности в свою очередь совершенно не связано с понятием свободы. Да и это понятие в советских условиях так же мало походит на понятие свободы при капитализме, как это последнее на названное понятие в докапиталистические периоды. Если капиталистическая свобода не означает для трудящихся ничего, кроме полной экономической зависимости, то свобода, осуществление которой составляет задачу советской политико-правовой системы, означает прежде всего свободу от эксплуатации одним классом другого. Она означает, далее, освобождение трудящегося потребителя не только от гнета капиталистических монополий, но и постепенное высвобождение его из-под власти рыночной анархии. Она знаменует устранение той бессистемности в выборе занятий и установлении места отдельных индивидов в обществе, какая при капиталистических порядках сводится к рабочей зависимости от произвола представителей господствующего класса, игры случайностей и пр. Она означает свободу от сделок, вызываемых экономическим подавлением одного хозяйствующего субъекта другим и ведущих при капитализме к установлению, взамен прежних докапиталистических постоянных отношений подчинения, — временных и касающихся определенного объекта, но отнюдь нередко не менее тяжелых обязанностей. То обстоятельство, что такие сделки при капитализме должны заключаться лишь на срок не мешает

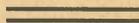
им неизбежно воспроизводиться в силу воспроизводства всего общественного процесса. Свобода в советских условиях означает, наконец, постепенное устранение той неорганизованности в отношениях между обществом и индивидом, которая неизбежна при существовании классовых противоречий и которая в капиталистических государствах, внешне прикрытая капиталистическим правом, создает для трудящегося суровые условия необеспеченности, а для господствующего класса возможность использовать эти условия для целей эксплуатации. Освобождение индивида от названной неорганизованности составляет одну из задач советской правовой системы и входит, как элемент в понятие свободы, осуществление которой будет идти тем быстрее, чем быстрее будет идти социалистическое строительство. Из сказанного видно, что понятие свободы с точки зрения советского права в свою очередь не связано с понятием гражданской правоспособности. Наделение у нас всего населения гражданской правоспособностью вытекает из необходимости экономически преодолеть частно-хозяйственные элементы. Гражданские права, которыми обладают носители этих элементов, существуют в их современной форме, пока идет соревнование между непрерывно возрастающим социалистическим началом и началом частно-хозяйственным. Последнее все суживается и неизбежным ходом экономико-социального развития должно будет исчезнуть. До тех же пор деятельность носителей этих элементов хозяйства заключена в прочные рамы ее непротиворечия общественному укладу советского государства и поставлена под контроль ограничительного толкования закона. Одновременно с этим та категория частно-хозяйствующих субъектов, которая представлена трудящимися кругами населения, все больше оставляет почву индивидуальных сделок и разобщенной борьбы за существование, втягиваясь в систему обобществленных отношений, с окончательным торжеством которой и перестанет быть необходимой значительная область гражданской правоспособности в ее современной форме. Она уступит место иным формам правоспособности. Из этого, однако, ни в коем случае нельзя заключить, что окажется суженной вообще правовая сфера. Чем организованней будет общественная жизнь, чем целесообразнее и точнее будет определено место каждого индивида в нем, тем полнее и шире станут правовые взаимоотношения между индивидами и между каждым из них и обществом.¹⁾ Ведь старая форма правоспособности физических лиц означала в известной степени и стремление перебросить ответственность общества перед индивидом на самого индивида. Когда эта ответст-

¹⁾ Поэтому глубоко ошибочным является мнение, что в советских условиях юриспруденция не имеет широких перспектив. Напротив: согласно непрерывному возрастанию роли, какую в хозяйственной и общественной жизни играет пролетарское государство, расширяются и соответственные ветви права. Можно твердо сказать, что самым ходом истории вопросам правового строительства, как и юридическому образованию, у нас обеспечено богатейшее будущее.

венность будет полностью возложена на общество, создадутся широчайшие возможности использования членами общества их сил и способностей. С другой стороны окончательно исчезнет несоответствие между правовой формой и действительным содержанием института, так часто сопутствующее гражданской правоспособности, когда, при полной наличности последней нет фактической возможности осуществить соответствующее право и оно превращается в *jus pudum*.

Таким образом гражданская правоспособность физических лиц, не являющаяся для нас ни „самоцелью“, ни „общественным идеалом“, ни в коем случае не связана с действительным понятием свободы.

Проф. Р. Бабун.

Абетковий покажчик до „Известий Киевского Коммерческого Института“.

„Известия Киевского Коммерческого Института“ виходили протягом 11 років, з 1909 до 1919 р. За цей час вийшло 33 книжки на 506 друкованих аркушах: Книжки I—XXIX вийшли за редагуванням проф. О. О. Русова, XXX—XXXIII—за редагуванням проф. П. Л. Кованька.

„Известия“ містили в собі наукові розвідки та статті професорів, викладачів та студентів Інституту. Всіх авторів, що писали до „Известий“ було 50, і вони дали 80 праць. З них: 22 професори та викладачі дали 43 праці й 28 студентів—37 праць.

В першій частині покажчика зазначено всі наукові розвідки й навіть невеликі статті за прізвищами авторів, в другій частині міститься хроніка академічного життя Інституту.

I. Наукові розвідки та статті за прізвищами авторів.

- Александров, Д.—Студенческие квартиры в Киеве. 1910. VI. 1—65.
- Бажаев, В.—А. И. Чупров и аграрный вопрос. 1909. II. 1—10.
- „ К вопросу о законах аграрной эволюции. 1909. II. 20—31.
- „ О статистическом изучении систем земледелия. 1910. V. 1—11.
- „ К вопросу о соотношении между экономической статистикой и экономической географией. 1914. XXV. 9—19.
- Барац, Л.—О введении свободных гаваней в России. 1914. XXIII. 1—25.
- „ Итоги полемики по поводу финансирования промышленности. 1918. XXX. 1—21.
- Бейлин, С.—Краткий отчет о командировке в Екатеринослав на Южно-Русскую областную выставку в 1910 году. 1912. XIII. 101—103.
- Бобров, Ф.—Новые методы испытания ткани. 1913. XX. 14—38.
- „ Описание лаборатории товароведения волокнистых веществ. 1913. XIX. 35—48.
- Брунст, В.—К вопросу о возвышении пошлин на некоторые сел.-хоз. орудия и машины. 1910. V. 1—15.
- Вобль, К. Основы экономии страхования. 1914. XXIV. 1—128. XXV. 129—224. XXVI. 225—240.

- Вобл ьй, К. План социального кабинета, организуемого при музее. 1912. XIII. 43—44.
- Вольсов, П. Отчет о командировке на Урал. 1910. IV. 33—62.
- Воскресенский, К. Доклад о командировке в Юзовку на завод и рудники Новороссийского общества 1912. XIII. 58—72.
- Гинзбург, М. Нефть и Бакинская нефтяная промышленность. 1915. XXVIII. 1—72.
- Граве, Д. Энциклопедия математика. 1911. IX. 1—128. X. 129—240. XI. 241—416. XII. 417—601.
- „ Математика страхового дела. 1912. XVI. 1—88.
- Григорьев, М. О γ -окиси из нормального первичного октандиоля (октаметиленгликоля) 1913. XX. 1—16.
- Денисов, В. Вступительное слово, произнесенное в учредительном собрании Юго-Западного Отделения Российской Экспортной Палаты. 1913. XVII. 1—6.
- Довнар-Запольский, М. Задачи экономического возрождения России. 1915. XXIX. 1—69.
- „ Русский вывоз и мировой рынок. 1914. XXII. 1—46.
- „ На заре крестьянской свободы. 1911. VIII. 1—240.
- „ Обзор новейшей Русской истории. 1912. XIII. 1—48. XIV. 49—288. XV. 289—427.
- „ Ближайшие задачи русского экспорта. 1913. XVII. 7—40.
- Драгоманов, С. Муниципальные предприятия в Швейцарии. 1913. XVIII. 91—121.
- „ Первый международный съезд представителей городов. 1915. XXIX. 1—28.
- Егоров, И. Технический анализ. 1909. II. 1—80. 1910. III. 81—256.
- „ Об окиси из декаметиленгликоля 1910. IV. 1—11.
- „ Лаборатория технологическая и товароведения волокнистых веществ. 1912. XIII. 51—57.
- Иванов, В. К вопросу об институте земско-городского благоустройства в Киеве. 1913. XX. 54—66.
- Калашников, Н. Очерк пятилетней деятельности общества вспомоществования недостаточным студентам К. К. Института. 1915. XXVIII. 1—54.
- Кассис, Ж. Экономическое положение современной Персии. 1915. XXIX. 1—154.
- „ Положение русской торговли в Сирии. 1913. XVIII. 38—62.
- „ Положение шелководства в Сирии (вместе с Ливаном). 1913. XVIII. 63—69.
- Каштанов, А. О счетоводстве на железных дорогах „Париж—Лион—Средиземное море“. 1914. XXII. 44—191.
- Кобецкий, И. Краткие соображения для производства гидрогеологических исследований Елисаветградского уезда, Херсонской губернии. 1910. VI. 1—12.

- Кобецкий, И. Геологический кабинет при К. К. Институте. 1912. XIII. 45—46.
- Кованько, П. Финансовые проблемы землевладения русских городов. 1919. XXXII. 1—160. XXXIII. 161—288.
- Кои́ава, Н. Кооперативное движение в Закавказьи. 1918. XXX. 1—76.
- Косинский, В. Земельная задолженность и мобилизация земельной собственности. 1913. XIX. 1—80. XX. 81—145. 1915. XXVIII. 147—208. XXIX. 209—304.
- Куприц, А. Краткий отчет о командировке на Одесскую областную промышленную выставку в 1910 г. 1912. XIII. 104—106.
- „ Отчет о Полтавской и Черниговской сельско-хозяйственной и кустарной выставках. 1910. IV. 24—32.
- „ О стеклянной и фарфоровой промышленности Волынской губ. 1912. XIII. 73—94.
- Кэтлэ, А. Социальная физика. Перевод студентов института. 1910. VI. 1—64. 1911. VII. 65—144. IX. 145—240. X. 241—333. 1913. XIX. 1—112. XX. 113—224. 1914. XXI. 225—357.
- Ландо, В. О свеклосахарной промышленности в Германии. 1914. XXII. 26—43.
- Левин, И. Проблема мирового хозяйства в новейшей экономической литературе. 1914. XXI. 1—11.
- Михайлов, Г. Организация высшего образования по местному самоуправлению в Германии. 1914. XXIII. 51—64.
- Наумов, Г. Бюджеты рабочих города Киева. 1914. XXIII. 1—104.
- Нижней, Ф. и Котелянский, Ш. Лондонские курсы международного общества распространения коммерческого образования. 1913. XVIII. 83—90.
- Новаковский, С. Панамский канал и его мировое значение. 1914. XXIV. 1—86. XXV. 87—288. XXVI. 289—384. 1915. XXVII. 385—641.
- „ Сельское хозяйство современной Японии. 1913. XVIII. 197—221.
- Новинский, М. Оценка земель в южно-германских государствах. 1913. XVIII. 122—196.
- Оберучев, К. Значение экономического положения крестьянской семьи в деле развития грамотности среди народа. 1910. IV. 1—35.
- „ Крестьянство и народная школа (по данным школьной анкеты земских школ Киевской губ.). 1911. VII. 1—120.
- Остапенко, С. Персидский рынок и его значение для России. 1913. XVII. 1—175.
- „ Очередная задача русского хлебного экспорта. 1913. XVII. 1—25.
- „ Торговые палаты в Германии. 1914. XXI. 90—118.
- Раби́чев, Я. Импорт русских товаров в Сирию и Палестину. 1913. XVIII. 70—82.

- Русов, А. Краткий обзор развития русской оценочной статистики. 1909. I. 1—132.
- „ О железнодорожной статистике. 1911. XI. 1—64.
- „ Речь памяти А. И. Чупрова на заседании общества экономистов 25 февраля 1909 г. 1909. II. 16—19.
- Рышков, П. Железнодорожный кабинет при К. К. Институте. 1912. XIII. 47—48.
- Слезкин, П. Курс описательного товароведения. 1912. XIII. 1—80. XIV. 81—119.
- „ Сельско-хозяйственное товароведение. 1910. IV. 1—48. V. 49—96. 1912. XV. 97—108.
- Слущкий, Е. Теория корреляций и элементы учения о кривых распределения. 1912. XVI. 1—208.
- Сташевский, Е. Смоленская война 1632—1634 г. 1919. XXXI. 1—328.
- Турнье, А. О преподавании французского языка в Московском Коммерческом Институте и о с'езде преподавателей новых языков в Москве. 1913. XX. 1—12.
- „ Роль фонетики при изучении новых языков. 1914. XXIII. 26—41.
- Франкфурт, И. Страховое дело в Германии. 1913. XVIII. 222—256.
- Чирко, Э. Хлебная торговля на внутреннем рынке Германии. 1914. XXI. 1—89.
- Шейнов, П. Торговый обмен между Россией и Турцией. 1913. XVIII. 1—37.
- Шиммельгор, С. Значение хлопководства и развитие его в России. 1914. XXII. 1—25.
- Якобовский, Р. О первом Всероссийском с'езде бухгалтеров. 1910. V. 1—60.
- Ямзин, И. К вопросу о новых явлениях в сельском хозяйстве Сибири. 1910. V. 1—29.
- Ярошевич, И. Винницкая и Уманская сельско-хозяйственные выставки в 1910 г. 1912. XIII. 95—100.
- „ Крестьянские плантации сахарной свеклы в Юго-Западном крае. 1913. XVII. 1—52.
- „ Памяти А. И. Чупрова. Речь на заседании общества экономистов 25 февр. 1909 г. 1909. II. 11—15.
- „ Юго-Западный край как производительная среда. 1913. XVII. 41—49.
- Яснопольский, Л. О научных заграничных командировках студентов К. К. Института. 1913. XVIII. 1—5.

II. Хроніка академічного життя Інституту.

1. Планы, программы, обозрения преподавания. 1909. I. 1—51. 1910. III. 1—7. V. 1—8. 1911. XI. 1—67. XII. 1—46. 1912. XIII. 117—130. XV. 33—47. 1—96. 1913. XVII. 1—115. XVIII. 15—23. XIX. 1—12. XX.

146. 1914. XXI. 2—8. XXII. 1—50. XXV. 1—8. 1915. XXVIII. 1—8. XXIX. 1—3. 1919. XXXII. 1—18.

2. Положение о К. Коммерческом Институте, устав, общие сведения. 1909. I. 1—28. 1910. IV. 1—50. V. 9—36. 1912. XIII. 1—8. XV. 72—88, 89—92. XVII. 1—23. 1914. XXIII. 1—6. XXI. 1, 9.

3. Труды общества экономистов (протоколы) 1909. II. 1—38. 1910. V. 1—28. 1911. X. 1—18.

4. Учебно-вспомогательные учреждения Института (библиотека, кабинеты, лаборатории, музей). 1910. IV. 1—23, 51—56, 63—64. 1912. XIII. 1—50. XV. 48—71, 93—96. 1913. XVIII. 1—9. XIX. 13—34. XX. 1—13, 39—53. 1914. XXIII. 1—50. 1915. XXVIII. 9—10. 1919. XXXIII. 1—42.

5. Устав ссудо-сберегательной кассы при К. К. Институте. 1912. XIII. 107—116.

6. Обращение Правления К. К. Института к Киевскому городскому голове о расширении площади, занимаемой Институтом. 1913. XVIII. 10—14.

Д. Теремець.

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ: Голова та Відповід. Редактор—Ректор Інституту Н. М. Миколенко. Члени: професори Є. І. Кельман, А. Є. Кристер (ред. відд. права), М. І. Мітіліно, С. Д. Сидорак (ред. відд. економіки). Секретар викладач Ө. С. Добров.

ЗМІСТ.

	Стор.
— Д. Є. Бованенко. Микола Йванович Зібер (До 40-ліття смерти)	3
✓ С. Н. Паленчук. Природа кредиту в господарстві трансформаційної доби	23
— О. П. Оглоблін. Одеське порто-франко	37
✓ Н. В. Маслеников. К вопросу о диспропорции экономических показателей и объемов окружных бюджетов Украины	49
✓ Б. Г. Курц. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой пол. XVIII ст.	59
— Л. С. Карум. До проекту засад поділу I конституції УСРР	135
✓ В. В. Карпека. Гражданская правоспособность и развитие производительных сил	157
✓ Р. Н. Бабун. К вопросу о правоспособности физических лиц	177
— Д. П. Теремець. Абетковий показчик до „Известий Киевского Коммерческого Института“ (1909—1919 pp.)	183

INHALTSVERZEICHNIS.

	Seiten
D. Bowavenko. Zum 40-jährigen Todestage v. Prof. N. Sieber	3
S. Palentshuk. Die Natur des Kredits in der Wirtschaft des Übergangsepoche	23
A. Ogloblin. Porto-franco in Odessa	37
H. Maslenikow. Zur Frage von der Disproportion der Budgeten der Bezirke der Ukraina und deren Koeffizienten	49
B. Kurz. Staatsmonopol im Handel Russlands mit China in der 1. Hälfte des XVIII Jahrh.	59
L. Karum. Zum Proekt einer neuer Staatsverfassung der Ukrainischen S. S. R.	135
W. Karpeka. Bürgerliche Rechtsfähigkeit und die Entwicklung der produktiven Kräfte	157
R. Babun. Über die Rechtsfähigkeit der physischen Personen	177
D. Teremez. Alphabethisches Verzeichnis zu den „Nachrichten des Kiewer Kommerzinstutits“ (1909—1919)	183

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

Київського Інституту Народного Господарства

Зміст попередніх томів:

Т. 1. (1923 р.)

От Редакції.—Д. А. Чернобаев. Несколько приближенных формул по технологии топлива. Г. М. Хиженко. Соціалні явища та їхнє значіння в формуванні суспільних клас. Г. А. Кривченко.—Эволюция сельского хозяйства на Украине за истекшее десятилетие. А. А. Копорский.—Внешняя торговля Украины в 1913 г. Е. И. Кельман.—О постановке юридического образования в Высшей школе. М. А. Чельцов-Бебутов.—Социалистическое правосознание и Уголовный Кодекс. Н. Н. Паше-Озерский.—К вопросу о соучастии в преступлении. Д. Шлосберг.—Этапы развития законодательства по охране труда и соц. страх. в России. А. Э. Крикстер.—Договор поручения и доверенность в Гражданском Кодексе.—Учебные планы. Программы. Библиография.

Т. 2. (1924 р.)

Каган С. С.—Социально-экономическая сущность Гребенского Райкомнезама на Киевщине. Воблый К. Г. и Новицкий М. Г.—Торговля Польши с Россией и Украиной. Карпена В. В.—Рентное обложение. Бошко В. И.—Античное учение о праве и государстве. Гуляев А. М.—Основные положения общей части гражданского кодекса и субъекты прав. Граве Д. А.—О явлении резонанса. Ижевский В. П.—Принципы новейшей термотехники. Гримм—Строение материи. *Академич. жизнь*: Шапошников В. Г.—К вопросу о Н. О. Т. в высшей школе. Григорьев М. М.—Обзор деятельности хоз.-техн. фак. КИНХ'а. Библиография.

Т. 3. (1924 р.)

Воблый К. Г. и Новицкий М. Г.—Торговля Польши с Россией и Украиной (продолжение). Яснопольский Л. Н.—Послевоенное развитие валютных курсов. Гаршин Н. А.—О сохранении Государственного обязательного страхования с-х. культур. Звоницкая А. С.—К вопросу об изучении преступника и преступности. Яновский В. Ф.—Об организации и деятельности постоянной Международной Судебной Палаты. Граве Д. А.—Закон Гука о теории упругости. Делоне Н. Б.—Новые основы теории шарнирно-рычажн. систем. Чернобаев Д. А.—Состав некоторых продажных минеральных красок. Киреевко И. А.—Железобетонная набережная на анкерах в гор. Нижне-Днепровске. Философов М. С.—Кристаллизация крахмала. *Академич. жизнь*: Шапошников В. Г.—О задачах и структуре пром. фак. Кельман Е. И.—Очерк развития и деятельности юридич. фак. КИНХ'а. Кельман Е. И.—Школа права в С.-Ш. Америки. Библиография

Т. 4—5. (1924 р.)

Артемьевский А.—Водный транспорт на Украине. Слезкин П.—Обзор теории и техники свекловодства. Егоров И. В.—Махорочная промышленность Украины. Оппоков Е. В.—Торф. Ижевский В.—Обращенный газогенератор-тепловик. Круковский А.—Перспективы электрификации Киевщины. Личков Б.—Естественные районы и экономическ. районирование. Кривченко Г.—К вопросу о возможных пределах повышения крестьянских урожаев на Украине. Воблый К. Г.—Производительные силы Украины. Кельман Е. И.—Производительные силы и право. Лучицкий В. И.—Марганцовые руды и каолины Правобережной Украины. Шапошников В. Г.—Об использовании льна кудряша для целлюлозного и бумажного производств. Шапошников В. Г.—Влажность льна, как признак стандаризации. Беллинг Д.—Рыбы Украины. Кованько П.—Коммунальные предприятия на Украине. Де-Метц Г. Г.—Радиоактивные богатства Украины. Срезневский Б. И.—Комплексное исследование засух.

Т. 1 (6). (1925 р.)

Яснопольский Л. Н.—Кредитные учреждения на Украине. Кордт В. А.—Русское зерно на голландском хлебном рынке в 30-х г.г. XVII столетия. Короткевич М. К.—Научное обследование работы предприятий. Зворыкин К. А.—О состоянии киевского водопровода. Фомин А. В.—Ботанико-географические районы Украины. Киреевко И. А.—Ксилобетон и деревобетон. Делоне Н. Б.—О рациональном обосновании теории шарнирных механизмов. Чельцов М. А.—Цель уголовного процесса и организация окончательного производства. Гершонов М. М.—Устойчивость землепользования, как фактор развития сельского хозяйства. Библиография.

Ціна 1 крб. 80 коп.

Т. 1 (7). (1926 р.)

С. А. Посвольський.—До питання про державний капіталізм. К. Г. Воблий і М. Г. Новінський.—Торгівля Польщі з Росією та Україною. - О. О. Гаршін.—Страхування від неврожайности. Н. І. Сікорський.—Юридична помилка в галузі кримінального права. О. С. Добров.—Поняття про примушування в цивільному праві. І. Н. Шумілін.—Форми застави краму в кредитових банкових операціях. А. А. Бривуль.—Про досліджування молока київського ринку. Д. А. Чернобаєв.—Обчислення максимальних температур при горінні газового палива.—Академічне життя: Є. І. Кельман. Пам'яті проф. В. М. Гордона.—Д. П. Теремець. Фундам. Бібліотека КІНГ'у.—Бібліографія.

Т. VIII. (1927)

Київський Інститут Народного Господарства за рр. 1917-1927. Друковані праці професорів та викладачів КІНГ'у за 10 років (1917-1927). М. І. Мітіліно.—До питання про торговельні обладки М. М. Товстоліс.—До питання як набувати спадщину В. Ф. Яновський.—Нові консульські конвенції СРСР. М. О. Чельцов-Бебутов.—Міжнародне спілкування криміналістів та наша казна політика. Є. І. Кельман.—Сучасна німецька цивілістика з особистих вражень. Б. Є. Радзюковський.—Поставлення проблеми грошей в переходову добу. Б. Г. Курц.—Схід, імперіалізм та СРСР. З. О. Ділова.—Транзитна торгівля України. О. Р. Петцер.—До справи покладу рейок. БЕЛІОГРАФІЯ. В. М. Іванушкін.—Тюнен в російській літературі. Рецензія—О. С. Добров, Б. О. Язловський, Є. І. Кельман, А. Е. Кристер, П. Л. Кованько.—PERSONALIA. А. Е. Кристер. Пам'яті М. С. Мазора. М. М. Григор'єв. Проф. П. Ф. Єрченко (некролог).

Томи II—VIII можна придбати окремо у в-цтві „Наукових Записок“
Київ, Бульвар Шевченко 24.

Ціна кожного тому 1 карб. 50 коп.

Юридичне Видавництво НКЮ УССР

приймає передплату на 1929 рік
на двухтижневі видання НКЮ УССР

ВІСНИК
РАДЯНСЬКОЇ ЮСТИЦІЇ

Ціна на 1 рік 12 карб.

„ „ 6 міс. 6 карб. 50 к.

Червоне право

Ціна на 1 рік 8 карб.

„ „ 6 міс. 4 карб. 50 к.

Передплату приймають Контори Юр. Вид-ва НКЮ УССР:

Харьк'в, вул. 1 Травня, 8;

Київ, вул. Воровського, 17;

Дніпропетровськ, Проспект Маркса, 18;

Одеса вул. Ласкаля, 12;

Полтава, вул. Котляревського, 11.